Коми научный центр УрО РАН
Институт языка, литературы и истории

ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА В БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ, ПЕЧОРЫ И МЕЗЕНИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА
Выпуск 21

Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА В БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ, ПЕЧОРЫ И МЕЗЕНИ

Материалы по археологии европейского Северо-Востока

Выпуск 21

Сыктывкар, 2022

УДК 902(470.1)
ББК 63.4(2)(231)
П 78
DOI 10.19110/89606-040

ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА В БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ, ПЕЧОРЫ И МЕЗЕНИ: Материалы по археологии европейского Северо-Востока. Вып. 21. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 220 с.

В очередном выпуске «Материалов по археологии европейского Северо-Востока» публикуются данные об опорных комплексах IV–II тыс. до н.э. Акцент в статьях сделан на детальное описание археологических контекстов и результаты их анализа. Сборник посвящен памяти В.И. Канивца, В.Е. Лузгина и И.В. Верещагиной – исследователей, внесших значительный вклад в изучение неолита и эпохи раннего металла на крайнем северо-востоке Европы.

Статьи выпуска адресованы археологам, сотрудникам музеев, краеведам, студентам и всем интересующимся первобытностью.

Исследования проведены для выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам европейского Северо-Востока России)».

FINAL NEOLITHIC AND CHALCOLITHIC SETTLEMENTS IN THE NORTHERN DVINA, PECHORA AND THE MEZEN RIVER BASINS: Materials on archaeology of the European North-East. Issue 21. – Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2022. – 220 p.

The 21st issue of "Materials on Archaeology of the European North-East" publishes data on the reference complexes of the IVth–IId millennia B.C. The emphasis in the articles is on the detailed description of archaeological contexts and the results of their analysis. The collection of papers is dedicated to the memory of V.I. Kanivets, V.E. Luzgin and I.V. Vereshchagina, researchers who contributed significantly to the study on the Neolithic and Chalcolithic periods in the Far North-East of Europe.

The articles in this issue are addressed to archaeologists, museum staff, local historians, students and all those interested in primitive times.

Редколлегия:
В.Н. Карманов (отв. редактор), И.М. Тимушева (отв. секретарь), М.В. Кленов
Editorial Board:
V.N. Karmanov (editor-in-chief), I.M. Timusheva (executive secretary), M.V. Klenov

Рецензенты:
кандидат исторических наук Д.В. Герасимов,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
кандидат исторических наук А.М. Жульников,
Петрозаводский государственный университет

Reviewers:
Dmitriy V. Gerasimov, Candidate of Historical Sciences
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Alexander M. Zhul'nikov, Candidate of Historical Sciences
Petrozavodsk State University

ISBN 978-5-89606-628-6

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

Памяти археологов

Вячеслава Ильича Канивца,

Валерия Евгеньевича Лузгина,

Ирины Викентьевны Верещагиной

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый выпуск «Материалов по археологии европейского Северо-Востока» традиционно публикует сведения об опорных археологических источниках и результатах их анализа. Авторы вводят в научный оборот сведения о поселениях финального неолита и энеолита, или IV – первой половины II тыс. до н.э. Материалы этих памятников документируют время «встречи камня и металла», когда традиции десятков тысяч лет приспосабливаются к новшествам, чтобы через пару тысячелетий окончательно уступить им.

Интерес к этому периоду развития культур таежных охотников-собирателей объясняется необходимостью заполнить пробел в наших знаниях о них. Попытки оформления представлений о культурах IV–II тыс. до н.э. предпринимались более 30 лет назад (Буров, 1986; Стоколос, 1986; 1988; Косинская, 1987). В 1997 г. они были незначительно скорректированы (Стоколос, 1997) и дополнены сведениями об источниках с верхнего течения р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997). С этого времени накоплен значительный объем полевых материалов, однако их большая часть не опубликована в полной мере и известна лишь по архивным источникам. Они пока представляют собой разрозненные сведения, требующие обобщения и систематизации, а также интерпретации в соответствии с современными данными о финальном неолите и энеолите Северной Евразии. Начать это большое дело необходимо с ревизии имеющихся источников и их публикации для обсуждения со специалистами. Предлагаемый читателям сборник – один из первых шагов в этом направлении, благодаря которому общедоступными станут данные об 11 опорных комплексах бассейнов рек Северной Двины, Печоры и Мезени. По нашей оценке, материалы еще 14 памятников энеолита этой обширной территории ждут своих полномерных публикаций.

В основе предложенной группировки статей лежат имеющиеся представления об эволюции культур в регионе: их последовательной смене, вероятном кратковременном сосуществовании и взаимовлиянии. На северо-востоке Европы выявляются по крайней мере три сопряженные группы памятников. Первая – это поселения финала чужъяельской культуры, представленные в сборнике комплексами Эньты VII и Мучкас-1. Их керамическая посуда указывает на постепенное «растворение» исходно западносибирского населения среди носителей пористой керамики, связанных с долинами р. Камы или центром Русской равнины. Далее определяются две очень близкие друг другу группы носителей гаринских традиций в камнеобработке, но с разнородным гончарством: Мартюшевское II, Пидж I/12 (комплекс А), Ласта VI, Шиховское II, Юмиж I. Поиск ответа на вопрос, чем объясняются их особенности – разницей во времени, географией, случайными или налаженными связями, а может и тем, и другим – задача будущих исследований. Здесь уместен один комментарий, касающийся этих источников. В.С. Стоколос обособил аналогичные материалы европейского Северо-Востока в чойновтинскую культуру, которую считал региональным аналогом гаринской культуры. Не все исследователи приняли такую точку зрения (Буров, 1992; Семенов, Несанелене, 1997), однако исследования, сопоставимые по уровню обобщения, никто так и не провел. Поэтому в статьях учтены обе точки зрения, и атрибуция таких памятников обозначена как «гаринская (чойновтинская) культура».

Публикуемые комплексы – результат не только кропотливой и тщательной полевой работы, но и везения, профессиональной удачи. Так, в 2018 г. выявлено место производства фигурного кремня Мартюшевское II – пока единственный памятник такого типа в Северной Евразии. Благодаря исследованиям памятников Мартюшевское II, Шиховское II и Юмиж I, в нашем распоряжении появились прямые свидетельства использования медных артефактов и знакомства с навыками металлообработки на европейском Северо-Востоке в первой половине III тыс. до н.э.

В сборнике представлены и новые данные об организации и использовании жилого пространства населением III тыс. до н.э. В связи с этим очень ценными являются полевые наблюдения Э.С. Логиновой и И.В. Верещагиной. Анализируя материалы поселения Юмиж I, И.В. Верещагина выявила признаки переустройства жилого пространства, обусловленного

необходимостью уборки помещения. Это выразилось в складировании отходов кремнеобработки в специальные ямы с их последующей засыпкой. Ею также зафиксированы свидетельства перестройки системы отопления и расположения входов-выходов, возможно, в связи с изменением погодных условий. В комплексе Мучкас-1 сохранились остатки сгоревшей конструкции, углубленной в грунт. Анализ этих свидетельств дает новую информацию об особенностях домостроительства таежных мобильных охотников: вероятное использование связок тонких стволов в качестве опор и настила с деревянными лагами. Впервые были выявлены остатки конструкции каркаса углубления, которые традиционно связывали со входом-выходом. Но полевые наблюдения указывают на более сложную ситуацию – использование горизонтальных каналов за пределами котлована в одной системе с очагами для отопления-вентиляции жилого пространства. Такие данные расширяют наши представления о разнообразии структур такого типа (Карманов, 2017; 2020).

Публикации материалов стоянок Ласта VI и Ниремка I (пункты № 2, № 4–5) расширяют наше представление об образе жизни людей финального неолита и энеолита, поскольку вводят в научный оборот комплексы наземных жилищ на местах кратковременного обитания. В отличие от углубленных жилищ такие места трудно выявляются археологическими разведками из-за отсутствия их признаков на современной поверхности, небольших размеров и малочисленности инвентаря на них.

Выявлены артефакты иррационального, еще непонятого археологами назначения: керамические диски с отверстием в центре – так называемые «пряслица» (Эньты VII и Шиховское II/2) и фигурный кремень (Мартюшевское II/1). Определены и неординарные ситуации, среди которых выделяется кремнеобрабатывающая мастерская в жилище Юмиж I с аномальным для региона числом заготовок наконечников стрел и их обломков – 470 предметов. С учетом того, что готовая продукция мастерской была унесена ее создателями/потребителями с собой, объемы производства охотничьего вооружения должны быть значительно больше. Примечательно, что такое интенсивное расщепление кремня велось в жилище одновременно с металлообработкой, что подтверждает и ситуация Шиховского II поселения.

Для публикации намеренно отобраны источники, выявленные в разные годы: в 1984 (Юмиж I), 1985 (Эньты VII), 2000 (Шиховское II), 2001 (Ласта VI), 2003 (Пидж I), 2018 (Мартюшевское II) и 2020 гг. (Мучкас). Это показывает развитие археологии эпохи раннего металла в регионе. Очевидная положительная динамика связана с имеющимися у современников техническими возможностями, а именно использованием цифровых электронных устройств и новых техник фиксаций; возможности передачи и публикации археологической информации и ее бóльшая открытость; активное междисциплинарное сотрудничество. Но вопросы, на которые мы пытаемся ответить, и пути, по которым мы идем, заданы еще в прошлом веке нашими предшественниками.

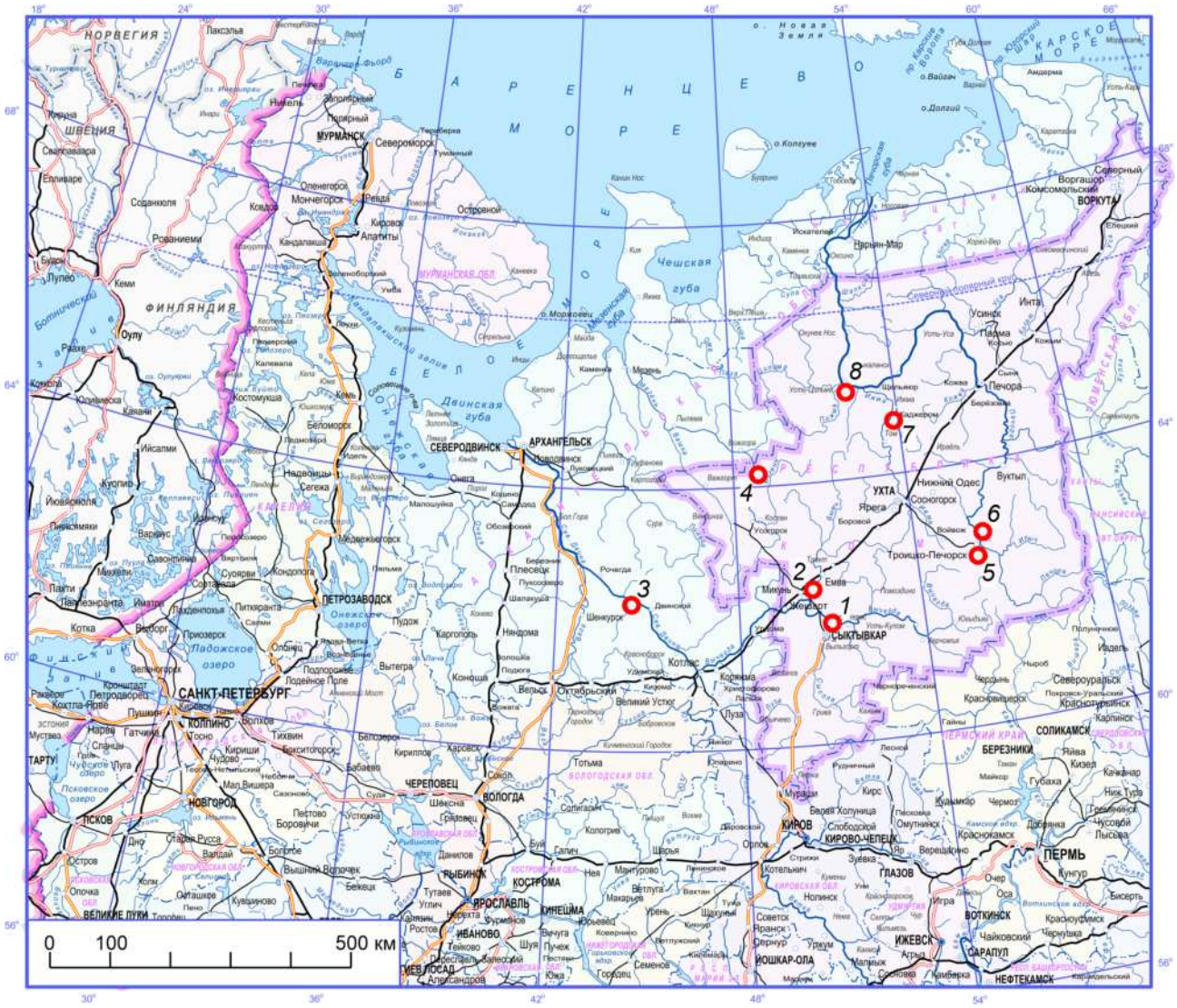
Сборник посвящен памяти исследователей, внесших значимый вклад в изучение памятников финального неолита и энеолита региона: Вячеславу Ильичу Канивцу (1927–1972), Валерию Евгеньевичу Лузгину (1937–1990) и Ирине Викентьевне Верещагиной (1947–2006). Их юбилеи – 95, 85 и 75 лет соответственно – мы отмечаем в 2022 г. О разносторонних интересах В.И. Канивца и его вкладе в археологию написано немало (Васкул, 2007; Савельева, 2007, 2012; Мурыгин, 2012; Туркина, 2012), поэтому в этом издании в разделе «Памяти исследователей» мы собрали воспоминания и впечатления о деятельности Валерия Евгеньевича и Ирины Викентьевны. Но, несомненно, наибольший вклад в разработку действующей региональной культурно-хронологической схемы финального неолита и энеолита внес В.С. Стоколос, поэтому оценка его деятельности и наследия заслуживает особого внимания в дальнейшем.

В сборник включены три статьи, авторы которых – ушедшие от нас Э.С. Логинова, И.В. Верещагина и Ю.В. Паршуков. Из-за невозможности диалога с ними результаты их исследований публикуются максимально незатронутыми редакторской правкой. Вмешательство в их архивные материалы ограничено корректурой орфографии и грамматики. Кроме того, мы были вынуждены оформить тексты по шаблону научных статей в соответствии

с остальными публикациями в сборнике. Для повышения информативности некоторые чертежи оцифрованы с максимальной близостью к оригиналу; сфотографированы предметы, иллюстрации которых в отчетах были неудовлетворительного качества. Фотографии предметов выполнили Е.В. Попов (Пидж I/12, Шиховское II/2, Мартюшевское II/1, Ласта VI) и В.Н. Карманов (Мучкас-1, Юмиж I, Шиховское II/2). В подготовке иллюстраций к публикации также принимал участие И.М. Сизов (Национальный архив Республики Коми).

В современных аналитических исследованиях нам помогали Е.Ю. Гиря, Н.Е. Зарецкая, П.А. Косинцев, А.А. Гольева. За плодотворное сотрудничество авторы статей благодарны коллегам, профессионализм которых значительно повысил познавательные возможности публикуемых источников.

В.Н. Карманов



Карта археологических памятников, материалы которых публикуются в сборнике.
1 – Эньты VII; 2 – Ниремка I; 3 – Юмиж I; 4 – Мучкас; 5 – Мартюшевское II; 6 – Пидж I; 7 – Ласта VI; 8 – Шиховское II.

ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

TO THE MEMORY OF RESEARCHERS

В.Н. Карманов

АРХЕОЛОГ ЛУЗГИН

9 сентября 2022 г. Валерию Евгеньевичу Лузгину, стоявшему у истоков академических археологических исследований в бассейне р. Печоры, могло бы исполниться 85 лет (фото 1). По сравнению с его современниками – В.И. Канивцом и Г.М. Буровым – вспоминают В.Е. Лузгина не так часто, нельзя сказать, что он совсем забыт (Волокитин, 2003). Живо и до сих пор актуально научное наследие ученого, без которого не обходится ни одна работа по археологическому изучению бассейна р. Печоры; мезолита, неолита и эпохи раннего металла северо-востока Европы.

В.Е. Лузгин вместе с Г.М. Буровым и В.И. Канивцом (фото 2–5) заложили основы профессиональной археологии на северо-востоке Европы и внесли значимый вклад в ее развитие. Путь пионера-исследователя – это не только открытия и выдающиеся успехи, но и зачастую малоперспективные пробы и ошибки. В этой статье автор попытался оценить деятельность ученого в контексте своего времени и с позиций современности, показать его как удачливого и оказавшегося в нужное время и в нужном месте археолога, но в силу разных обстоятельств не сумевшего сохранить и развить достигнутый им уровень.

В самом начале 1960-х гг. многое способствовало развитию археологии Коми АССР: здесь уже трудились два профессиональных археолога – Г.М. Буров и В.И. Канивец. Они отработали к этому времени несколько плодотворных полевых сезонов, получили первичные данные о характеристиках памятников на этой территории. Именно с В.И. Канивцом будет первое время ассоциироваться фамилия Лузгина: ведь тот стал ему не только коллегой, но и наставником, соратником в изучении бескрайних просторов Севера. И перед этой командой стояла, прежде всего, задача сплошного археологического обследования огромного пространства. Уже не раз написано и сказано про особенности географии этих работ: Г.М. Буров проводил исследования на р. Вычегде и ее верхних притоках, Э.А. Савельева – на р. Выми, немного на реках Мезени и Вашке, а В.И. Канивец и В.Е. Лузгин – на р. Печоре и ее притоках.

В 1961 г. перед зарождающейся профессиональной археологией возникла проблема – проект переброски стока северных рек – риск масштабной экологической катастрофы и угроза сохранности всего археологического наследия обширных пространств бассейнов Печоры и Вычегды. В итоге он не был реализован, но предпринятая попытка оказала, тем не менее, благотворное влияние на развитие археологии в Коми АССР. Разведки 1962–1963 гг. на Печоре, Илыче, верхней Вычегде и ее притоках, научная публикация отчетов о результатах исследований финансировались Всесоюзным институтом «Гидропроект». В них В.Е. Лузгин принимал участие и самостоятельно, и совместно с В.И. Канивцом. Позже этим же Институтом в 1964–1965 гг. финансировались работы В.Е. Лузгина в долине р. Ижмы. Можно предположить, что единственным ресурсом, которого не хватало в этих условиях, было время, необходимое не только для первичного обследования территории, но и спасения выявляемых памятников, их исчерпывающих раскопок.

В результате разведок тех лет В.Е. Лузгин открыл для археологии долины рек Северной Мылвы, Илыча и Ижмы. Берега этих рек, бывшие боры с корабельными соснами, в 1960 -е гг. из-за интенсивных лесоразработок выглядели зарастающей пустыней (фото 6), и археологические предметы лежали на их разрушенных поверхностях. Это, конечно, тоже сыграло значительную роль в выявлении памятников археологии. В настоящее время места этих находок уже заросли, и мы не всегда можем установить местоположение того или иного пункта сбора подъемного материала. Кроме того, В.Е. Лузгин, как и многие археологи того времени, зачастую не придавал значения точности и детальности ситуационных планов памятников.

Долина р. Ижмы – один из самостоятельных и главных для В.Е. Лузгина проектов. В результате ее обследования археологу удалось открыть и изучить памятники, материалы которых еще не потеряли актуальность, а в некоторых случаях их успех непревзойден до сих пор. Прежде всего, это материалы стоянки

Черноборская III – первый выявленный информативный источник по изучению раннего неолита – времени распространения древнейшей керамики в регионе.

Следующая удача – поселение Галово II (фото 7, 8). Именно здесь в 1966 г. В.Е. Лузгину удалось доказать соответствие остатков древних построек впадинам, которые археологи часто находили в борах, но принимали их за природные объекты – эоловые выдувы. Не совсем удалось уйти от этого мнения и Валерию Евгеньевичу. Он тогда считал, что человек использовал созданные природой ложбины выдувания для строительства жилища, а не сам сооружал котлованы для них. Впоследствии другими исследователями было доказано, что это в основном полностью рукотворные объекты.

На том же поселении Галово II В.Е. Лузгину удалось выявить первые достоверные свидетельства древнейшей металлообработки на Крайнем Севере. С тех пор раскопаны десятки комплексов этого времени, но успех Валерия Евгеньевича в данном регионе так никто и не превзошел. И такой успех, вкупе с впервые зафиксированными древними постройками, перевешивает то, что современные археологи себе не позволяют: неразобранные бровки; отвалы, усеянные кремневыми отщепами; закладку траншей на видимых на поверхности объектах.

В 1967–1971 гг. В.Е. Лузгин обучался в заочной аспирантуре Коми филиала АН СССР. Накопленный на р. Ижме материал позволил ему подготовить и защитить в 1972 г. в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию по теме «Древние культуры Ижмы». Вслед вышла одноименная монография – единственная по настоящее время работа, посвященная истории освоения этого региона в первобытности.

К изучению неолита целенаправленно и планомерно В.Е. Лузгин приступил лишь в 1969 г. Он первым представил адекватную и корректную критику источников, накопленных к этому моменту, и определил для себя направления поиска информативных, на его взгляд, материалов. Районом этого поиска ученый выбрал озера и озерные системы Крайнего Севера. Он писал: «Поиски неолитических стоянок в долине Печоры и ее крупных притоков, в том числе Ижмы, не дали результатов… некоторые из известных нам неолитических памятников, давших наиболее выразительный материал, расположены не в долинах рек, а на водораздельных озерах». В.Е. Лузгин имел в виду, прежде всего, изученные Г.М. Буровым к этому времени поселения Вис I, II и III вблизи оз. Синдор. В период с 1969 по 1975 г. В.Е. Лузгин обследовал озера Ямозеро, Косминские, Урдюжские, озера у истоков Индиги, саму Индигу и р. Пешу.

Ожидания оправдались, и исследователю удалось выявить и изучить ряд поселений – Пижма I и II вблизи Ямозера (фото 9) и Ружникова, Кыско на Косминских озерах, давших многочисленный материал развитого неолита, эпохи раннего металла и позднего железного века. На основе изучения синхронных материалов оз. Синдор, Волго-Окского междуречья и средней Волги он выделил балахнинский тип керамической посуды, обратив наше внимание на более сложные культурные процессы в неолите региона, чем это предполагалось ранее.

Здесь стоит отметить, что и в этом случае В.Е. Лузгин не стал преувеличивать свои достижения и признал трудность в изучении таких памятников: «…неолитические культурные остатки в их слоях смешаны с археологическим материалом более поздних эпох…» и далее: «…выделение неолитических комплексов на таких памятниках… затруднено ввиду того, что разновременные культурные остатки недостаточно четко стратифицированы», «… каменный инвентарь эпохи неолита на поселении Ружникова, как и на других многослойных поселениях Тимана, недостаточно четко стратифицирован и выделен из общей массы каменных орудий типологическим путем».

В связи с этим В.Е. Лузгин предпринял анализ поглубинного распределения разновременной керамики и типов орудий. Однако с позиций уже современных методов исследования можно сказать, что такие многокомпонентные источники корректно разложить по отдельным культурно-хронологическим комплексам не получится, тем более с использованием грубых интервалов по 20 см. Именно из-за такой ограниченной информативности нестратифицированные памятники – места неоднократного обитания – были надолго забыты археологами европейского Северо-Востока. Сыграла свою роль и трудная доступность этих мест.

Зато популярным стал другой путь, который был намечен В.Е. Лузгиным, чуть позже частично поддержан результатами исследований В.И. Канивца на р. Печоре, – информативность раскопок остатков углубленных в грунт жилищ – так называемых жилищных впадин. Они рассматривались наряду с погребениями, как закрытые или полузакрытые комплексы, и представляли исследователю запечатленный краткий момент жизни одного небольшого первобытного коллектива. Именно такие материалы ныне составляют фонд опорных источников для изучения неолита и эпохи раннего металла нашего региона. При этом, исследователям открылся принципиально новый тип источника, сравнительно легко выявляемый и доступный. По этому пути одновременно в 1973–1975 гг. пошли Э.С. Логинова, открывшая и исследовавшая крупнейшие поселения средней Вычегды, В.С. Стоколос, работавший на р. Мезени, Л.Л. Косинская, многие годы изучавшая жилища поселения Ниремка I вблизи с. Серегово, В.А. Семенов и его ученики, исследовавшие долину р. Выми в ее верхнем течении.

В.Е. Лузгин оставил нам не так много трудов, среди основных – монография «Древние культуры Ижмы» (1972), статья в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» (1973а), цикл статей в «Материалах по археологии европейского Северо-Востока» (1963; 1973б, в; 1977; 2015). Данные, содержащиеся в работах, актуальны и востребованы до сих пор, поскольку они корректно характеризуют изученные В.Е. Лузгиным источники и содержат их адекватную на тот момент времени интерпретацию.

В 1975 г. В.Е. Лузгин отработал свой последний полевой сезон на Урдюжских озерах (фото 10–12). В 1976 г. он уволился из Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, но, судя по газетным публикациям, которые удалось найти, не переставал интересоваться археологией, публикуя выдержки из своих старых работ или информируя о новых археологических открытиях.

Сравнительно недолгая деятельность В.Е. Лузгина в изучении бассейна Печоры, неолита и раннего металла северо-востока Европы, его успехи и разочарования, несомненно, оказали влияние на нас. Его амбиции и удача позволили расширить географию неолита региона, значительно повысить качество источниковой базы, заложить основу для последующего информационного бума 1970–1980-х гг., расставить некоторые акценты в региональной археологии эпохи камня и раннего металла.

Литература

Волокитин, А.В. Исследователь древностей коми края В.Е. Лузгин (к 65-летию со дня рождения) / А.А. Волокитин // От краеведения к науке: мат-лы респ. научн. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края (Сыктывкар, 10–11 октября 2002 г.). – Сыктывкар, 2003. – С. 90–94.

Канивец, В.И. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища / В.И. Канивец, В.Е. Лузгин; отв. ред. Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1963. – 86 с. – (МАЕСВ. Вып. II).

Лузгин, В.Е. Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Куломского водохранилища / В.Е. Лузгин; отв. ред. Я.Н. Безносиков. – Сыктывкар, 1965. – С. 109–138. – (МАЕСВ. Вып. III).

Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.

Лузгин, В.Е. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн средней Печоры) / В.Е. Лузгин // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. – Ленинград, 1973а. – С. 95–98. – (МИА; № 172).

Лузгин, В.Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана / В.Е. Лузгин // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе / отв. ред. В.И. Канивец. – Сыктывкар, 1973б. – С. 24–46. – (МАЕСВ. Вып. IV).

Лузгин, В.Е. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока. Археологические исследования в бассейне Печоры / В.Е. Лузгин; отв. ред. В.С. Стоколос. – Сыктывкар, 1973в. – С. 22–34. – (МАЕСВ. Вып. 5).

Лузгин,В.Е. Неолитические стоянки в долине р. Индиги. Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени /

В.Е. Лузгин; отв. ред. В.С. Стоколос. – Сыктывкар, 1977. – С. 23–30. – (МАЕСВ. Вып. 6).

Лузгин, В.Е. Археологические памятники бассейна реки Сула (Малоземельская тундра). Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока / В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.Н. Карманов; отв. ред. А.В. Волокитин. – Сыктывкар, 2015. – С. 53–70. – (МАЕСВ. Вып. 19).

Фото 1. В.Е. Лузгин на рабочем месте.

Фото 2. В.И. Канивец и В.Е. Лузгин (слева направо).

Фото 3. В.Е. Лузгин, Э.С. Логинова и В.И. Канивец (слева направо).

Фото 4. Э.А. Савельева, Л.Н. Жеребцов, К.С. Королёв и В.Е. Лузгин (слева направо).

Фото 5. В.Е. Лузгин и В.Ф. Генинг (слева направо). Дата снимка не определена.

Фото 6. Стоянка Мартюшевская VI, вид с запада. 1963 г.

Фото 7. Раскопки жилища № 4 на поселении Галово II, вид с запада. 1966 г.

Фото 8. Раскоп жилища № 4 на поселении Галово II, вид с юго-запада. 2017 г.

Фото 9. Поселение Пижма I, вид с юго-запада. 1970 г.

Фото 10. В.Е. Лузгин (слева) в разведке. 1975 г.

Фото 11. В.Е. Лузгин и А.М. Мурыгин (слева направо) среди «тумана» мошкары. Урдюжские озера. 1975 г.

Фото 12. В.Е. Лузгин (крайний слева) с жителями с. Коткино. 1975 г.

Э.С. Логинова

ИРИНА И ДВИНА

Ирина Верещагина появилась в секторе археологии ИЯЛИ в 1971 г. Родом из пос. Шипицыно Архангельской области, она окончила школу с медалью, затем училась в Ленинградском госуниверситете на кафедре археологии и получила направление к нам, так как мечтала проводить исследования на Северной Двине. Она рассказывала, что археологическую практику проходила на Кольском полуострове и Валдае под руководством Н.Н. Гуриной и Л.Я. Крижевской. Стройная, отзывчивая, энергичная девушка нам сразу понравилась. Ее выбрали в комсомольское бюро, «запрягли» в общественную работу, которой она отдавалась с энтузиазмом. Ирина увлекалась эпохой камня, изучала коллекции памятников мезолита и неолита в фондах музея ИЯЛИ и ГИМа. Летом 1972 г. в составе отряда В.И. Канивца поехала в экспедицию на Северную Двину, проводила разведку в Красноборском районе Архангельской области – это было первое детальное обследование этого участка реки. Работы увенчались успехом: она нашла стоянки мезолита у дер. Филичаевской и один из опорных памятников неолита – у протоки Прилукская. К большому сожалению, экспедиция была прервана – трагически погиб начальник отряда В.И. Канивец. Ирине пришлось самой сдавать авансовый и научный отчеты, отчитываться за снаряжение.

В ту зиму Ирина интенсивно изучала привезенный материал под микроскопом (до этого обычно бездействовавший). А инвентарь Филичаевских стоянок был очень многочисленный и мелкий. Как она рассказывала, во время раскопок приходилось просеивать песок через сито. Особенно ее интересовал кремень Прилукской стоянки. Она запланировала в 1973 г. раскопать этот памятник. В планах была и археологическая разведка. Ирина мечтала пройти пешком все боровые террасы на Северной Двине в поисках памятников. Ее вдохновлял пример одного биолога, который прошел по обоим берегам реки и собрал для изучения необходимые ему образцы. Ирине предоставили возможность самостоятельных работ. Я попросилась в ее отряд. Кроме нас в отряде было еще трое – Валерий Нехорошев, Виктор Сметанин, Женя Жук – ребята молодые и работящие. Для экспедиции была заказана в Затоне лодка длиной 5–6 м с пристройкой и стационарным мотором мощностью 12 л.с. Наши друзья-этнографы, Галина Климова и Галина Белорукова, напутствовали Ирину стихами, из которых помню только: «Страшись, Двина, пред грозным именем Ирина». Мы погрузились на катер «Исследователь» (капитаном которого был Борис Маркин) и доплыли до Котласа. Там распрощались с Борисом и своим ходом двинулись вниз до Прилукской стоянки. Северная Двина – величественная река с интенсивным судоходством, но берега ее выглядели пустынными, так как большинство населенных пунктов располагалось за многочисленными протоками и озерами. Редкие деревни на берегу выглядели странно: дома были повернуты задними фасадами к реке. На лугах мы собирали приправу к еде – вкусную черемшу. На пойме и старицах водились гадюки; одно озеро так и называлось – Змееватик. На остановках нас никто не беспокоил, но при встречах население было благожелательным. В одной деревне покупали картошку, и хозяйка, узнав, что мы из Сыктывкара, продала ведро картошки по смехотворной для лета цене – один рубль. Она сказала, что у нее пять сыновей и любимая невестка из Сыктывкара.

Прилукская стоянка располагалась на высокой террасе вдали от реки. Лагерь был устроен на другом берегу Двины. Женя отвозил нас на «Казанке» и уезжал охранять лагерь, а вечером возвращался за нами. Пройдя болото, мы поднимались на террасу и шли по бору до стоянки. Ирина ликовала при каждой находке, рассказывала о ее назначении, сравнивала с материалами стоянок с Ижмы и Верхней Волги.

Закончив работы на памятнике, мы поплыли вниз по реке, осматривали боровые террасы и их останцы. Картина была похожа на среднюю Печору и Вычегду – река удалялась от террас, и мы проходили не менее 10 км от начала до конца дуги. В Верхнетоемском районе нашли несколько стоянок эпохи бронзы и средневековья. В отряде царили мир и согласие. Валера смешил нас ижемскими

историями, Женя пел и играл на гитаре. Виктор, до этого служивший на флоте, ночевал в лодке. Каждое утро он в тельняшке занимался уборкой с помощью самодельной швабры. По бортам лодки у нас висели ружья и гитара, на полке стояли учебник латинского языка и «Двенадцать стульев».

Однажды в лагерь недалеко от Верхней Тоймы приехал инспектор Рыбнадзора. Он попросил Женю помочь поймать браконьеров, потому что звук нашего подвесного мотора не был им знаком. Женя отправился на операцию ночью, и утром мы обнаружили ведро со стерлядками – благодарность за помощь. Позже мы узнали, что браконьеры не обратили внимания на звук незнакомого мотора и попались инспекторам, которые конфисковали и рыбу, и снасти. Снасть была подарена Жене с пожеланием не пользоваться ею в Верхнетоемском районе.

Тот полевой сезон ярко запомнился, потому что был удачным. Новая река, дружный коллектив и Ирина – романтик, влюбленный в Двину. В 1975 г. она вышла замуж и уехала в Ленинград. Работала в ЛОИА, защитила диссертацию. Мы перезванивались, встречались на конференциях. Она всегда была такая же энергичная и веселая, как и в том далеком 1971 году.

Л.Л. Косинская

ИРИНА ВЕРЕЩАГИНА

В археологии, как и в жизни, чаще встречаются не «везунчики», но труженики. Именно такой представляется мне Ирина Викентьевна Верещагина. Вся ее жизнь и научная деятельность были связаны с Русским Севером – краем, не терпящим пустой суеты, располагающим к обстоятельности и упорному труду. Уроженка Архангелогородчины, по окончании Ленинградского государственного университета она получила распределение на работу в Коми филиал АН СССР. Там, в Сыктывкаре, мы познакомились и сдружились. Уже тогда Ирина показалась мне неординарной личностью – и лицом, словно сошедшим со старинной северной иконы, и спокойным, сильным характером, и глубоким умом, и сдержанным юмором. Она вместе с другими такими же молодыми специалистами жила в общежитии Коми филиала академии наук. Их маленькая девичья комната была наполнена человеческим теплом, уютом, дружелюбием. Особенно захватывали интересные вечерние разговоры, какие могут затеять между собой представители разных профессий, увлеченные каждый своим делом, – археолог, геолог и биолог. Думается, что эти рассказы, рассуждения, споры в итоге становились для нас, молодых, своего рода творческой лабораторией, где оттачивалось понимание нами комплексности задач археологического исследования, вырабатывались методики анализа материала и даже еще незрелые концепции происхождения и развития древних культур. Через несколько лет Ирина вернулась в Ленинград, но и после этого многие годы мы не теряли связи с ней. Она всегда оставалась старшим товарищем, помогая советами, щедро делясь идеями, открытиями и проблемами. Судьба ее не баловала, но она всегда оставалась верной любимому делу – археологии.

Научные интересы Ирины Верещагиной лежали в области каменного века европейского Северо-Востока, «лицо» которого только начинало вырисовываться в те, теперь далекие, 1970-е гг. Ее полевые сезоны проходили большей частью на Северной Двине. Разведки в доселе не исследованных районах, раскопки вновь открытых памятников постоянно наполняли новыми археологическими данными обширное «белое пятно» этого региона.

И.В. Верещагину еще в сыктывкарские годы отличали завидная эрудиция, профессионализм археолога-«каменщика», глубокое проникновение в материал, умение выявлять природные, стратиграфические, типологические особенности исследованных памятников. Именно ей принадлежит первая статья по мезолиту Большеземельской тундры, обобщившая разрозненные и рассеянные до тех пор по разным хранилищам материалы. Ею же исследованы и опубликованы первые стоянки мезолита и раннего неолита в бассейне Северной Двины, открывшие целый культурный пласт этой территории. И.В. Верещагина исследовала и памятники более поздних эпох – от энеолита до железного века, но эти материалы в научный оборот практически не введены.

В 1980-е гг. она проделала огромный объем работы по сбору, анализу и обобщению материалов мезолита и неолита обширной (от Северной Двины до Урала) территории, сумела разработать стройную и тщательно обоснованную концепцию развития культур региона, до сих пор не потерявшую своей актуальности. Результаты этой работы легли в основу ее диссертации, подготовленной к публикации уже после ухода Ирины Викентьевны ее питерскими коллегами (Верещагина, 2010).

Литература

Верещагина, И.В. Мезолит и неолит Крайнего европейского Северо-Востока / И.В. Верещагина; отв. ред. В.Я. Шумкин, ред.-сост. Л.Г. Шаяхметова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2010. – 232 с.

В.Я. Шумкин

АРХЕОЛОГ ИРИНА ВИКЕНТЬЕВНА ВЕРЕЩАГИНА

Памяти коллеги и друга

Очень трудно писать об Ирине* в прошедшем времени. Прошло уже более 15 лет, как ее нет с нами, а мозг и рука отказываются писать «была, работала, исследовала, сделала» о человеке, твоем ровеснике, с которым за почти 40 лет знакомства пройдено вместе столько дорог и тропинок; честно делившем с тобой все выпадающие трудности, горести, радости. И вот так, внезапно, покинувшем земную юдоль. Конечно, это трудно осознавать, но, видимо, каждому положен свой срок.

Ирина родилась в рабочем поселке Шипицыно Котласского района Архангельской области, в семье рабочего Викентия Степановича и служащей Марии Федоровны Верещагиных. Она как-то мало рассказывала о своих родителях, только нередко переживала за них, особенно весной, в ледоход и половодье, сетуя на то, как там родители справляются с водными переправами. А вот деда-лесника, у которого проводила много времени, вспоминала часто и всегда с восхищением и нежностью. Думаю, что именно он привил внучке любовь к лесу, раскрыл ей многие его тайны. Отсюда проистекают уверенное поведение Ирины в первоначально непонятной для нас, горожан, экспедиционной лесной жизни, ее потрясающее умение легко ориентироваться в сложных топографических ситуациях, неизменная любовь к «борам-беломошникам», всегда напоминавшим ей родную архангельскую природу.

Окончив в 1966 г. Шипицынскую среднюю школу с медалью (фото 1), Ира Верещагина поступила на дневное отделение знаменитой кафедры археологии Исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ныне – СПбГУ). Почти уверен, что и тут сказались уроки деда не только по знанию леса, но и по древней истории Отечества, чем так всегда был славен наш Север.

Ира сразу же попала в необычную для нее среду большого города, да еще и в компанию молодых людей из очень благополучных семей, окончивших престижные школы. Поначалу было тяжело с ними «тягаться», так как ее знания, несмотря на заслуженную медаль, уступали «образованности» сокурсников. Но и здесь, благодаря упорству, трудолюбию и уму молодой студентки, все наладилось. И сокурсники (были среди них ставшие впоследствии известными археологи Евгений Носов, Игорь Дубов, Женя Рябинин, Костя Плоткин, Анна Пескова), относясь к ней с пониманием, одобрением и уважением, выбрали ее старостой курса, которой она и оставалась все пять лет обучения.

Ее поселили в общежитии Ленинградского государственного университета (ЛГУ) на Мытнинской набережной, 5/2 (фото 2), на Васильевском острове (всем студентам памятная «Мытня»), в истфаковский «ковчег», который спустя 35 лет отдала в чужие руки** новый ректор – Л.А. Вербицкая (фото 3), впоследствии полностью разоренный и уничтоженный.

Ирина проживала в комнате со студенткой-историком из Средней Азии. Эта соседка, когда мы вместе с женой, Наташей Лидтке, заходили к ним в гости, принося обычно что-нибудь из домашней снеди, восторженно рассказывала нам, как Ириша не хуже родной матери ее опекает, ненавязчиво обучая хорошему русскому языку и славянскому образу жизни. А на знаменитые, удивительно вкусные «иришины салаты в тазике», приготовленные почти «из ничего», не считая архангельских «даров», присылаемых родителями, собирались не только сокурсники, но и соседи со всего этажа.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственной программы ФНИ ГАН: «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).*

*** В то время расходы на содержание студенческих общежитий покрывали из госбюджета, а теперь каждый ректор сам должен заботиться о помещениях для студентов. Поэтому в 2001 г. ректор нашего Университета Людмила Алексеевна Вербицкая (1936–2019) приняла решение отказаться от общежития на Мытне, так удачно расположенного недалеко от Университета (фото 2). В нем долгое время проживали студенты разных факультетов и национальностей, в том числе и иностранные подданные. Таким образом, из-за непродуманных действий руководства СПбГУ потерял общежитие на 1 тыс. мест в черте города. Затем легендарную «Мытню» закрыли огромным пыльным мешком, под которым поселились крысы, и вскоре оно было вообще снесено. Правда, есть слабая надежда, что оно будет восстановлено.*

Очень плодотворными и сближающими были, помимо лекций, научные споры и, конечно, постоянные и многочисленные экспедиции – важнейший элемент археологического обучения. Места, объекты и маршруты отличались разнообразием – Сибирь, Кавказ, средняя полоса – буквально с первых месяцев учебы. В те годы кафедра археологии ЛГУ была самым престижным, высоко квалификационным учебным учреждением такого профиля в СССР, да и, пожалуй, во всем мире. Более того, наш заведующий кафедрой – Михаил Илларионович Артамонов (фото 4), которого многие коллеги звали просто «фельдмаршалом археологии» (и не только из-за полного совпадения его имени и отчества со знаменитым Кутузовым), добился сперва у декана, а затем и у ректора согласия, что студенты-археологи освобождаются от повсеместно практикуемых тогда осенних картофельных поездок, мотивируя это тем, что его подопечные в это время еще в разных экспедициях, что стране нужны грамотные профессиональные археологи. И профильное обучение специальности «Археология», включая ежегодную практику, было обязательным, начиная с первого курса, только на нашей кафедре, а не так, как всегда в других учебных учреждениях страны – лишь с третьего года обучения.

Надо сказать, это был «золотой» век нашей кафедры, на которой нам преподавали помимо М.И. Артамонова, Б.Б. Пиотровский (фото 5), М.П. Грязнов (фото 6), А.Д. Столяр (фото 7), П.И. Борисковский (фото 8), А.В. Давыдова (фото 9), Л.С. Клейн (фото 10), Т.Д. Белановская (рис. 11). Среди этого «археологического созвездия» для нас с Ирой оказалась особенно значимой личностью Татьяна Дмитриевна Белановская (наша «Тедди», так ласково, конечно, только между собой, все ее называли). Своим ровным тихим голосом (ни разу за много лет знакомства, ученичества, а потом уже и дружбы с ней мы не слышали, чтобы она на кого-либо его повысила) Татьяна Дмитриевна умудрялась донести новейшие и полные археологические знания по всему европейскому неолиту. А вскоре, когда произошел на кафедре африканский «призыв», мы с ее подачи изучили и неолит Африки. Нынешние студенты о таком широком охвате даже мечтать не могут. Можно с уверенностью сказать, что все ленинградские «неолитчики», впрочем, как и многие специалисты других городов и даже стран, – прямые ученики Татьяны Дмитриевны или уже ученики ее учеников.

В 1968 г. мы с Ирой участвовали в Нижнедонской археологической экспедиции Т.Д. Белановской на о-ве Поречном, около старинной казачьей станицы Раздорская (фото 12). В ней, помимо студентов-археологов и историков, для которых это была «производственная» практика, участвовало много университетских волонтеров с других факультетов: химики, физики, математики, медики, журналисты (фото 13). Время было такое, что многие люди, особенно молодое поколение, стремились выезжать в турпоходы, экспедиции, чтобы хоть немного отвлечься от повседневной суеты и ощутить себя «на свободе» от однообразной будничной жизни. А археология давала такую возможность, и даже существовала некая зависть «технарей» к обычному полевому образу жизни студентов-археологов. В тот год в раскопках многослойного неолитического поселения Ракушечный Яр на о-ве Поречном участвовали и 13 студентов-африканцев, обучавшихся на нашей кафедре. Татьяна Дмитриевна ко всем относилась на равных основаниях, не считая того, что археологам иногда поручала особые задания: личное ведение отдельного участка раскопа, отчетность, переговоры с администрацией и местным населением о поставке продуктов, даже небольшие лекции о цели, смысле и значимости нашей археологической работы. Так она готовила нас к будущим самостоятельным экспедициям. Многие из участников подружились, некоторые даже поженились. Практически все и поныне поддерживают приятельские отношения. При встречах чаще всего вспоминают радостные ощущения тех лет, уважительное отношение к нам «Тедди», но особенно ее удивительную тактичность.

Это ее качество проявлялось всегда и везде, вплоть до невероятного. Все мы уже давно взрослые люди, многие имеют своих учеников. Вот как мы поступаем, когда приходится редактировать работу, особенно младших коллег? Берем текст и в него вносим правки. Татьяна Дмитриевна делала это совершенно иначе. Когда мы с Ирой отдавали свои первые студенческие опусы, да пусть и дипломную работу (фото 21), которые писали, конечно,

шариковой ручкой, Татьяне Дмитриевне на проверку, и, получив обратно, не углядев впопыхах, что приложена еще одна, нередко довольно «пухленькая» пачка листочков, очень радовались, не увидев никаких поправок. И первая мысль была: «Ах, как здорово я пишу!». Но когда мы заглядывали в оные листочки, мимолетное ощущение «гениальности» моментально улетучивалось. Татьяна Дмитриевна НИКОГДА не делала правку непосредственно в чужой рукописи. Она брала чистый лист бумаги и своим четким прямым округлым почерком выписывала всю неудачную фразу или ошибочное слово и там уже все исправляла. Бывало, что этих листочков набиралось не меньше, чем в оригинальной рукописи. Автор, по ее мнению, должен был сам решить, делать ли исправления. Эти замечания/исправления были не мелочные, по делу, иногда по стилю. Трудно было их оспорить, ясно было, что редактор не стремится показать свое подавляющее научное превосходство (мы это не только чувствовали, но и осознавали), но деликатно бережет наше достоинство. За последующие почти 60 лет своей научной практики я не могу привести ни одного примера подобной тактичности. Более того, когда мне доводилось делать корректуру статей и диссертаций своих молодых коллег, я несколько раз попробовал применить «Теддин» фирменный редакторский прием, но потом прекратил, поняв, что такое подвижничество мне «не по плечу».

После донской экспедиции Татьяна Дмитриевна, всегда ответственно и по-матерински относившаяся к своим студентам, посчитала, что достаточно обучила теории и практике Ирину и меня, и сочла необходимым расширить студенческий археологический кругозор, для чего рекомендовала нас в экспедицию Нины Николаевны Гуриной (фото 14), как хороших начинающих археологов, способных руководить раскопами и проводить разведки. Авторитет Татьяны Дмитриевны, как педагога и профессионала, был очень высок. Так в нашу жизнь и судьбу вошли Верхняя Волга и Кольский п-ов. Надо сказать, что туда же устроились, правда, рабочими-волонтерами, и некоторые наши друзья по Нижнедонской экспедиции: математики Володя Завьялов и Миша Мевш, который еще на Дону был влюблен в Ирину, а через четыре года он стал ее мужем.

Работала Ирина увлеченно и плодотворно, нам поручали и руководство небольшими отрядами (фото 15), и археологические разведки. Было очень интересно и приятно работать вместе с ней. Ирина была дисциплинирована, организована, полна идей и желания выполнить порученное добросовестно и как можно лучше. Иногда это ее даже подводило. Помню такой курьезный случай, когда, оставляя Ирину в качестве начальника раскопа на поселении Котчище, а меня забирая с собой в разведку на машине к истокам р. Волги, Нина Николаевна внезапно приказала ей разбить раскоп в 10 квадратов размером 3х3 м. Ира переспросила удивленно: «Три на три?». На что начальник, торопясь с отъездом, несколько раздраженно ответила: «Да». И мы на машине укатили на 10 дней. Вернувшись, Нина Николаевна поразилась, увидев столь большой, почти законченный раскоп. Это ведь не какие-то обычные 40 кв. м (тогда в практике у Гуриной раскопочный квадрат был 2х2 м, теперь же всегда копаем квадратами 1х1 м, что способствует лучшей фиксации артефактов), а целых 90 кв. м! Не знаю, как Ира умудрилась увлечь свой маленький коллектив (не более семи человек) на столь колоссальную работу, но это произошло. Естественно, копали от зари до самой ночи. И находки были обильные и замечательные, а само Котчище до сих пор считается опорным памятником раннего неолита Валдайской культуры. Нина Николаевна признала свою ошибку, но не извинилась, сославшись на простую оговорку.

Иру всегда привлекал Север. Меня он тоже «притягивал». Поэтому наши совместные экспедиции на Кольский п-ов не были случайными (фото 16, 17). Там, помимо археологии, нам посчастливилось познакомиться с опытной командой местных геологов и географов во главе с Борисом Ивановичем Кошечкиным (фото 18). От них мы получили довольно приличный «багаж» геоморфологических знаний, так пригодившийся нам впоследствии. Весна и лето в те годы были поздние: на северо-восточном побережье в июле еще лежал снег (фото 17), который не могло растопить даже незаходящее полярное солнце. Там произошел забавный случай, когда вся команда геологов единодушно подтрунивала над Ириной,

случайно усмотрев, как она для просушки своего промокшего рюкзака вынула карманный фонарик и пакет батареек к нему. Это сопровождалось добродушными, но довольно едкими словами: «Где же ты у нас тут потемки увидела? Посвети нам в пять утра, пока солнышко не село». Ира все это молча, стоически, выдержала, но груз, который геологи посчитали лишним, не выбросила, сказались не только ее бережливость, но и дальновидность, не раз нас потом здорово выручавшая.

Пробыв более двух месяцев на севере, мы переместились на юг Кольского п-ва, на его Терский берег (фото 19). И здесь произошло то, чего мы не ожидали, но, как оказалось, были готовы к этому. В пос. Умбе, где-то в середине сентября 1970 г., Нина Николаевна (мы здесь работали уже без сопровождения геологов) внезапно объявила, что ей нужно уехать (кажется на какой-то конгресс в страну соцлагеря), но, поскольку план работ не завершен, то она решила оставить Шумкина и Верещагину закончить за две недели обследование по маршруту Варзуга–Кузомень и территорию, прилегающую к этим деревням. Выделив нам видавшую виды палатку, два ватных спальника, компас, солдатскую фляжку спирта и 25 руб. на пропитание, она в компании с другими сотрудниками стала собираться к отъезду в Ленинград, оставив нас, к тому времени уже серьезно пообносившихся за три месяца полевых скитаний, в условиях наступающей осени. Сумма, даже по тем временам, было довольно скромная, но мы, переглянувшись, молча кивнули и проводили их в дорогу.

За первую неделю мы обследовали район дер. Варзуги, берега реки, на которой она расположена, на 5 км вверх и 5 км вниз по течению. Нашли несколько стоянок каменного века на обоих берегах Варзуги и два средневековых селища с лепной и гончарной керамикой. Принялись планировать пеший марш-бросок до дер. Кузомень (в то время около 30 км по очень плохой дороге). И тут нам «подфартило». В Варзугу приехал поморский Кузоменский хор бабушек с их знаменитым северным многоголосьем. Славился Кузоменский хор женок чистыми, сильными и красивыми голосами (Плотникова, 2012. С. 90).

Мы были приглашены на концерт, там познакомились с этими замечательными женками, а когда узнали, что через пару часов они отъезжают обратно, то напросились в попутчики. Легко получили согласие и помчались собирать наш незамысловатый скарб в дорогу. Через час уже ждали у церкви, где нам назначили встречу, и долго наблюдали величавое прощание, поскольку, по обычаю, каждую нужно «уважить». Транспортом оказался старенький бортовой грузовик ГАЗ-52, шофером которого был низкорослый мужичок в кепке без козырька. К 10 часам вечера все (вместе с нами человек семь) разместились в дощатом кузове и тронулись. Ехали очень медленно, но весело. Бабушки обсуждали, кто из варзугских знакомых как выглядит, кого уже нет. Все как обычно. Но вдруг машина дернулась и остановилась. Послышался визгливый голос водителя, так не вяжущийся по тональности с его матерным содержанием. Выслушав две-три его тирады и поняв, что дальше мы не тронемся, я предупредил Ирину, чтобы постучала по кабине, если вдруг грузовик поедет, перепрыгнул через задний борт и поспешил к водителю, который стоял левой ногой на подножке, одновременно правой рукой держась за руль. Узнав, что нужно толкать машину вперед до возвышения, чтобы оттуда она сама покатилась и, может, завелась, я робко сказал, что до вершины метров 70, если не сто, а мы внизу, так что толкать придется вверх, а у нас одни женщины…. Может поможешь? На что получил резкий ответ: «Мое дело шоферское, кто баранку будет крутить, а то еще в канаву скинете». И, уже обращаясь в кузов, скомандовал: «Вытряхайтесь, бабы».

Старые женщины, выбравшись из машины, окружили ее, и спросили у меня, который час. Узнав, что полночь, как-то жалобно запричитали что-то про нечистую силу и леших. И тут в дело вступила Ира, провозгласив: «Глаза боятся – руки делают!», – она расставила старушек вдоль бортов (нашлось и мне место). Началось сухопутное «бурлачество». Сперва дело шло плохо и не очень согласованно, с частыми перерывами. Но, когда старушки затянули охальные частушки, дело пошло намного успешнее. Меня удивило, что Ира не только в такт им подпевала, а еще и добавляла свои, архангельские, не менее скабрезные. Некоторые я помню и по сей день, правда, передавать их в этом очерке не рискну. Вот так, под матерное многоголосье, мы через 1,5 часа каторжной

работы «воздвигли» наш транспорт на самую вершину пригорка и услышали первую, после полуночи, реплику водителя: «Стой, бабы, а то скатите, а я завестись не успею». Снова все забрались в кузов. Минут через 5 машина покатилась под горку и завелась.

Под утро, еще затемно, прибыли в Кузомень (фото 20). Узнав, что мы собираемся ставить на берегу палатку, женщины как-то странно возбудились, загалдели, размахивая руками, что-то друг другу доказывая. Я спросил у Иры:

– Что случилось, почему они не расходятся? Вон, шофер сразу уехал.

– Тише, – говорит, – нас с тобой делят…

– Это как?

– Да просто решают, кто на постой возьмет…

Позже я получил ответ. Оказывается, они решали, кто из них не только более достоин чести сегодня принимать нас, а еще и определяли тех, у кого гостей давно не было. Наконец, как-то определились и одна из них, подойдя к нам приветливо и торжественно, даже победно, сказала: «Пошлите». И в дальнейшем я не раз наблюдал, как Ира легко находила общий язык с местным населением, особенно старушками, которые видели в ней абсолютно «своего» человека.

Через 10 минут мы оказались в просторной избе с маленькими оконцами, а еще через пять – за простым, выскобленным до блеска, столом, уплетая квадратные куски вареной трески из котла с ухой. В избе было довольно холодно, но нас спать уложили на лежанках с целой горой подушек и такой толстой мягкой периной, что было даже жарко. Утром нас пригласили к самовару. На столе в деревянном блюде лежали скибы хлеба, на которых возвышались толстые ломти жирной беломорской малосольной селедочки. Ира молчала, а я спросил, когда предложили чай: «Как же… с селедкой?». На что хозяйка ответила: «Не знаю, не знаю, мы ваших, городских, порядков не понимам». А чай был такой крепкий и сладкий, что эти гигантские, столь необычные для меня тогда, поморские бутерброды как раз пошли за милую душу.

Весь день мы проводили в разведке по обоим берегам Варзуги. В просьбах перевезти нас на карбасе через широкую реку (в Кузомени не было, как в дер. Варзуга, регулярной лодочной переправы) никто не отказывал. Нашли много стоянок (около 20) каменного и бронзового веков, особо запомнились памятники в урочище Голые горы. Попутно собирали в небольших лесных массивах грибы и ягоды, которые помогали утолить дневной «аппетит». Даже устраивали соревнования, кто лучший добытчик.

По части грибов я заметно опережал Ирину, помогали длинные ноги. А вот ягодный сбор неизменно выигрывала она. Возвращались в деревню затемно. И вот тутто очень пригодился высмеянный геологами, да что там греха таить, признаюсь, и мною Ирин фонарик.

Каждый раз мы ночевали в другой избе, бережно передаваемые с рук на руки следующей нашей попутчице, точно выполняя принятое ими решение по прибытии. Все хозяйки были очень радушны, и ритуал проживания был сходен, как были обычны брошенные вскользь вопросы, типа: «Как вам было у бабки Лопинихи?», или «Хорошо ли принимала старуха Захаровна (Кожина)?». Они явно соревновались между собой, но уже по «качеству» приема городских гостей.

Вернувшись в Ленинград, исхудавший, жилистый, я заметил, что, проходя по улицам, стал находить много мелочи, оброненной горожанами, что ранее за собой не наблюдал. Потом понял, что хожу по городу точно так, как в разведках, наклонив голову к земле в поисках подъемного материала, оставшегося на местах поселений прошлых эпох.

Неудивительно, что дипломная работа Иры Верещагиной называлась «Каменный век южной части Кольского полуострова (Терский берег)», а научным руководителем стала Т.Д. Белановская. В ней (фото 21) она обобщила все имеющиеся к тому времени данные по каменному веку этой части Кольского полуострова, включая сведения о лабиринтах и памятниках, обнаруженных нами прошлой осенью. Диплом был успешно защищен на кафедре археологии Исторического факультета ЛГУ весной 1971 г. Выпуск этого года – самый значительный по количеству дипломников (26 чел., включая вечерников) за всю историю нашей кафедры. Все очень надеялись, что Ирину «ждет» или аспирантура, или поступление в ЛОИА АН СССР. Но этого не произошло, так как усилия Татьяны Дмитриевны не увенчались успехом

по целому ряду объективных причин, а Нина Николаевна никак не приняла в этом участия, хотя и была в это время уже руководителем неолитической группы сектора палеолита ЛОИА и знала по работе в своих экспедициях ценность такого талантливого специалиста.

Осенью этого же года Ирина поступила на работу в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми филиала АН СССР в качестве старшего лаборанта-археолога. Там быстро оценили ее научные знания и полевой опыт и уже в следующем, 1972 г., избрали на должность младшего научного сотрудника. Имея от природы общительный характер, Ира быстро подружилась с местными историками и археологами, в первую очередь, с Эльвирой Логиновой, Любовью Косинской. Заслужила одобрение и уважение старших коллег – В.И. Канивца (1927–1972), В.Е. Лузгина (1937–1990), Э.А. Савельевой, создавших костяк только что выделившегося (1972) из отдела археологии и этнографии ИЯЛИ сектора археологии. Несмотря на некоторые жилищные и личные сложности (в частности, в Ленинграде по результатам распределения по профилю остался работать в престижной организации ставший ей очень близким человек – Миша Мевш), этот период жизни был очень насыщенным и плодотворным. Она возглавляет Северо-Двинскую археологическую экспедицию, находит и раскапывает памятники, ставшие эталонными не только для Подвинья, работает с материалом, пишет полевые отчеты, публикует научные и популярные статьи.

Ею были выделены мезолитические материалы в смешанных коллекциях, собранных на памятниках Большеземельской тундры, попутно обнаруженных геологом Г.А. Черновым (фото 22). Активно участвует в общественной жизни Коми филиала, одновременно является секретарем комсомольской организации, руководителем исторического отдела Малой академии и председателем Совета молодых ученых. Не прерывает связь с друзьями в Ленинграде, да и они, когда есть возможность, навещают ее. Помимо того, в свободное время или в отпуске, не тая никаких обид (подобное свойство у Иры отсутствовало абсолютно), она по приглашению принимает активное участие в Верхневолжских и Кольских экспедициях Нины Николаевны Гуриной. Не отстает от участия в этих полевых работах «прикипевший» к археологии Миша Мевш (фото 23, 24). Когда в 1973 г. я получил свой первый Открытый лист, он, узнав об этом, сумел перенести на июль свой осенний отпуск и запланированную поездку к брату на юг. И прошел со мной в тяжелый водный (крупнейшая река полуострова – Поной) автономный маршрут по Кольскому Заполярью, результатом которого стало открытие первых в регионе петроглифов (Колпаков, Шумкин, Мурашкин, 2018. С. 6–7).

В 1975 г., когда жениху Ирины Михаилу Юрьевичу Мевшу (1949–1999) удалось с помощью родителей и ряда сложных ходов приобрести однокомнатную квартиру, она переезжает в Ленинград (фото 25), выходит замуж за счастливого нового ответственного квартировладельца и поступает в аспирантуру Отдела палеолита ЛОИА (ныне – ИИМК РАН) к Н.Н. Гуриной.

В 1978 г. по окончании аспирантуры Ирина Викентьевна Верещагина была зачислена на должность младшего научного сотрудника Отдела палеолита ЛОИА АН СССР. Первоначально ее судьба на новом месте складывалась вполне удачно и успешно. Обладая хорошей квалификацией и ровным характером, она легко и уверенно включалась в научную и общественную жизнь коллектива. В разные года выполняла обязанности секретаря институтского Отдела полевых исследований, ученого секретаря Отдела палеолита, была избрана членом месткома. Регулярно участвовала в экспедициях на Кольский п-ов и Верхнюю Волгу, Вологодчину (фото 26), но никогда не забывала и свою Архангельскую область (фото 27), Коми АССР, где проводила успешные самостоятельные полевые работы (Верещагин, 1979. С. 1–210).

Закономерным итогом всех этих изысканий стало диссертационное исследование «Мезолит и неолит Крайнего Европейского Северо-Востока», успешно защищенное на Ученом совете ЛОИА АН СССР в 1989 г. Она активно участвовала в работе Отдела палеолита, конференциях разного уровня, консультировала приезжих коллег и молодых специалистов. Отзывчивость и предоставление в научный оборот даже еще не опубликованных только что полученных, ее материалов привлекало людей и вызывало дискуссии. С середины 1990-х гг. одновременное совпадение многих неблагоприятных факторов (развал

страны, общая тяжелая ситуация, принижение роли и значения научных учреждений, резкое сокращения полевых и прочих исследовательских программ) болезненно отразились в той или иной степени на многих творческих личностях. К сожалению, не обошло это стороной и И.В. Верещагину, тем более к этому добавились и трагические события личной жизни – развод с мужем.

Врожденная тактичность, даже излишняя щепетильность в этических вопросах, нежелание во всем быть непременно первой постепенно, в этих условиях, превратились в нечто совсем иное – уход с позиции активной реально-видимой творческой деятельности. А ведь многие выводы, сделанные ею лишь в качестве рабочих гипотез, в последние годы подтверждаются новыми исследованиями. Так случилось, например, с проблемой возможности одновременного сосуществования в жилище разных типов керамики, и с долго не принимаемой ранней датировкой неолитического поселения Хеппо-Ярви, и с культурной и классификационной атрибуцией микропластинчатой индустрии (Верещагина, 1973. С. 3–21), и с псевдоолененостровским типом, и более поздним временем черноборских наконечников стрел из кремня (Верещагина, 1973. С. 3–21).

К сожалению, все это было только намечено и не получило в свое время ни дальнейшего развития, ни должной оценки. Не очень пространен и список работ (около 40), опубликованных И.В. Верещагиной. Но в них всегда, даже сейчас, можно почерпнуть важные данные и предлагаемые пути анализа. Губительным ударом для Ирины явилось внезапное решение когда-то ее студенческого сокурсника, а затем директора ИИМК РАН Е.Н. Носова (фото 28) уволить ее на пенсию поздней осенью 2002 г. из-за «недостаточной публикационной активности за последние несколько лет», сославшись формально на достижение ею пенсионного возраста (это в 55-то лет!). Попытки, предпринятые коллегами по Отделу, включая и его заведующего, повлиять на столь внезапное и суровое решение не увенчались успехом.

Последние четыре года жизни Ирины Викентьевны Верещагиной были трагичны. Жизненные удары усугубились тяжелой болезнью. Превозмогая себя, она изо всех сил старалась оберегать свою единственную любимую дочь, которая не всегда понимала ее жизненные позиции, укоряла, что мать слишком много отдала научным исследованиям, особенно полевым работам, ничего за это не получив, и слишком мало времени уделяла ей, что было совершенно несправедливо. Зная о неотвратимости близкого окончания своей земной жизни, последние дни встретила достойно, без жалоб на постигшую ее судьбу.

В печальный день похорон в крематории, прощаясь с оставившим нас товарищем, видя, как безжалостно искажено лицо друга, с которым связано столько всего на жизненном пути, дал сам себе зарок найти возможность публикации самой большой по размеру рукописи покойной. Это обещание удалось сдержать после получения в 2009 г. издательского гранта РГНФ (проект 09-01-16105 д), который без малейшего колебания был использован именно на рукопись ее диссертации. И в 2010 г. она с помощью Лилии Гафиевны Шаяхметовой, хорошо знавшей Ирину, и под нашей совместной редакцией была опубликована (Верещагина, 2010).

Люди неизбежно уходят. Так уж устроен этот мир. Остаются друзья, коллеги, родственники, дети, знакомые. Остаются дела и память, и пусть они сохраняются как можно дольше.

Литература

Верещагина, И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры / И.В. Верещагина // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар, 1973. – С. 3–21. – (МАЕСВ. Вып. 5).

Верещагина, И.В. Ранний неолит на Северной Двине / И.В. Верещагина // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. – Сыктывкар, 1977. – С. 11–21. – (МАЕСВ Вып. 6)

Верещагина, И.В. Отчет о полевых исследованиях Северо-Двинского археологического отряда в 1979 году / И.В. Верещагина / Архив ИИМК РАН. – 1979. – С. 1–20.

Верещагина, И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока / И.В. Верещагина. – Ленинград, 2010. – 233 с.

Колпаков, Е.М. Петроглифы Чальмн-Варрэ / Е.М. Колпаков, В.Я. Шумкин, А.И. Мурашкин. – Санкт-Петербург, 2018. – 160 с.

Плотникова, Е.Н. Кузоменская летопись / Е.Н. Плотникова. – 2012: Самиздат, 172 с.

Фото 1. Шипицынская школьница Ира Верещагина. Середина 1960-х гг.

Фото 2. Общежитие на Мытненской набережной, 5/2. Начало XXI в.

Фото 3. Людмила Алексеевна Вербицкая (1939–2019),
ректор Санкт-Петербургского государственного университета (1994–2008).

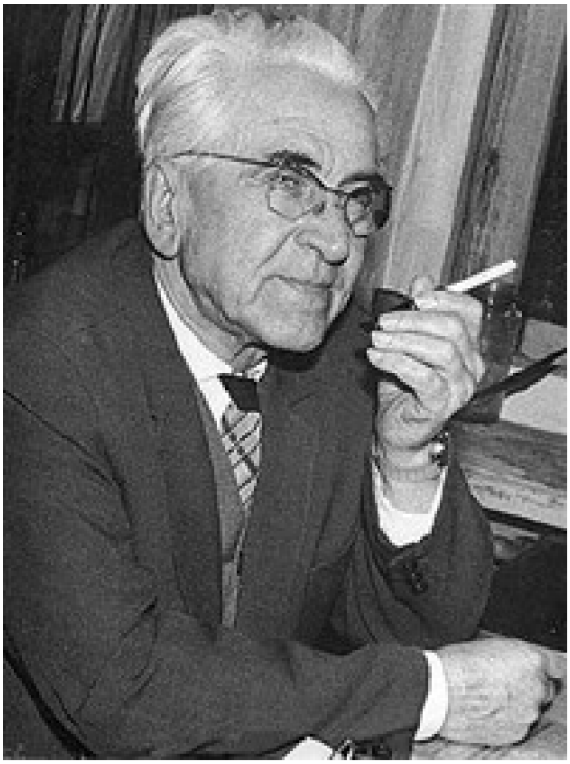


Фото 4. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972), заведующий кафедрой археологии Ленинградского государственного университета (1949–1972), именуемый «фельдмаршал археологии».

Фото 5. Борис Борисович Пиотровский (1908–1990),
директор Государственного
Эрмитажа (1964–1990).

Фото 6. Михаил Петрович Грязнов (1902–1984).

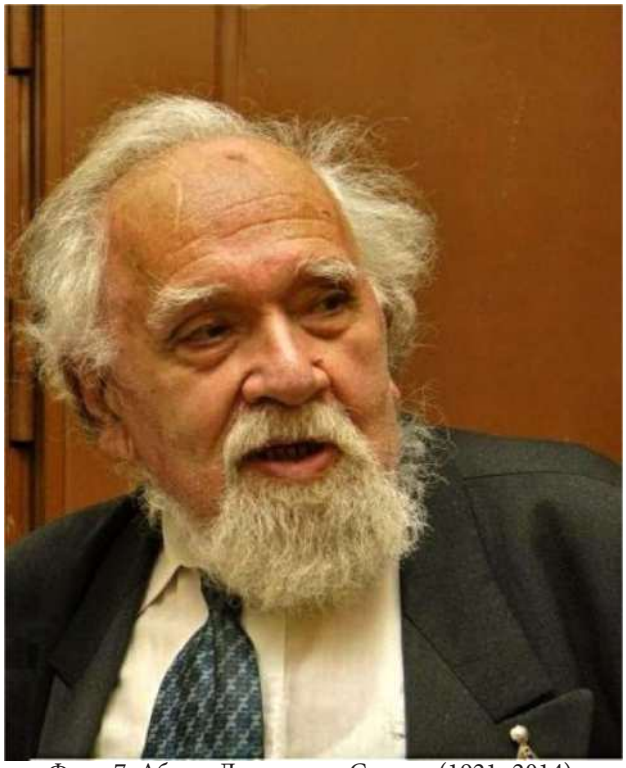


Фото 7. Абрам Давидович Столяр (1921–2014), заведующий кафедрой археологии Ленинградского государственного университета (ныне – СПбГУ) (1972–1995).

Фото 8. Павел Иосифович Борисковский (1911–1991).

Фото 9. Антонина Владимировна Давыдова (1920–2000).

Фото 10. Лев Самуилович Клейн (1927–2019).

Фото 11. Татьяна Дмитриевна Белановская (1918–2010).

Фото 12. Студенты-археологи Валя Горюнова, Ира Верещагина и Володя Шумкин (слева направо) на раскопках Ракушечного Яра на Дону. 1968 г.

Фото 13. Археолог Владимир Шумкин и математик Михаил Мевш в своей палатке в экспедиции на Дону. 1968 г.

Фото 14. Нина Николаевна Гурина (1909–1990).

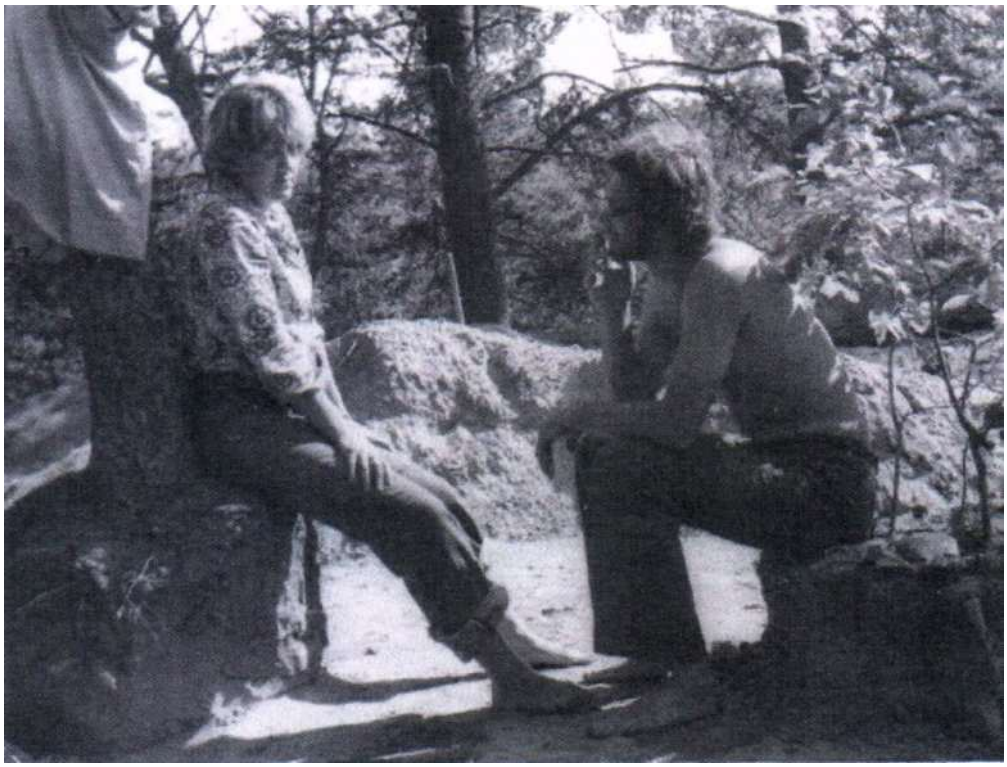


Фото 15. Ира Верещагина и Владимир Шумкин в экспедиции на Селигере. 1969 г.

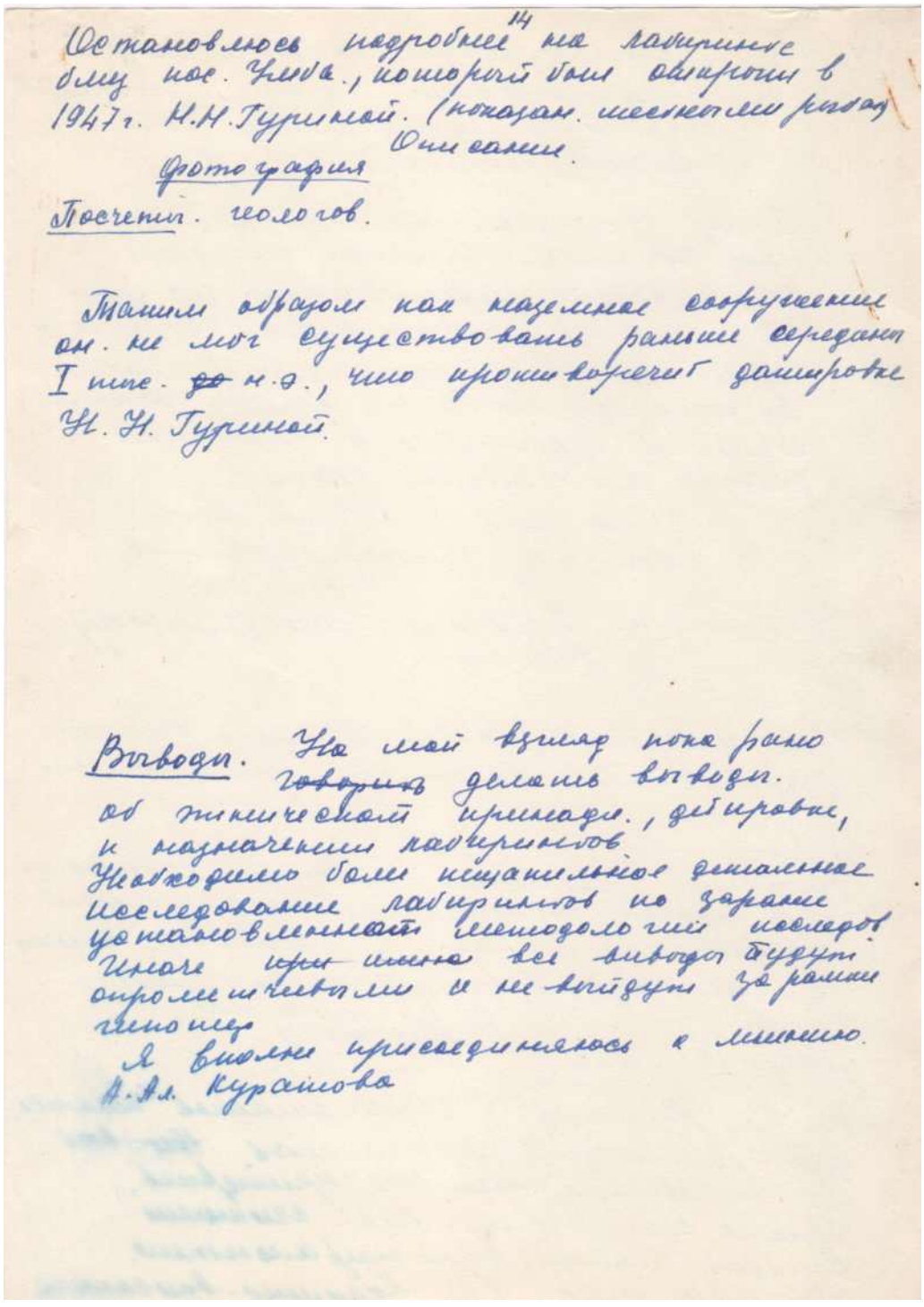
Фото 16. В.Я. Шумкин и И.В. Верещагина на пароходе в Баренцевом море. 1969 г.

Фото 17. И.В. Верещагина и В.Я. Шумкин в Кольской экспедиции на Кривом ручье (около Святого носа). Июль 1970 г.

Фото 18. Борис Иванович Кошечкин (1931–1995). Геолог, географ, писатель.

Фото 19. В.Я. Шумкин и И.В. Верещагина на берегу Белого моря (Терский берег). Сентябрь 1970 г.

Фото 20. Кузоменский хор в родном селе. 1970-е гг.



14

Остановлюсь подробнее на лабиринте близ пос. Умба., который был открыт в 1947 г. Н.Н. Гуриной. (показан. местными рыбак)

Описание.

Фотография

Посчеты. геологов.

Таким образом как наземное сооружение он. не мог существовать раньше середины I тыс. ~~до~~ н.э., что противоречит датировке Н. Н. Гуриной.

Выводы. На мой взгляд пока рано ~~говорить~~ делать выводы. об этнической принадл., дейтировке, и назначении лабиринтов.
Необходимо более тщательное детальное исследование лабиринтов по заранее установленной методологии исследов. Иначе ~~при~~ ~~имена~~ все выводы будут опрометчивыми и не выйдут за рамки гипотез.
Я вполне присоединяюсь к мнению.
А.Ал. Куратова

Фото 21. Одна из «черновых» рукописных страниц дипломной работы студентки V курса кафедры археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета Ирины Верещагиной. 1971 г.

Фото 22. Георгий Александрович Чернов, геолог (1903–2006).
В 1972–1974 гг. И.В. Верещагина систематизировала и ввела в научный оборот привезенные им из Большеземельской тундры материалы мезолита и раннего неолита.

Фото 23. И.В. Верещагина снова в Ленинграде. 1975 г.

Фото 24. Археологи: супруги Иванищевы и И.В. Верещагина на Вологодчине. 2004 г. (из архива Иванищевых).

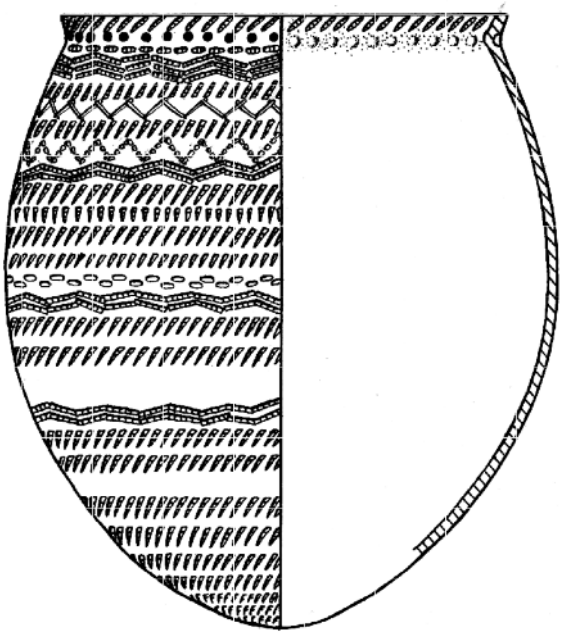
Фото 25. М.Ю. Мевш собирается на охоту на Кольском п-ове на р. Дроздовку. 1985 г.

Фото 26. М.Ю. Мевш и В.Я. Шумкин (слева направо) в экспедиции на Кольском п-ове. 1970-е гг.

Фото 27. Ирина Верещагина и Михаил Мевш. Пока еще счастливые времена. Супруги в экспедиции в Подвинье. 1980-е гг.

Фото 28. Евгений Николаевич Носов (1949–2019), член-корреспондент РАН, директор ИИМК РАН (1998–2015).

ЧУЖЪЯЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА:
ВОЗМОЖНЫЙ ФИНАЛ
CHUZHYAYEL’ CULTURE: A POSSIBLE FINAL



Э.С. Логинова

ЭНЬТЫ VII*

Аннотация. В научный оборот вводятся материалы раскопок поселения Эньты VII, исследованного Э.С. Логиновой в 1985 г. на средней Вычегде (территория г. Сыктывкара, Республика Коми). Раскопом площадью 688 кв. м изучены остатки двух углубленных жилищ четырехугольной в плане формы размерами 8,8х 5,2 и 8,6х6 м. Постройки имели по одному очагу, два выхода в середине торцевой стороны и в углу. Коллекцию представляют обломки керамических сосудов и изделий из глины; шлифованные рубящие орудия, абразив и подвеска из некремнистых пород, кремневые орудия. По мнению Э.С. Логиновой, керамика поселения Эньты VII близка посуде гаринской (чойновтинской) культуры, но в то же время в ней прослеживаются признаки традиций чужъяельской культуры.

Ключевые слова: археология, финальный неолит, энеолит, гаринско-борская общность, чойновтинская культура, волосовская культура, чужъяельская культура, поселение, жилище, очаг, каменный инвентарь, керамика

E.S. Loginova

EN'TY VII

The materials on the excavations of the En'ty VII settlement investigated by E.S. Loginova in 1985 on the middle Vychegda River (the territory of Syktyvkar, Komi Republic), are to be published. At the excavation area of 688 sq.m, the remains of two semi-subterranean dwellings of a quadrangular shape with dimensions of 8.8x5.2 and 8.6x6 m have been studied. The structures had one hearth, two entrances in the middle of the end side and in the corner. The collection includes potsherds and clay items; polished tools, abrasive and a pendant made of non-siliceous rocks, flint tools. According to E.S. Loginova, the ceramics of the En'ty VII settlement are close to the wares of the Garino (Choynovty) culture but at the same time have signs of the traditions of the Chuzhyayel' culture.

Keywords: archeology, Final Neolithic, Chalcolithic, Garino-Bor community, Choynovty culture, Volosovo culture, Chuzhyayel' culture, settlement, dwelling, hearth, stone artefacts, ceramics

Введение

Памятник Эньты VII выявлен Э.С. Логиновой в 1975 г. и исследовался ею в 1985 г. раскопом площадью 688 кв. м. В полном объеме результаты исследований не публиковались и ограничены сведениями отчетной документации (Логинова, 1986) и сообщениями в «Археологических открытиях 1985 года» (Логинова, 1987). Эта статья нацелена на ввод в научный оборот материалов комплексов жилищ № 1 и № 2, изученных на поселении. Основное внимание уделяется описанию, анализу и интерпретации полученных материалов.

Местоположение

Поселение Эньты VII находится в 2 км к востоку-юго-востоку от пос. Седкыркещ на правобережье р. Вычегды и занимает останец «боровой» террасы, примыкающей к старичному озеру Эньты (рис. 1, 2). Останец длиной 1 км и шириной до 80 м вытянут с юго-запада на северо-восток и отделен от боровой террасы, на которой находятся поселения Эньты I, II, III, IV, V и VI, участком заболоченного леса шириной до 400 м. При этом северо-восточный конец останца примыкает к озеру. Его высота над уровнем уреза воды составляет 5 м, поверхность холмистая, высота грив и холмов достигает 1–2 м. Поселение расположено в 120 м к юго-западу от водоема, у края останца, обращенного к югу, с севера и запада оно окружено гривами.

Характеристика памятника и методики его раскопок

В состав поселения Эньты VII входят три впадины (рис. 3). Впадина № 1 находилась у самого края террасы и имела неправильно-овальную в плане форму размерами 12х8 и глубину 0,7 м. Впадина № 2 расположена в 4 м к северо-западу от предыдущей. Она имела такую же форму в плане и размеры 11х8 и глубину 0,5 м. Впадина № 3, расположенная к юго-западу от объекта № 2, была округлой в плане формы диаметром 1,8 и глубиной 0,3 м.

Раскоп с сеткой квадратов 2х2 м и площадью 688 кв. м, ориентированный на 30° на северо-восток параллельно бровке террасы, охватил впадины № 1 и № 2, склон гривы (юго-западная часть раскопа) и частично склон террасы (южный угол раскопа).

** Статья публикуется в авторской редакции.*

Современная дневная поверхность в пределах раскопа неровная, понижалась в целом с юго-запада на северо-восток, наиболее высокая точка за пределами впадин – южный угол кв. 12-Е (-55 см), наиболее низкая – северный угол кв. 9-Х (-170 см). Перепад высотных отметок на отдельных квадратах достигал 34 см. Наиболее высокий уровень вала вокруг впадины № 1 – северный угол кв. 9-Л (-100 см), впадины № 2 – северный угол кв. 15-О (-90 см). По периметру вала впадины № 1 перепад высотных отметок с северо-запада на юго-восток составлял 37 см, впадины № 2 – 32 см (с севера на восток и юго-запад; с юго-востока на запад и северо-восток). Уровень дна впадины № 1 (-172 см) был ниже уровня дна впадины № 2 (-156 см) на 16 см. Выборка отложений производилась горизонтами по 10 см, временно оставлялись бровки шириной 30 см через каждые один-два квадрата. Фиксация находок вне сооружений велась от поверхности, сооружений и находок в их заполнении – от условного «0» – репера, расположенного на дюне, к юго-западу от раскопа (рис. 2). Вначале были раскопаны квадраты по линиям Е и Ж на склоне гривы, затем остальная часть.

Стратиграфия

Зафиксировано следующее строение отложений (рис. 4). Под белесым подзолом мощностью 4–30 см, местами до 80 см, за пределами впадин залегал желтый песок мощностью 15–35 см, иногда перемешанный с белесым песком. На отдельных участках встречался белесый песок с угольками и прокал бурого или красного цвета. Под валом впадин № 1 и № 2, в желтом песке полосой до 4 м ширины, залегал погребенный подзол мощностью до 12 см. Местами он был перемешан с желтым песком, достигая на таких участках мощности 35 см. На участке между впадинами под погребенным подзолом залегал желтый песок мощностью до 20 см. Во впадинах № 1 и № 2 под белесым подзолом залегал желтый песок с угольками – заполнение жилищ мощностью до 45 см. На отдельных участках оно имело коричневатый цвет и включало истлевшую органику. В заполнении отмечены линзы очагов темно-коричневатого цвета мощностью 18–30 см. Подстилающий слой повсеместно – светло-желтый плотный песок – материк с участками бурого прокала.

Культурные остатки залегали в белесом и желтом песках, заполнении жилищ и ямы № 3. Белесый песок совпадал в целом с I и II, а местами и с III горизонтами. Насыщенность белесого и желтого песков находками неравномерная. Артефакты залегали, в основном, на глубине от 0 до 50 см. Наиболее насыщенным культурными остатками был II горизонт. Грунт в раскопе был изучен на глубину до 50, а между впадинами – на 70 см. В результате исследованы остатки двух жилищ и пяти ям.

Описание объектов

Жилище № 1 (рис. 5) оконтурено во впадине № 1 на уровне от -150 (северо-западный участок, кв. 10-11/К-Н) до -170 см (юго-восточный участок, у бровки террасы) по заполнению – желтому песку с угольками мощностью до 40 см. Его очертания имели в плане подпрямоугольную форму размерами 8,8х5,2 м. К нему примыкали два выступа-ниши и выступ-выход. Ниши размерами 1,4х1,3 и 1,7х1,4 м находились в противоположных длинных стенках котлована. Вход-выход постройки примыкал к ее северной стенке и имел размеры 2,8х1,8 м. Эти элементы прослеживались на фоне светлого материка и маркировались погребенным подзолом, уровень которого зафиксирован от -130 (северо-западный угол) до -160 см (юго-восточный участок). Погребенный подзол наиболее четко прослеживался между впадинами, что исключает наличие перехода. Жилище было ориентировано по линии С-Ю. Подстилающий слой (пол жилища) зафиксирован на уровне от -175 (северо-западный и северо-восточный участки) до -210–212 см (середина и ниша в восточном углу). По периметру перепад отметок с северо-востока на юго-запад составил 15 см, а с северо-запада на юго-восток – 10 см. Таким образом, пол слегка поднимался от середины к краям, при общем наклоне в сторону бровки террасы. Глубина котлована в материке – -40–60 см, а с учетом погребенной почвы – -50–80 см.

Заполнение выступа-выхода на участке размерами 2,3х0,7 м было окрашено в коричневатый цвет и содержало следы истлевшей органики, видимо, остатки сгнившего настила. В заполнении жилища, ближе к выходу, зафиксирован очаг темно-коричневого цвета, насыщенный угольками и золой, мощностью 18 см, овальной формы размерами

1,1х0,9 и глубиной в материке до 0,14 м (уровень первой фиксации -196 см, дна на уровне – -214 см). Материк под ним прокален.

Наиболее насыщенными находками были следующие участки: заполнение жилища на уровне -180–190 см около очага, у юго-западной стенки, в выступе-выходе, северо-западной нише и в восточной части. Встречены скопления обломков керамики на уровне -160–190 см в кв. 8, 9-М, Н и 7-К, и сланцевых предметов на уровне -160–170 см (кв. 7, 8-К). На остальных участках находки были единичны (табл. 1).

Жилище № 2 (рис. 5) оконтурено во впадине № 2 на уровне от -140 – -150 (северный и северо-западный участки) до -170 см (южная часть и западный угол) по заполнению – желтому песку с угольками мощностью до 45 см. Очертания его имели четырехугольную в плане форму размерами 8,6х6 м. В северо-западном углу к нему примыкали выступ-ниша размерами 1,2х2,4 м (в выбранной части), а в юго-западном углу и в середине восточной стенки – два выступа-выхода размерами 2,4х1,1 и 4х1,8 м. Все эти элементы постройки четко прослеживались на фоне светлого материка и маркировались погребенным подзолом, уровень фиксации которого от -140 (северо-восточный угол) до -150 см (у восточного выхода). Жилище было ориентировано по линии запад-восток, а два выступа-выхода параллельно бровке террасы. Подстилающий слой (пол жилища) зафиксирован на уровне от -180 (юго-западный и северо-восточный углы, северная стенка) до -210 см (центральная часть). На уровне -170 см внутри жилища зафиксированы два возвышения с прокалом бурого цвета: у юго-западного выхода – овальной в плане формы размерами 1,6х0,6 м, с линзой прокала размерами 1,2х0,4 м и у северной стенки – подпрямоугольной в плане формы размерами 5,2х1,6 м с линзой прокала 1,2х0,6 м. Возможно, первое возвышение служило полкой для посуды, а второе – нарами. Наиболее крутыми были южная стенка котлована и борт северо-западной ниши. Глубина котлована в материке составляла 50, а с учетом погребенной почвы – 60 см.

В выходах заполнение имело коричневатый цвет и, так же как и в первом жилище, включало следы истлевшей органики, залегавшие в виде линзы размерами 3х1,2 м в восточном выступе, 2,4х0,6 м – в юго-западном. Видимо, это остатки сгнивших настилов. В заполнении жилища, ближе к юго-западному выходу, зафиксирован очаг темно-коричневого цвета овальной формы размерами 1,6х1,4 и глубиной в материке 0,1 м, насыщенный угольками и золой. Уровень первой фиксации -165 см, дно на уровне -195 см; материк под ними прокален.

Наиболее насыщенным находками был горизонт от -170 до -180 см заполнения жилища (табл. 1). Находки залегали, в основном, отдельными скоплениями. Скопления обломков керамики выявлены на уровне -150 – -190 см около очага в кв. 15-Л, М, 15-М, 13, 14-М, у северной стенки в кв. 15-Н, в северо-восточном углу в кв. 13, 14-П и в выходах. Скопление мелких камней обнаружено на уровне -160 – -170 см на участке кв. 13-М. На остальных участках находки были единичны.

За пределами жилищ изучены пять ям. Яма № 1 (рис. 5,7) в кв. 7-8-О выявлена в одном метре к северо-востоку от жилища № 1. Она имела округлую в плане форму и размеры 0,9х0,7 м с глубиной 0,42 м. Она оконтурена в материке на уровне -150 – -160 см, конусовидное дно на уровне -192 см. Ее заполнением служил желтый и белесый пески с угольками мощностью до 26 см, ниже – желтый песок мощностью до 16 см.

Яма № 2 (рис. 5) расчищена в кв. 6, 7-П, Р в 1 м к северо-востоку от предыдущей. Имела удлиненную, слегка изогнутую в плане форму и размеры 4х1,4 м; оконтурена в материке на уровне -165 – -170 см, с двумя углублениями. Первое зафиксировано в юго-восточной части на уровне -180 см (0,55 х 0,35 м, с глубиной 20 см), дно округлое, его отметка – -200 см. Второе выявлено в северо-западной части на уровне -190 см (2,1 х 0,5 м, с глубиной 12 см), дно плоское, его отметка -202 см. Заполнение составляет перемешанный желтый с белесым песок мощностью 63 см, под ним желтый песок мощностью 5 см. Общая глубина ямы – 37 см.

Яма № 3 (рис. 5) обнаружена в кв. 6-С, Т в 2,8 м к востоку от ямы № 2, имела овальную в плане форму и размеры 1,5х0,75 м с глубиной 43 см. Впервые зафиксирована на фоне материка на уровне -175 – -180 см; дно округлое, его отметка -218 см. Заполнение представляет собой желтый песок с угольками, в нем на уровне -180 – -200 см найдены скопление обломков сосуда и небольшой камень.

Яма № 4 (рис. 5) в кв. 6, 7-У, Ф в 2,7 м к северо-востоку от предыдущей. Имела овальную в плане форму и размеры 2,4х1,4 с глубиной 0,7 м. Оконтурена в материке на уровне -170 см; ее дно уплощенное, отметка дна – -240 см. Заполнение составляет желтый песок мощностью до 40 см, включающий пятна красного прокала (до 35 см), прослойки перемешанного желтого и белесого песков (до 30 см), белесого песка с угольками (до 15 см).

Яма № 5 (рис. 5) в кв. 15-3, И, К оконтурена во впадине № 3, рядом с юго-западным выходом жилища № 2. На уровне первой фиксации на уровне – -170 см – она имела неправильно-овальную в плане форму и размеры 2,7х1 с глубиной 0,3 м; ее дно округлое, отметка дна -200 см. Заполняет яму перемешанный желтый и белесый пески.

Среди всех описанных выше объектов заслуживает внимания яма № 3 – единственный объект с культурными остатками. Он видимо имел какое-то хозяйственное назначение. Остальные ямы, возможно, являются следами от корневищ деревьев.

Коллекция

Всего в раскопе найдено 67 кремневых предметов; 1874 обломка керамических сосудов, 12 изделий из глины; 36 сланцевых и 3 песчаниковых предмета; фрагмент кальцинированной кости (рис. 6–8; табл. 1, 2).

Для изготовления кремневых орудий (рис. 6, 1-9) использовалось сырье двух разновидностей: 1) кремнистая галька красного цвета (один обломок найден на глубине 0–10 см, отщеп с ретушью – на глубине 10–20 см во впадине); 2) желвачный кремень серого, реже белого и черного цветов (остальные предметы). Кремень однороден в жилищах и за их пределами. Нуклевидные обломки аморфны (рис. 6, 9). Среди отщепов встречаются пластинчатые (рис. 6, 1, 7). Скребки (рис. 6, 2–6) изготовлены чаще на массивных отщепах, рабочий край оформлен крутой или пологой ретушью.

Среди сланцевых шлифованных орудий следует отметить массивный симметричный клин (рис. 6, 16), небольшие тесла (рис. 6, 13, 15) и топорики (рис. 6, 14), большая часть их сильно сработана. Абразивы представлены сланцевыми шлифованными орудиями (рис. 6, 17) и плитками для заточки из песчаника (рис. 6, 18). Подвеска сделана из окатанной сланцевой гальки подтреугольной формы (рис. 6, 12), на одном ее конце – коническая сверлина.

Среди изделий из глины насчитывается пять обломков «пряслиц». Это плоские кружки, украшенные насечками или различными вдавлениями. Они вылеплены из глины с примесью шамота и органики (рис. 7, 1–4). Еще семь предметов – обломки неопределимых артефактов.

Керамическая посуда представляет единый комплекс (рис. 7, 6–14; 8). Сосуды сделаны из глины с примесью шамота и органики, а их поверхность заглажена зубчатым штампом. Плохую сохранность имеют фрагменты, найденные в заполнении ямы № 3, в жилищах около очагов и выходах. В яме № 3 залегали обломки одного сосуда; в жилище № 1 – пяти емкостей (рис. 7, 7; 8, 2, 3). Причем обломки одного обнаружены за пределами этой постройки. В жилище № 2 найдены фрагменты 18 сосудов (рис. 7, 6, 9, 11; 8, 1, 4, 5); обломки трех из них залегали и вне жилища (рис. 7, 12).

Размеры сосудов колеблются от миниатюрных (рис. 7, 6–10) до средних с диаметром 45 см (рис. 8). У последних венчик утолщен и профилирован (рис. 8, 1–4), а дно округлое и лишь в одном случае уплощенное (рис. 7, 11). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность и состоит из горизонтальных и вертикальных рядов гребенчатых оттисков, косой сетки, горизонтальных зигзагов.

Культурная атрибуция

Наличие органических добавок в тесте сосудов, обработка внешней поверхности зубчатым штампом объясняются влиянием культур эпохи энеолита: гаринской в Прикамье и волосовской Среднего и Верхнего Поволжья. Аналогии посуде Эньты VII прослеживаются и в чужъяельском типе керамики, выделенном В.С. Стоколосом для переходной поры от неолита к эпохе палеометалла в бассейне Мезени (Стоколос, 1986. С. 7–112). Сходство проявляется в оформлении венчиков с помощью внешних наплывов, в композициях узоров – применении зигзагов и различных вдавлений для разделения гребенчатых зон, наличии рядов ямок под венчиком.

Таким образом, прослеженные аналогии позволяют отнести памятник к энеолиту и утверждать о том, что он является одним из опорных источников для изучения истории

освоения северо-востока Европы в эпоху раннего металла, взаимодействия между населением разных культур этого времени, традиций домостроительства и древних технологий.

Литература

Логинова, Э.С. Отчет о полевых исследованиях Вишерского археологического отряда в 1985 году / Э.С. Логинова. – Сыктывкар, 1986 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 347; НА ИА РАН. Р-1. №10779, №10779а.

Логинова, Э.С. Работы на средней Вычегде / Э.С. Логинова // Археологические открытия 1985 года. – Москва: Наука, 1987. – С. 18.

Логинова, Э.С. Поселение Эньты II / Э.С. Логинова // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: Изд-во Коми филиала АН СССР, 1986. – С. 45–53. – (МАЕСВ; Вып. 10).

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986. – С. 7–112.

Таблица 1

Эньты VII. Распределение находок по горизонтам и сооружениям

Предмет	Жилище № 1									Жилище № 2											ВСЕГО
	Глубина*		Уровни*					Очаг	Всего	Глубина		Уровни							Очаг	Всего	
	1	2	II	III	IV	V	VI			1	2	I	II	III	IV	V	VI	VII			
Отщепы	0	0	1	2	0	1	0	4	8	0	0	0	0	1	5	0	1	0	0	7	15
Обломки	0	0	1	2	1	1	0	0	5	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	6
Нуклевидные	0	0	0	0	1	2	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	4
Скребки	0	0	0	1	0	1	0	0	2	0	1	1	0	0	1	0	0	0	0	3	5
Отщепы с ретушью	0	0	1	2	0	3	0	0	6	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	7
Отщепы со следами использования	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Пластины с ретушью	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего кремня	0	0	3	7	2	8	0	4	24	0	1	2	1	1	8	0	1	0	0	14	38
Обломки венчиков	0	1	0		1	3	1	0	6	0	3	2	3	4	24	12	0	0	0	48	54
Обломки стенок	16	35	0	3	45	168	11	0	278	1	21	22	150	52	188	98	48	10	12	602	880
Мелкие черепки	37	22	0	1	30	22	2	0	122	2	34	35	117	69	141	68	38	15	4	523	645
Изделия из глины	0	0	0	1	0	6	0	8	7	0	0	0	0	1	1	0	0	0	2	5	12
Всего керамики	53	58	0	5	76	199	14	8	413	3	58	59	270	126	354	178	85	25	18	1178	1691
«Сланцевые» абразивы	0	0	0	5	0	2	0	0	7	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7
«Сланцевые» шлифованные орудия	0	0	1	0	0	2	0	0	3	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	5
Обломки «сланца»	0	0	0	11	0	6	0	2	19	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	19
Подвеска	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1	1
Всего «сланца»	0	0	1	16	0	10	0	2	29	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	3	32
Абразивы песчаниковые	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	3	3
Кальцинированные кости	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

Таблица 2

Эньты VII. Распределение находок по горизонтам и объектам межжилищного пространства

Предмет	Глубина*					Яма	**Всего**
	1	2	3	4	5	№ 3	
Отщепы	6	3	0	1	0	0	**10**
Обломки	1	1	0	2	0	0	**4**
Нуклевидные	1	0	0	0	0	0	**1**
Скребки	1	0	0	0	0	0	**1**
Отщепы с ретушью	2	8	0	1	0	0	**11**
Отщепы со следами использования	1	0	0	0	0	0	**1**
Пластины с ретушью	1	0	0	0	0	0	**1**
Всего кремня	**13**	**12**	**0**	**4**	**0**	**0**	**29**
Обломки венчиков	1	2	0	1	2	0	**6**
Обломки стенок	18	71	8	12	3	61	**173**
Мелкие черепки	23	53	0	9	0	31	**116**
Изделия из глины	0	0	0	0	0	0	**0**
Всего керамики	**42**	**126**	**8**	**22**	**5**	**92**	**295**
«Сланцевые» абразивы	0	1	0	0	0	0	**1**
«Сланцевые» шлифованные орудия	1	1	0	0	0	0	**2**
Обломки «сланца»	1	0	0	0	0	0	**1**
Подвеска	0	0	0	0	0	0	**0**
Всего «сланца»	**2**	**2**	**0**	**0**	**0**	**0**	**4**
Абразивы песчаниковые	0	0	0	0	0	0	0
Кальцинированные кости	0	0	0	0	0	0	0

Примечание.
**Глубина, см: 1 – от 0 до 10; 2 – от 10 до 20; 3 – от 20 до 30; 4 – от 30 до 40; 5 – от 40 до 50.*

Рис. 1. Поселения Эньты I (1), II (2), III (3), IV и V (4), VI (5), VII (6) на спутниковом снимке.

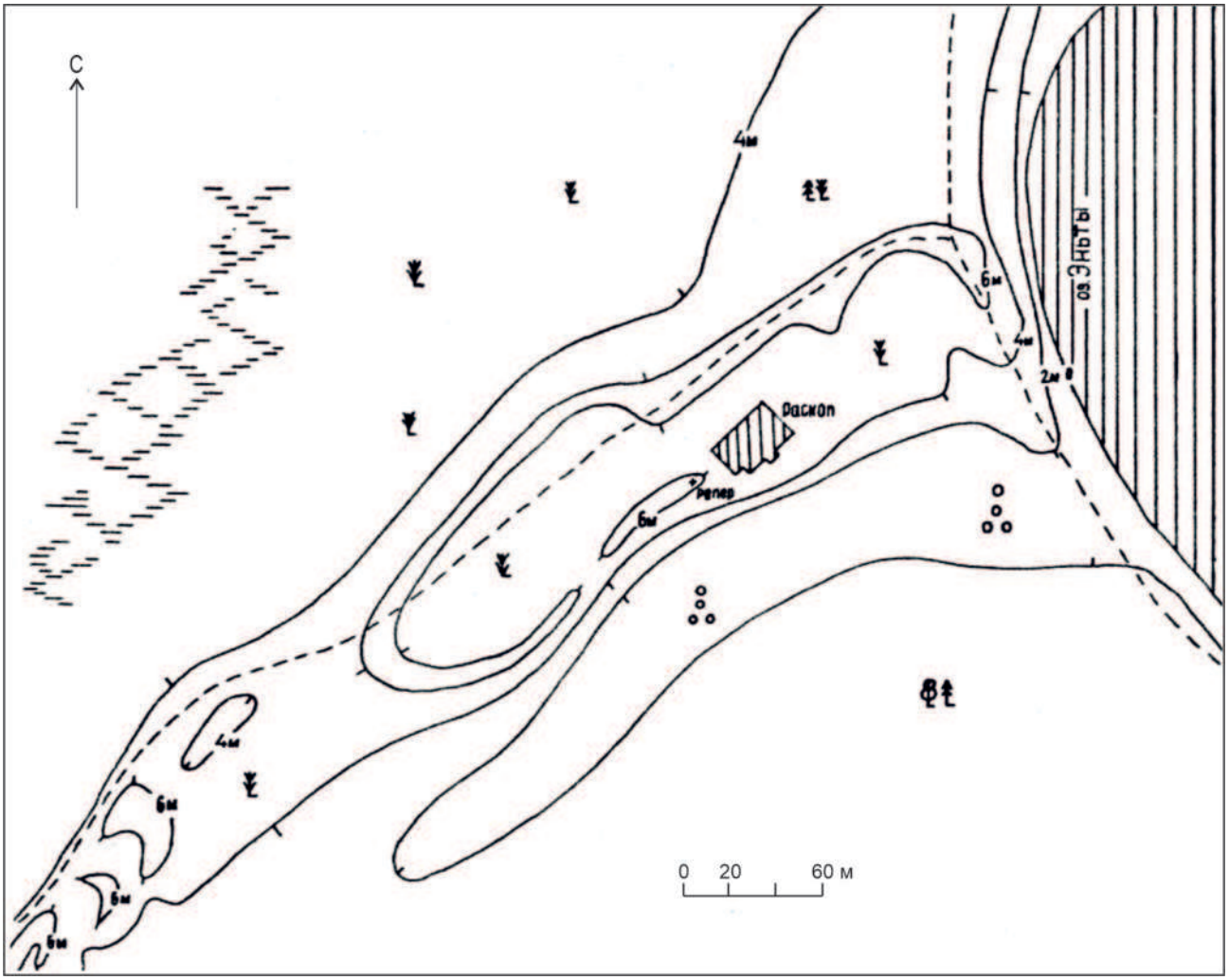


Рис. 2. Эньты VII. Ситуационный план. Глазомерная съемка Э.С. Логиновой. 1985 г.

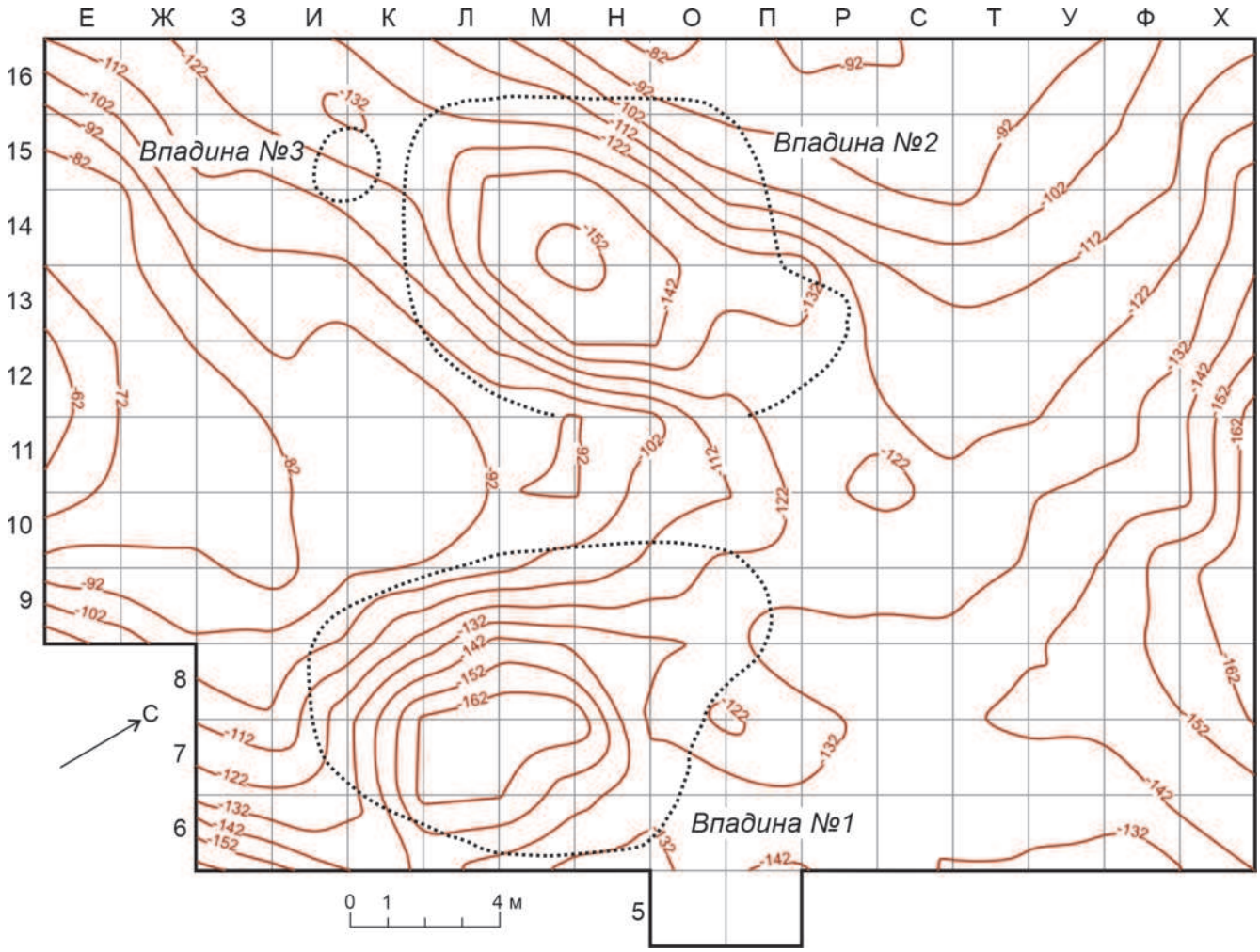


Рис. 3. Эньты VII. Рельеф современной дневной поверхности. План составлен В.Н. Кармановым на основе данных Э.С. Логиновой (1986. Рис. 4). Система высот условная, сечение горизонталей 10 см. Черным пунктиром показаны контуры впадин, зафиксированные Э.С. Логиновой.

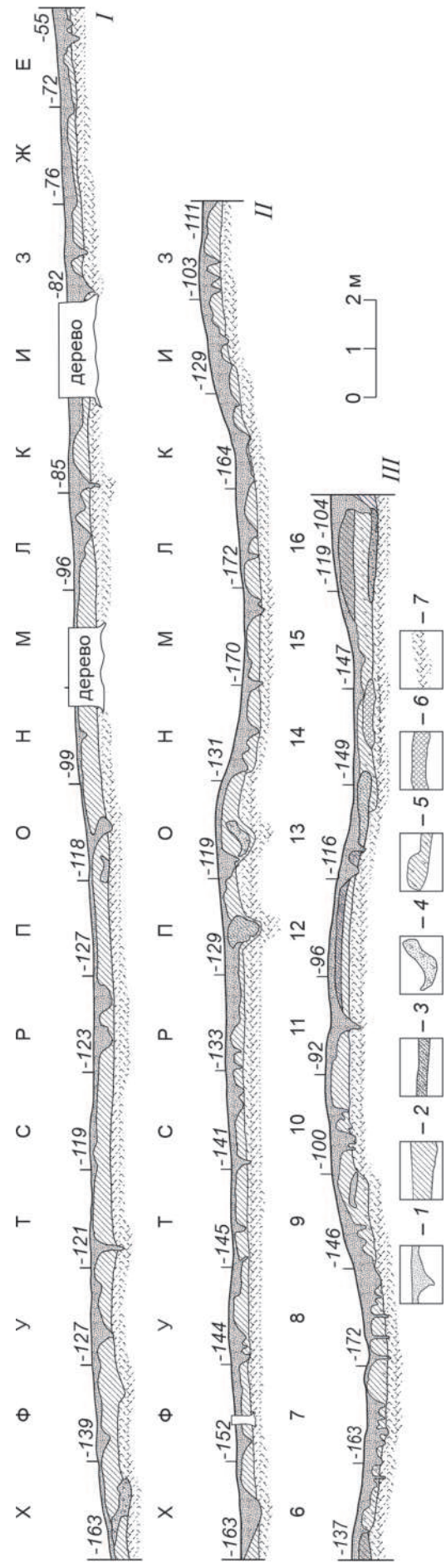


Рис. 4. Энты VII. Стратиграфия. Перерисовка (Логинова, 1986. Рис. 5). Нумерация разрезов соответствует таковой на плане раскопа (рис. 5).
Условные обозначения: 1 – белесый песок; 2 – желтый песок; 3 – желтый песок, перемешанный с белесым песком; 4 – желтый песок с угольками; 5 – белесый песок с угольками; 6 – очаг; 7 – желтый песок (материк).

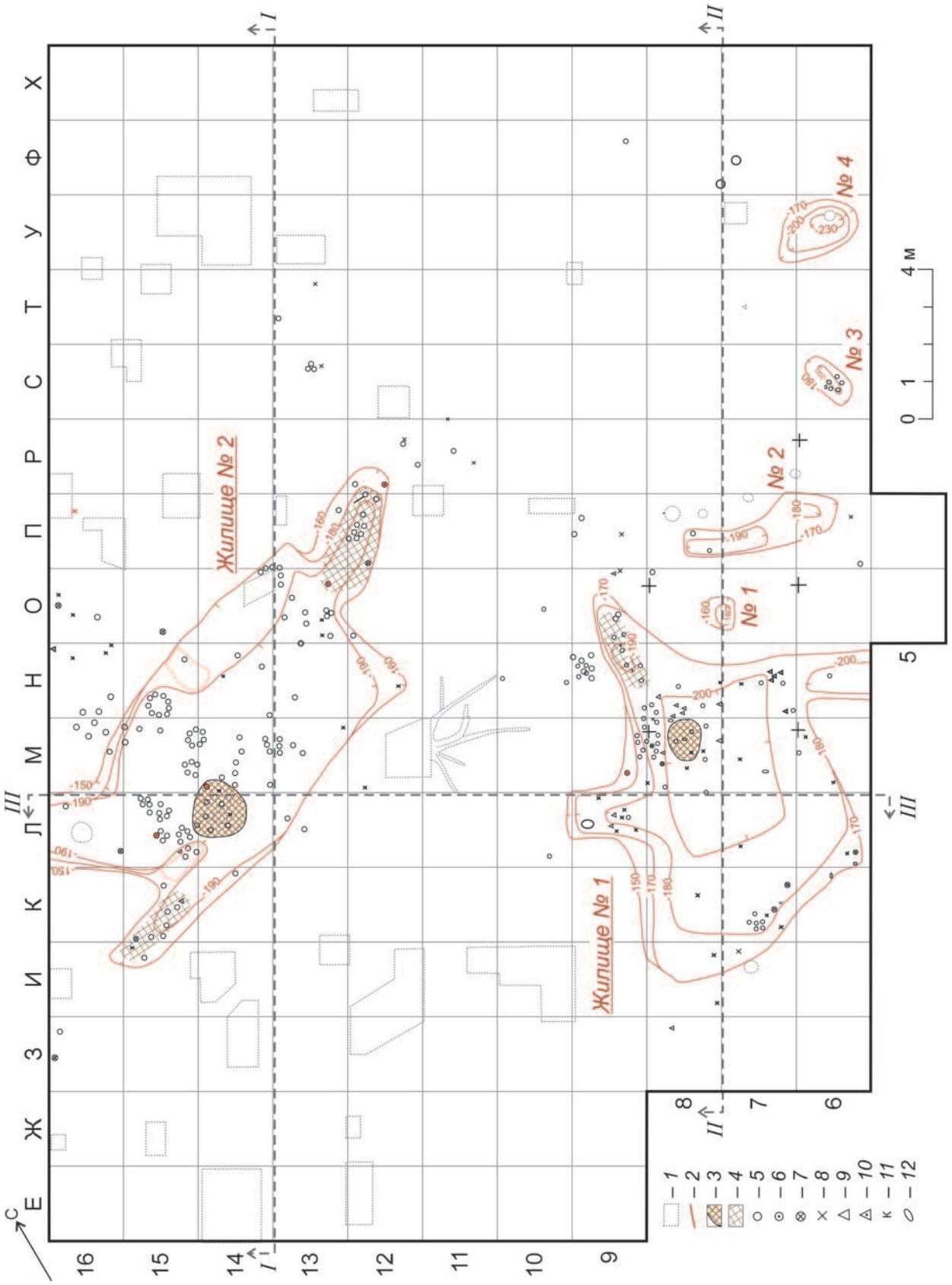


Рис. 5. Энты VII. Сводный план находок и сооружений, перерисовка (Логинова, 1986. Рис. 5).
Условные обозначения: 1 – неисследованные участки с современными деревьями; 2 – контуры сооружений; 3 – очаг;
4 – коричневатый песок с истлевшей органикой; 5 – обломок керамического сосуда; 6 – керамическое пряслице; 7 – орудие из кремня;
8 – кремневые сколы; 9 – сколы некремнистых пород; 10 – орудия из некремнистых пород; 11 – обломок кости;
12 – необработанные камни.

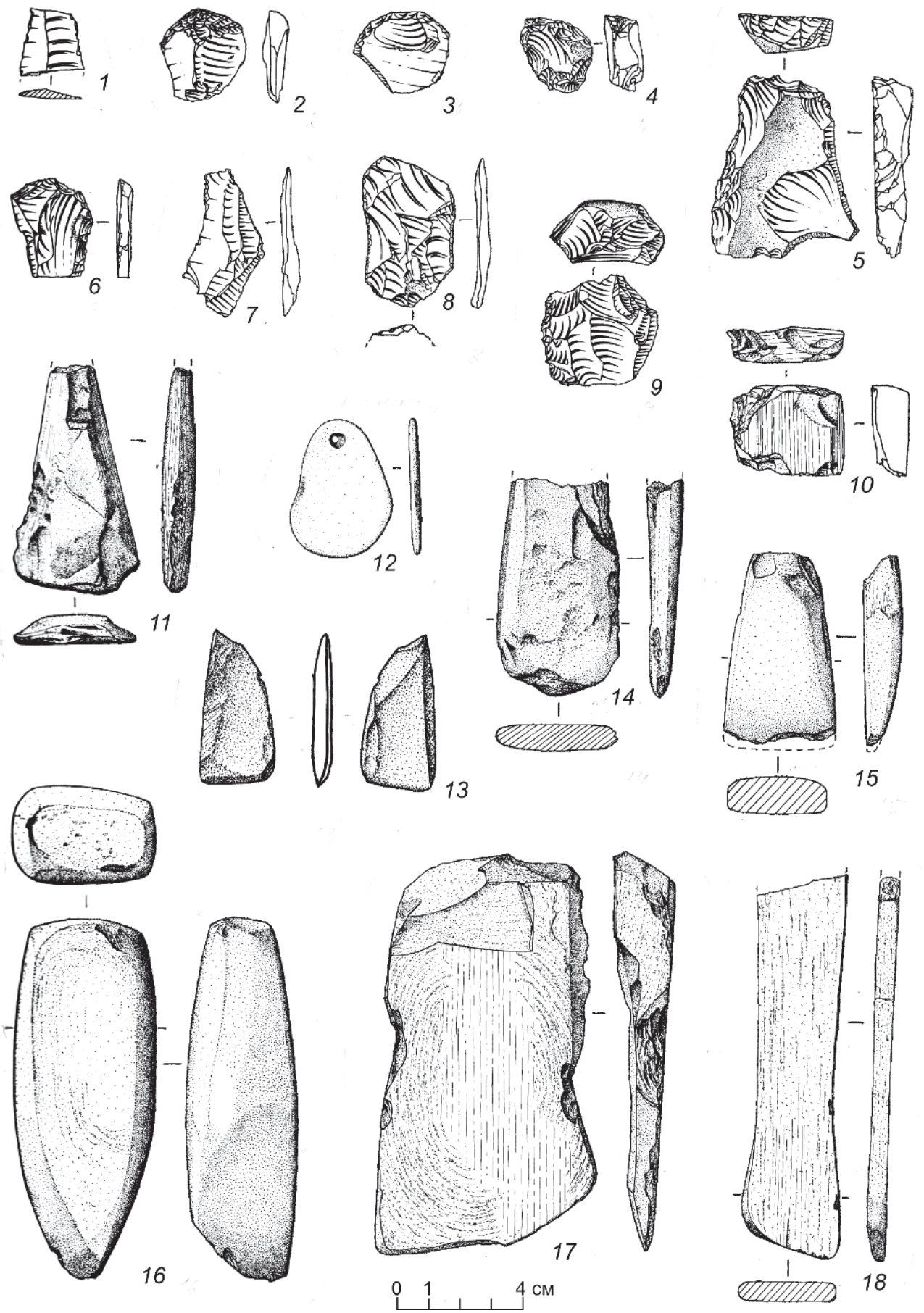


Рис. 6. Эньты VII. Каменный инвентарь. 2–4, 9, 11, 13, 16 – жилище № 1;
5, 6, 12, 14, 18 – жилище № 2; 1, 7, 8, 10, 15, 17 – вне жилищ. 1–9 – кремень;
10–17 – «сланец»; 18 – песчаник. Рисунок из архива Э.С. Логиновой.

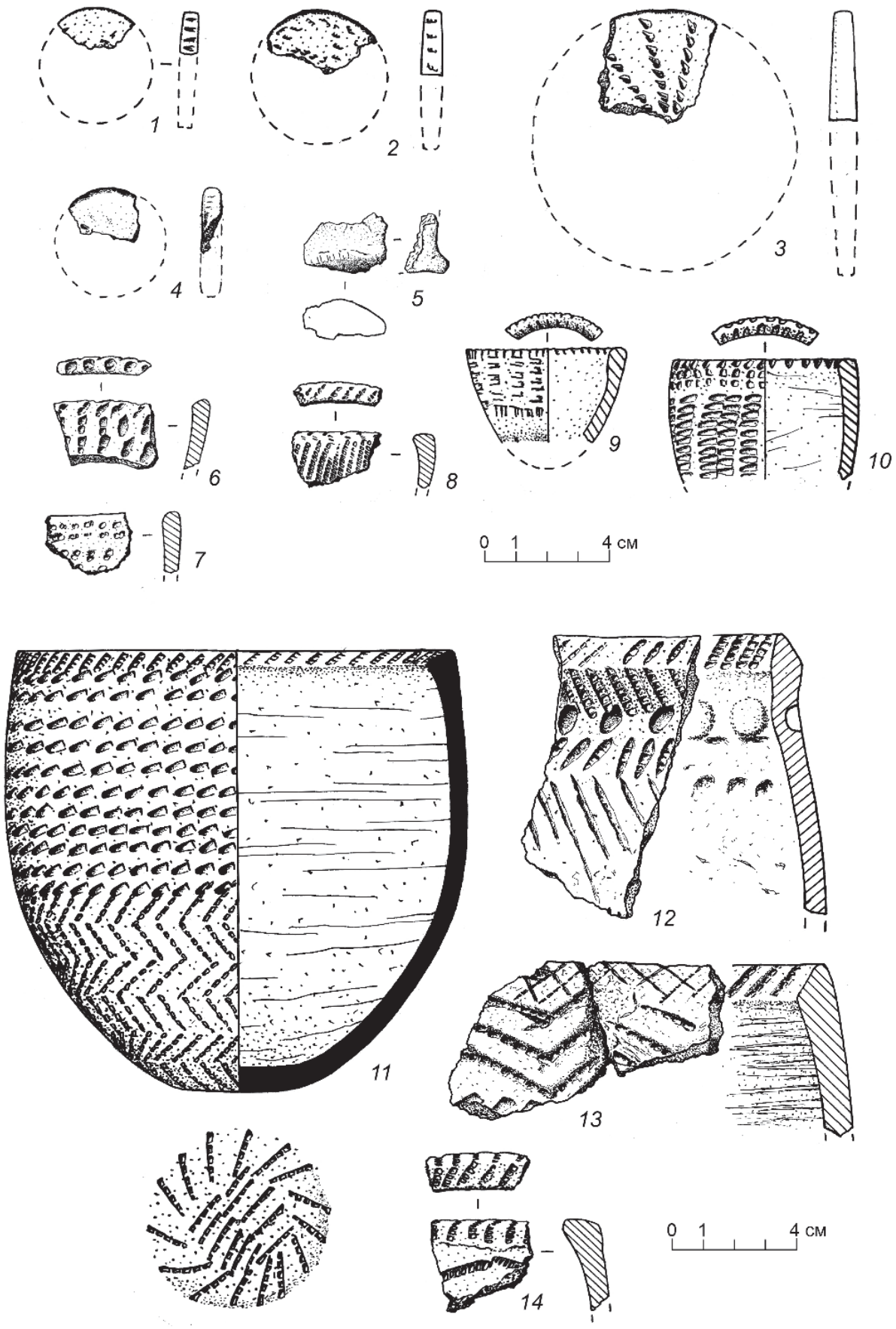


Рис. 7. Эньты VII. Керамика. 1–4 – обломки «пряслиц»; 5 – обломок неопределимого изделия; 6–10, 12–14 – фрагменты сосудов; 11 – сосуд, реконструкция. 1, 7 – жилище № 1; 2–6, 9, 11, 13, 14 – жилище № 2; 8, 10, 12 – за пределами жилищ.
Рисунок из архива Э.С. Логиновой.

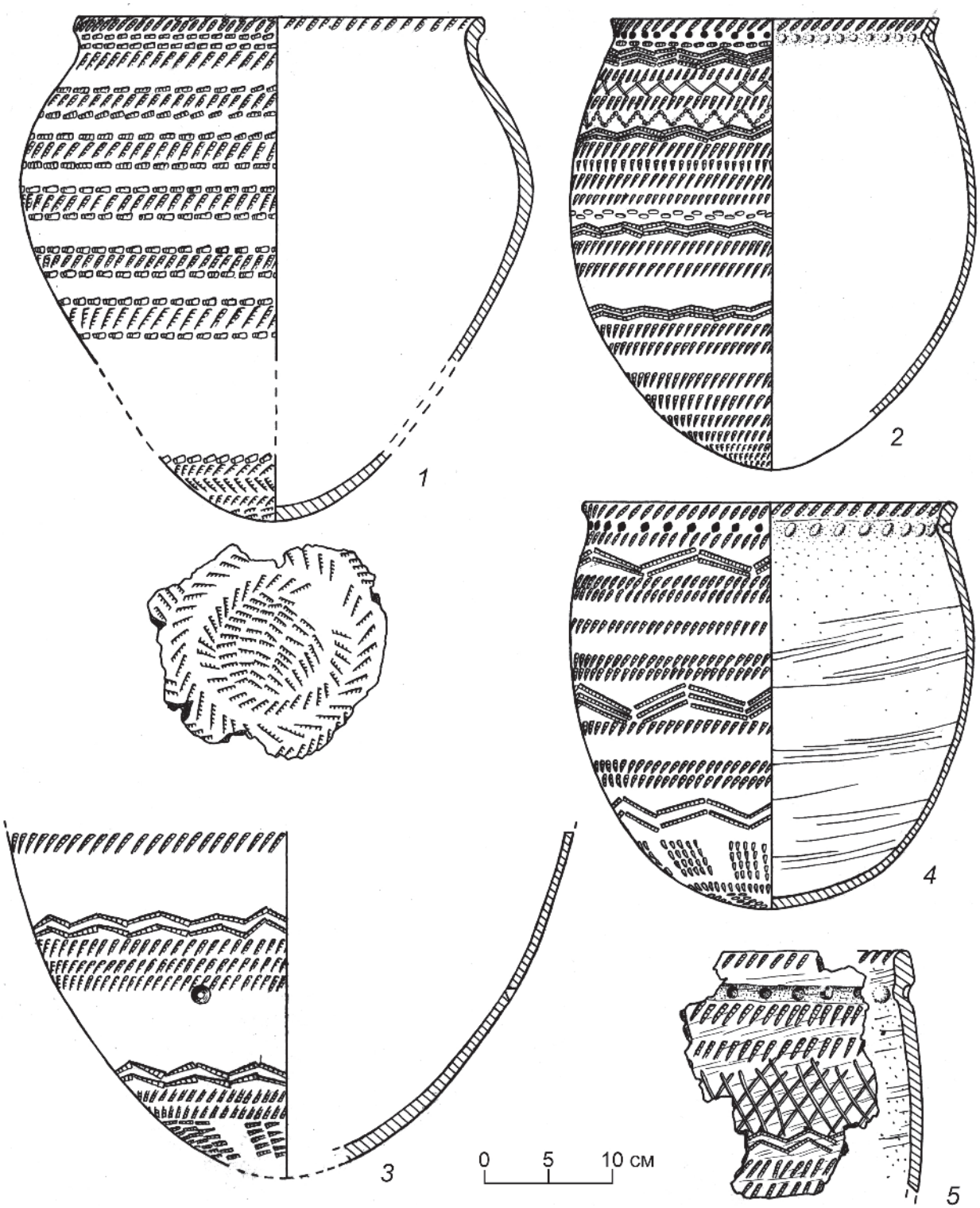


Рис. 8. Эньты VII. Керамические сосуды, реконструкция. 2, 3 – жилище № 1;
1, 4, 5 – жилище № 2. Рисунок из архива Э.С. Логиновой.

А.Л. Белицкая, В.Н. Карманов

МУЧКАС-1

Аннотация. В 2020 г. авторами проводились спасательные археологические полевые работы на поселении Мучкас в Удорском районе Республики Коми. Их необходимость была вызвана негативным воздействием на впадину № 1 действующей грунтовой автодороги к переправе через р. Мезень и дер. Мучкас. Раскопом площадью 82,5 кв. м полностью изучены следы и остатки жилища прямоугольной в плане формы размерами 3,8х5,5 м и площадью около 20 кв. м с двумя очагами по центральной оси и двумя противолежащими горизонтальными вентиляционно-отопительными каналами. Коллекция включает фрагменты керамических сосудов; изделия из кремня и некремнистых пород; обломки кальцинированных костей; фрагменты древесных углей и обугленной коры. Материалы жилища имеют ближайшие аналогии на памятниках чужъяельской культуры и, согласно этим аналогиям и имеющимся радиоуглеродным определениям, датируются втор. пол. IV – нач. III тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, финальный неолит, энеолит, чужъяельская культура, поселение, жилище, очаг, вентиляционно-отопительный канал, каменный инвентарь, керамика, радиоуглеродная хронология

A.L. Belitskaya, V.N. Karmanov

MUCHKAS-1

The authors carried out rescue archaeological excavations at the settlement of Muchkas in the Udora region of the Komi Republic in 2020. The necessity of this was caused by the negative impact of the existing dirt road to the Mezen river crossing and the village Muchkas on depression pit 1. At the excavation area of 82.5 sq.m, the traces and remains of a rectangular dwelling with two fire-places along the central axis and two opposite horizontal ventilation and heating channels have been fully studied. The structure had dimensions of 3.8x5.5 m and an area of about 20 sq.m. The assemblage includes potsherds; artefacts made of flint and non-siliceous rocks; fragments of calcified bones; fragments of charcoal and charred bark. The materials of the dwelling have the closest analogies in the Chuzhyayel' culture and, according to these analogies and the available radiocarbon definitions, date back to the second half of the IVth – beginning of the IIIrd millennium B.C.

Keywords: archeology, Final Neolithic, Eneolithic, Chuzhyayel' culture, settlement, dwelling, hearth, ventilation-and-heating channel, stone implements, ceramics, radiocarbon chronology

Введение

Чужъяельская культура (далее – ЧК) в долине р. Мезени известна исключительно по источникам, выявленным и исследованным В.С. Стоколосом (1986; 1988). Можно сказать, что до последнего времени, с единственным исключением (Логинова, 1986), она была представлена только этими источниками. В 2014 и 2017 гг. на поселении Ваднюр I на р. Вычегде удалось выявить комплексы, сопряженные с ЧК (Карманов, 2018; 2020), изучение которых подняло вопросы о соотношении вычегодских и мезенских материалов во всех доступных аспектах: домостроительство, каменный инвентарь, керамическая посуда и хронометрия.

Благодаря финансовой поддержке Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия, в 2020 г. были проведены аварийно-спасательные раскопки объекта № 1 поселения Мучкас на р. Мезени. Помимо сохранения историко-культурного наследия были получены значимые результаты для характеристики ЧК в долине р. Мезени и их сравнения с материалами долины р. Вычегды. Эта статья посвящена полной публикации выявленных авторами источников и результатам их анализа. Ее основу составляют материалы, ранее сданные в печать (Карманов, Белицкая, в печати).

История изучения

Памятник Мучкас открыт В.С. Стоколосом в 1975 г. (Стоколос, 1976) и исследовался им же в 1990, 1996 гг. (Стоколос, 1995; Археологическая карта…, 2014). На участке 70 х 200 м он выявил восемь впадин – остатки оплывших котлованов углубленных построек (рис. 1А). Четырьмя отдельными раскопами общей площадью 380 кв. м изучены объекты № 2, № 3, № 6 и № 8. Культуровмещающие отложения мощностью 0,20 – 0,25 м в них были представлены пестроцветным песком с углистыми включениями. Коллекции включают фрагменты керамических сосудов, кремневые изделия, рубящие орудия и абразивы из некремнистых пород. Кроме того, во впадине № 7 и недокументированной В.С. Стоколосом впадине № 9

в результате последующих исследований были выявлены остатки траншеи и шурфа, данные о которых в отчетах отсутствуют.

В 2013 г. в ходе мониторинга памятников Удорского района Республики Коми поселение обследовал В.Н. Карманов (Карманов, 2014). Установлено, что состояние памятника на большей площади удовлетворительное, но некоторые участки (впадины № 1 и № 4) поселения Мучкас разрушаются в ходе использования грунтовой и лесной дорог (рис. 1), поэтому было рекомендовано проведение аварийно-спасательных раскопок.

В 2020 г. изучена впадина № 1* и прилегающая к ней территория, составлен инструментальный ситуационный план и обследован участок террасы, на котором расположено поселение. В результате были выявлены новые впадины – № 9–18, являющиеся, предположительно, остатками оплывших котлованов углубленных построек (рис. 1).

Характеристика памятника

Поселение расположено на правом берегу р. Мезени в 0,6 км к востоку от дер. Мучкас, административной территории с. Чернутьево Удорского района Республики Коми. Оно занимает надпойменную песчаную террасу, примыкающую на западе к современному руслу реки, на востоке – к флювиогляциальному рельефу (рис. 1). Рельеф поверхности террасы осложнен эоловыми дюнами и котловинами выдувания, поэтому ее высота от уреза воды на этом участке колеблется от 6,0 до 10,5 м. На месте впадины № 1 высота поверхности – 8,11–8,58 м. В 60 м к северо-западу от территории поселения или в 146 м от раскопа 2020 г. в р. Мезень впадает руч. Солаель, образованный минеральными грунтовыми водами.

Судя по положению абразионного уступа террасы, ее прикраевой участок, на котором расположен памятник, ранее разрушался в результате интенсивной боковой эрозии реки. Сейчас к террасе примыкает низкая пойма шириной до 30 м, склоны уступа залесены и задернованы, негативного воздействия на объекты археологии река не оказывает (рис. 1В). В прошлом неопределенная часть памятника могла быть разрушена в ходе строительства линии электропередач и грунтовой автодороги к переправе через р. Мезень. Об этом свидетельствуют место залегания археологических предметов в отвалах автодороги и частично разрушенные ее грейдированием участки впадин № 1 и № 12.

Объект № 1 на современной дневной поверхности выглядел как впадина размерами 4,6 х 5,5 и глубиной 0,35 м. Она была ориентирована по длинной оси ЮЮЗ-ССВ (склонение около 11°) (рис. 1Б; 2). Ее крайняя северо-восточная часть разрушена при грейдировании автодороги и погребена отвалом, а поверхность частично завалена деревьями, спиленными при обустройстве дороги. Уже на современной поверхности были выявлены следы вкопа размерами 0,40 х 0,44 м, в котором найден современный мусор.

Методика раскопок

Методика исследования видимых на поверхности объектов, в том числе жилищных впадин, жестко регламентирует их полное изучение раскопками, поэтому впадина № 1 и прилегающая к ней территория изучены полностью. Общая площадь раскопа составила 82,5 кв.м. Методика раскопок основывалась на опыте изучения углубленных жилищ в рыхлых песчаных отложениях (напр.: Косинская, 1990).

Стратиграфия

Для фиксации контактов слоев были оставлены поперечная и продольная бровки шириной 0,5 м (рис. 2). Всего зафиксировано 13 разрезов, включающих все профили бровок и их частей, стенок раскопов (в том числе прирезки на участке кв. 9/К-М) и другие участки.

Стратиграфия (рис. 3Б, В) в целом типична для углубленных жилищ, располагающихся в подзолах иллювиально-железистых, слагающих надпойменные песчаные террасы, покрытые эоловыми песками (подробнее см.: Косинская, 1990; Карманов, 2021). В пределах раскопа выделено четыре генетических типа отложений, формирование которых связано с работой ветра, почвообразованием, био- и педотурбацией и жизнедеятельностью первобытного и современного населения.

I) Исходные естественные отложения представлены эоловым песком светло-коричневого цвета мелкой и средней зернистости. Впоследствии на верхних уровнях эти отложения были видоизменены образованием

* *Сохранена нумерация объектов, предложенная В.С. Стоколосом. Далее для удобства дальнейшего использования в исследованиях этот комплекс будет обозначен как Мучкас-1.*

подзолистой почвы на хорошо дренируемой поверхности, занятой сосной, покрытой хвойным опадом, ягелем или сфагнумом. В результате этого формируются отложения типа II.

II) Естественные отложения – подзолистая почва, включающая растительную подстилку с хвойным опадом, ягелем или зелеными мхами; элювиальный белесый песок (или горизонт вымывания) и иллювиальный песок оттенков желтого цвета (горизонт вмывания). Именно эти отложения в большей мере подверглись дальнейшим намеренным и ненамеренным деформациям, перемешиванию и перемещениям, формируя отложения типа III:

III) Отложения, сформированные в результате намеренных и ненамеренных перемешиваний, деформаций и перемещения вышеописанных песков в результате природного (био- и педотурбация); антропогенного (древнего и современного) и техногенного воздействий. В их формировании в разной степени участвуют также различные остатки жизнедеятельности человека и других животных, остатки растительности, но из-за особенностей почвообразования их следы неуловимы. Минеральная составляющая этих отложений сводится к сочетанию белесого и желтого песков, поэтому в результате намеренных или ненамеренных воздействий на них образуются примерно одинаковые отложения неоднородные по своей цветности и структуре. Отличаются лишь степень неоднородности и влияние на них дальнейших процессов почвообразования (промывание смешанных песков ведет к их однородности, поэтому, чем моложе эти отложения, тем четче контуры пятен и линз разных песков в их составе). Их интерпретация зависит от характера их залегания (контуров в плане и разрезе) и пространственного соотношения с другими отложениями.

IV) Первоначально естественные отложения, измененные в результате намеренного или ненамеренного термического воздействия на них, имевшего место как в древности, так и в современности: прокаленный песок малинового или розового цвета (так называемый прокал), следы очагов и вентиляционно-отопительных каналов. В отличие от предыдущего типа отложений, эти формируются в результате не механического воздействия на них, а геохимических процессов, которые изменяют преимущественно окраску естественных песков из-за освобождения и транспорта в них различных химических элементов (марганца, железа, фосфора и т.п.).

Обобщенная стратиграфия выглядит следующим образом:

Отложения I и II типов:

1) Слаборазвитая лесная подстилка с хвойным опадом, на отдельных участках со сфагнумом, мощность – до 0,11 м.

2) Белесый песок (элювиальный горизонт). В верхах слоя на центральных участках разрезов наблюдается линза, насыщенная мелкими фрагментами древесных углей, типичных для подзолистых почв. Их повышенная концентрация именно в этой центральной части связана с поверхностным (плоскостным) смывом в понижение. Контакт с нижележащими слоями размытый, нечеткий; зачастую в нижележащие отложения заложены углубления, так называемые «карманы» – следы вертикальных корневодов деревьев. Его мощность в среднем достигает 0,15–0,25 м, по заполнениям несохранившихся корневодов – до 0,35 м. На отдельных участках фиксировался в виде маломощных (до 0,06 м) линз, погребенных отложениями III типа и являлся остатками древней почвы, существовавшей до сооружения постройки;

3) Иллювиальный песок, цветность которого варьирует от светло-желтого до темно-желтого, по мере углубления светлеет и плавно переходит в стерильный эоловый песок; под погребенным белесым песком приобретает грязно-серый оттенок из-за изменений в геохимии; вскрытая мощность – до 0,22 м, по траншеям контрольных прокопов – до 0,5 м.

Отложения III типа:

4) Супесь темно-серая – отложения, деформированные и перемешанные грунтовой дорогой, в том числе отвал, образовавшийся при ее грейдировании; залегали в виде линз, наибольшей мощностью до 0,07 м на участках, соответствующих дорожному полотну;

5) Песок неоднородный по цвету (серо-желтый, буро-желтый) заполнял современный вкоп в кв. 15/К и грунт, перемешанный колесами или гусеницами автотехники – локальные разрушения компонентов древней структуры. Мощность – до 0,15 м;

6) Желтый неоднородный песок – перемещенный грунт (выкид), выбранный при сооружении котлована постройки; мощность – до 0,09 м; в верхах видоизменен процессами почвообразования;

7) Песок неоднородный, пылеватый желтый или грунт, состоящий из песков разного цвета и структуры, переотложенный в результате естественного падения деревьев в древности и современности.

Отложения IV типа:

8) Песок неоднородный темно-бурый, красно-коричневый – следы очагов – отложения, видоизмененные под воздействием высокой температуры и органики на месте кострищ; залегал в виде аморфных в плане линз мощностью до 0,21 м; включал кальцинированные кости, термические осколки; ниже им соответствовали аморфные линзы спекшегося бурого с пятнами светло-желтого песка;

9) Песок розоватого или малинового цвета, прокаленный под воздействием высокой температуры – так называемый прокал; залегал в виде тонких линз мощностью до 0,08 м;

10) Песок неоднородный, преимущесвенно охристого цвета, с пятнами белесого песка и включением древесных углей, залегал в виде отдельных линз мощностью до 0,17 м – иллювиальный песок, видоизмененный под воздействием высокой температуры и угарного газа на месте вентиляционно-отопительных каналов, являясь их следами;

11) Песок неоднородный по структуре и цветности, преимущественно темно-желтый, буроватый, реже розоватый; рыхлый. Залегал в разрезах в виде линз, деформированных и разорванных корневодами; контакт с подстилающими и перекрывающими отложениями нечеткий, размытый. Неровно заполнял и котлован постройки. Эти отложения – результат воздействия на отложения I и II типов жизнедеятельности первобытного коллектива по использованию жилого пространства. Это воздействие было механическим (утаптывание грунта, локальные земляные работы (рытье ям, углублений и т.п.), подсыпки грунта), геохимическим (затеки в нижележащие слои органических и минеральных веществ, освобождающихся химических элементов) и термическим (функционирование очагов, вентиляционно-отопительных каналов). Неоднородность отложений связана с особенностями пространственной организации жилища его первобытными обитателями (на разных участках производили различные действия разной степени интенсивности) и последующих деформаций слоя естественными процессами био- и педотурбации, промывного режима, различного на разных участках. Средняя мощность – 0,15–0,17 м.

Культурные остатки были приурочены к типам отложений II, III, IV и преимущественно залегали в слоях 2, 8, 9, 11. Максимальный разброс находок по вертикали в пределах котлована постройки составляет 0,42 м; в основном, предметы залегали на уровне -20 – -30 см от условного «0». При этом глубина их залегания от современной дневной поверхности была преимущественно 0,05 – 0,25 м.

Планиграфия структуры и ее компонентов

Компоненты древней структуры четко и достоверно стали определяться на фоне погребенного белесого песка и желтого иллювиального горизонта на уровнях от -2 до -9 см. Ее контуры проявлялись на участках различно. На большем протяжении это были полосы белесого песка, которые, как показывает опыт исследований, образуются в пространстве между элементами конструкций и стенками земляных структур (углублений, ям, котлованов жилищ). Такие полоски оконтуривали пятна неоднородного песка по цветности и структуре буроватого песка с включением древесных углей.

Дальнейшая разборка отложений показала, что ориентация выявляемой структуры не соответствует ориентации впадины, видимой на поверхности. Если последняя имела восточное склонение в 11°, то объект длинной осью – склонение 31°.

По мере углубления очертания древней структуры и ее компонентов становились более четкими и определенными. На уровне -8 – -15 см она приобрела в плане форму прямоугольника размерами примерно 4 х 5,5 м, к двум коротким сторонам которого примыкали две полосы неоднородного песка, насыщенного углями и содержавшие неоднородный песок охристого цвета с включениями белесого и желтого песков. Границы древней структуры обозначились на поверхности раскопа в виде упомянутых выше полосок белесого песка, округлых или аморфных пятен

розового, охристого и бурого песков, насыщенных древесными углями и сгоревшими кусками дерева, обугленной коры. Особенно четко такие следы и остатки обозначали три угла структуры (кроме СЗ угла) и ее восточную границу (рис. 4). Юго-западная часть сильно деформирована современными деревьями и выворотом упавшего в древности дерева, а северо-западная в значительной мере видоизменена почвообразованием.

Вышеописанные следы и остатки документировали преимущественно разрушение постройки: пожар в ней и деформацию конструкции во время горения; деятельность корневой системы деревьев и почвообразования. Более значим для определения размеров и формы структуры контакт светло-желтого иллювиального горизонта с омарганцеваниями и неоднородного песка бурого-темно-серого цвета. Его контуры, выявленные особо четко на уровне -14 – -20 см (рис. 3А), позволяют определить точные параметры земляной структуры, а именно ее прямоугольную в плане форму и размеры 3,8 х 5,5 м. Ее правомерно интерпретировать как следы и остатки котлована углубленной постройки.

Отметки кровли погребенного белесого песка – остатки почвы, синхронной сооружению этой постройки, колеблются от +22 до 0 см с падением уровня поверхности с юго-востока на северо-запад, что в целом соответствует склону дюны, определяемой и в настоящее время. Дно котлована сооружения соответствовало примерно уровню -24 – -25 см. Разница в этих высотах позволяет предположить, что котлован был углублен по крайней мере на 25 – 47 см, а возможно, и глубже, поскольку верхи погребенной почвы (дерн или лесная подстилка) не сохранились.

На уровне -20 см на двух участках в кв. 12/К, Л и 15, 16/И, К были выявлены пятна темно-бурого песка аморфные в плане из-за деформаций корневой системы деревьев и особенностей их формирования. На всех уровнях фиксации от -20 до -42 см они сохраняли свою неопределенную форму, изменяясь в размерах и пространстве (рис. 3А; 5; 6; 8). Как показывает опыт исследования углубленных жилищ, такие отложения являются следами наземных очагов без конструктивного оформления. Зольно-углистые верхние прослойки не сохранились, зафиксированные линзы бурого песка представляют собой отложения, подвергшиеся термическому воздействию (выше +550° С). Изучение химического состава аналогичных песков с других памятников показывает, что, по сравнению с фоновыми отложениями, они содержат большее количество фосфора и марганца. Последний и определяет цветность песка. Кроме того, омарганцевания характеризуют аморфные линзы бурого спекшегося, смешанного с пятнами светло-желтого песка – результат затеков в процессе вымывания (атмосферные осадки, таяние снега) и деформации корнями деревьев. Таким образом, фиксируемые линзы бурого песка – это следы очагов, они не характеризуют их размеры и форму и могут документировать только примерное местоположение, пространственное соотношение с другими компонентами изученной структуры.

Следы очага № I выявлены в кв. 12/К, Л после выборки вышележащего слоя 2 – белесого песка (рис. 5А; 6; 8А). Экспозиция на один уровень всей последовательности фиксаций позволяет судить о зоне термического и геохимического воздействия и ее деформациях. Она представляла собой аморфную в плане линзу песка темно-коричневого, буроватого цвета размерами 0,69 х 0,97 м и мощностью до 0,22 м (от -20 до -42 см). Наиболее правильные очертания, близкие прямоугольнику, и размерами 0,4 х 0,74 м были зафиксированы на уровне -26 – -27 см (рис. 6).

Следы очага № II были деформированы в бóльшей мере, особенно это касается верхних уровней, разрушенных корневой системой двух современных деревьев (рис. 5Б; 8Б). Очертания в плане также аморфные, близкие к округлому контуру с размерами 0,88 х 1,06 м. На глубине -45 – -47 см бурая супесь была замещена пятном прокала – розового песка, которое полностью выбрано на уровне -53 см.

Особенностью изученной в 2020 г. структуры являлись два углубления (рис. 3А; 6–8), примыкающие к центральным частям коротких южной и северной стенок котлована сооружения. Проявления «северного» углубления № I (рис. 6; 8А) впервые достоверно были зафиксированы на уровне 0 – -2 см в виде субпараллельных полос белесого песка и желтого песка, насыщенного углями. Сопоставление разных уровней фиксации позволяет утверждать, что первые неявные признаки этого

компонента структуры проявились еще на уровне +20 см в виде размытой полосы белесого песка. По мере углубления ее песчаное заполнение, особенно в южной части, стало замещаться обломками древесных углей, после выборки которых, грунт приобрел охристый цвет. Максимальные размеры описанного компонента структуры составили 0,58 х 2,2 м с глубиной до 0,4 м.

На информативность следов и остатков углубления № I негативно повлияла яма неопределенного назначения. Она была заложена уже после «археологизации» постройки: в ее разрезе фиксируется смещение вышележащего песка с углем по вертикали вниз и перемешивание вышележащего заполнения канала. Из-за того, что ее заполнение идентично таковому канала, в плане оно не определялось. Форма этого вкопа в плане аморфна, в нижележащие уровни заложены разнонаправленные углубления (рис. 8А), археологические предметы в нем отсутствовали.

Углубление № II примыкало к южной стенке котлована (рис. 3А; 7; 8Б, В). Его отличала лучшая сохранность углей вплоть до остатков конструкции, укреплявшей песчаные дно и стенки канала. Первые неявные признаки этого элемента постройки проявились еще на уровне +20 см в виде широкой полосы белесого песка, замещенного по мере углубления неоднородным грунтом, оконтуренным полосами подзола и ниже – обрывками обугленной коры. Максимальные размеры – 0,6–0,7 х 1,92 м – оно приобрело на уровне -19 – -20 см, а наибольшая насыщенность углями в виде отрезков сгоревших стволов или веток деревьев пришлась на уровень -19 – -32 см. По мере удаления от котлована постройки дно углубления плавно повышалось от уровня -40,5 до -6 см.

Отложения в пределах углублений включали обрывки обугленной коры, древесные угли в разном состоянии, единичные обломки кальцинированных костей; артефакты отсутствовали. Обращает на себя внимание согласованность углублений с очагами. Все эти компоненты расположены на одной длинной центральной оси сооружения, при этом расстояние между очагом и углублением составляло примерно 30 – 40 см (рис. 8).

Метрические характеристики, характер заполнения и пространственное соотношение описанных углублений с котлованом постройки и очагами в ней позволяют интерпретировать их как остатки вентиляционно-отопительных каналов. Эти ходы могли способствовать более равномерному распределению тепла в жилом пространстве и выводу угарного газа, который неизбежно скапливается в помещении, отапливаемом очагами. Благодаря тому, что постройка сгорела, сохранились остатки каркаса, части которого достоверно определяются в виде обрывков обугленной коры по контуру углубления № II, субпараллельных планок (?) или веток (?), устилающих дно канала, и вертикальные опоры из небольших стволов деревьев диаметром до 5 см. Ранее наличие такого каркаса можно было только предполагать (Карманов, 2018). Наблюдение за следами и остатками этого элемента структуры позволяет предположить, что они документируют намеренно созданные горизонтальные полости, которые были впущены в грунт ниже уровня пола жилища примерно на 15 – 17 см.

Еще одной особенностью результатов исследований комплекса Мучкас-1 явились следы и остатки настила, покрывающего пол сооружения. Они выявлены в виде субпараллельных полос прокаленного песка, песка, содержавшего обрывки обугленной коры и мелких фрагментов углей, песка зольного цвета. Они были параллельны коротким стенкам котлована. Наиболее выразительные из них выявлены в северо-западной и юго-восточной частях структуры (рис. 3А) на глубине от -17 до -32 см. В ряде случаев артефакты залегают также по одной линии, что может указывать на их проваливание в щели между лагами или, напротив, на место истлевших лаг.

По фрагментам углей А.А. Гольева определила породы деревьев, использовавшихся для конструкции. Во всех частях постройки присутствует сосна (40 образцов), в меньшей мере – ель (8), можжевельник (3), береза (1). Закономерности в распределении пород по компонентам структуры не выявлены. Отметим только исключительное присутствие можжевельника среди остатков каркаса южного и северного углублений.

Планиграфия предметов

Подавляющее число артефактов и экофактов найдено в пределах котлована сооружения (табл. 1): за его пределами обнаружено

всего 16 экз., в то время как в постройке – 3803 предмета. Культурные остатки располагались на плане неравномерно (рис. 3А). Каменные предметы и обломки кальцинированных костей были приурочены к следам очагов, а скопления фрагментов керамических сосудов № 1 и № 2 (рис. 14) залегали в северо-восточном углу постройки. При этом наиболее многочисленные скопления содержали соответственно фрагменты одного горшка, но с включением единичных обломков друг друга. Единственный фрагмент сосуда № 3 (рис. 14, *4*), распавшийся на четыре обломка, обнаружен на полу постройки вблизи «южного» канала.

Какие-то явные закономерности в распределении орудий труда, равно как и других категорий артефактов, не прослежены. Но есть признаки остатков рабочего места мастера по обработке некремнистых пород и изготовлению орудий из них. В их состав входят самый крупный предмет в коллекции – абразив на валуне (рис. 13), залегавший почти в центре постройки, основы абразивных пил (рис. 11, *1, 2, 4*) и один из самых крупных в коллекции абразивов (рис. 12, *5*).

На основе данных планиграфии и стратиграфии можно сделать вывод, что на поселении Мучкас изучено слабо углубленное жилище прямоугольной формы размерами 3,8 х 5,5 м и площадью около 20 кв. м. По центральной оси постройки вблизи ее коротких стен располагались два очага. С ними были согласованы два вентиляционно-отопительных канала, которые находились за пределами жилища, примыкая к его противолежащим коротким стенкам.

Характеристика коллекции

Состав коллекции Мучкас-1 представлен в табл. 1.

Выделяются два технологических контекста изготовления орудий из камня: конкретно-ситуационное расщепление кремня с целью получения нестандартных сколов, преимущественно, отщепов мелких и средних размеров, и производство шлифованных изделий из некремнистых неизотропных пород.

Для изготовления орудий из кремня использовалось неоднородное по структуре и окраске сырье – гальки разной степени окатанности. Протяженные серии артефактов из одного вида сырья не определяются (рис. 9; *10*). Его источниками могли служить галечные россыпи по берегам р. Мезени в обнажениях флювиогляциальных отложений, вскрывающихся рекой.

Ядрища представлены остаточными нуклеусами для снятия отщепов (рис. 9, *3–5*). Среди сколов без обработки преобладают чешуйки, которые, в основном, представлены очень мелкими (до 5 мм) экземплярами, вероятно, сколами ретуши. Подавляющее число отщепов имеет мелкие размеры (1–3 см), а средние и крупные снятия представлены всего пятью целыми экземплярами без учета возможных обломков.

Орудия изготовлены, преимущественно, на отщепах разнообразной формы, в большинстве своем средних и мелких размеров (рис. 10, *1, 7–10, 12–19*). На пластинах с неправильной огранкой оформлено всего два орудия (рис. 10, *5*), на пластинчатом отщепе – одно (рис. 10, *4*).

В малочисленном орудийном наборе преобладают скребки концевые одинарные (рис. 10, *12–20*). Наиболее информативны наконечники стрел. Один представлен мелким обломком (острие или насад), а другой – термически разрушенное орудие листовидной формы коротких пропорций размерами 1,5 х 3,6 х 0,6 см (рис. 10, *2*). Трасологический анализ этого орудия, проведенный Е.Ю. Гирей, выявил на нем следы общего недифференцированного неутилитарного износа – признаки длительного ношения артефакта в емкости, на одежде и/или теле (подробнее об этом виде следов см.: Гиря, 2015. С. 255). Наличие следов такого же происхождения на тонком мелком отщепе с выделенной ретушью частью (рис. 10, *1*) позволяет интерпретировать этот предмет как подвеску, а выступ-шип – как место крепления этого своеобразного украшения и/или амулета.

Второй технологический контекст представлен, преимущественно, орудиями для производства и обработки инструментов: абразивами, абразивными пилами (рис. 11, *1, 2, 4; 12; 13*), отбойниками. Выделяется абразив на валуне без обработки размерами 21 х 43 х 13 см с концентрическими следами износа в центральной части (рис. 13). С этой категорией находок также связана заготовка шлифованного орудия со следами

оббивки, пиления и намеренной фрагментации (рис. 11, *5*). Единственное шлифованное рубящее орудие – вкладыш тесла трапециевидной в плане формы и с асимметричным продольным сечением (рис. 11, *3*). Его размеры 4 х 7,2 при толщине 1,1 см.

Керамическую посуду представляют фрагменты трех сосудов (рис. 14). В составе формовочной массы визуально определяется примесь органики. Большая часть обломков принадлежала двум горшкам № 1 (рис. 14, *1, 3*) и № 2 (рис. 14, *2*) с округлым основанием и примерной емкостью 11–12 и 43 – 46 л. Общая пропорциональность (отношение высоты к диаметру) их форм различна: 0,99 и 0,62 – 0,68 соответственно. Емкость № 1 – открытая, со следами ремонта (рис. 14, *3*); № 2 – слегка закрыта и имеет слабую профилировку верхней части.

Горшки имеют одинаковое скульптурное оформление верхних частей – венчики с внешним наплывом и слегка загнутой внутрь губой. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность сосуда, а внутренняя украшена только в самой верхней части. Для декора в технике штампования использовались исключительно оттиски длинной «гребенки». Судя по отпечаткам, для орнаментации обоих горшков использовался один инструмент, но мотивы и композиция декора на них разные. Сосуд № 1 украшен в верхней части зигзагом, состоящим из парных оттисков, в средней – рядами горизонтальных, а в нижней, включая дно, – наклонных вдавлений углом гребенчатого штампа. Емкость № 2 в верхней части декорирована горизонтальными рядами треугольников, составленных гребенчатыми оттисками. Треугольники верхнего ряда ориентированы вершинами вниз, а нижнего – вершинами вверх. Образовавшееся зигзагообразное поле между ними не украшено. Информация о декоре нижней части этого горшка не сохранилась. Сосуд № 3 (рис. 14, *4*) представлен обломками стенки, украшенными сеткой с ромбовидными ячейками, составленными двойными вдавлениями гребенчатого штампа. Последний отличается от оттисков, использованных для орнаментации сосудов № 1 и № 2, поэтому правомерно утверждать, что применялся другой инструмент. Кроме того, обломки этой емкости залегали в противоположной части постройки.

Среди остатков разнообразной фауны (табл. 2), определенной П.А. Косинцевым, преобладают кости млекопитающих, среди которых больше всего обломков принадлежит северному оленю и бобру. В меньшей мере представлены птица (тетерев, гусь) и рыба (щука). Среди костей млекопитающих, в большей мере северного оленя, П.А. Косинцев выявил шесть экземпляров с признаками обработки. Для проверки этого наблюдения необходим их трасологический анализ.

Культурная атрибуция

Поиск аналогий материалам комплекса Мучкас-1 позволяет утверждать о его атрибуции как памятника ЧК. Это обосновано следующей совокупностью аналогий:

– тип построек с двумя противолежащими углублениями и очагами по центральной длинной оси комплексов Чужъяель I/3, I/5, Чойновты I (Стоколос, 1986. Рис. 20, 33, 43); Гыркасъель (Стоколос, 1988. Рис. 3);

– сложная система отопления и вентиляции жилого пространства, включающая очаги и сопряженные с ними горизонтальные каналы, выходящие наружу за пределы котлована, что выявлено в полной мере и доказано впервые при изучении поселения Ваднюр I (Карманов, 2018; 2020); предположительно использованная в жилищах на поселениях Чойновты I (Стоколос, 1986. Рис. 43), Эньты II, VII (Логинова, 1986. Рис. 1; статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике);

– малочисленность каменного инвентаря, характерная для всех памятников ЧК (Стоколос, 1986. С. 7–91; 1988. С. 25–28; 1995; Логинова, 1986; Карманов, 2018; 2020);

– конкретно-ситуационное расщепление для изготовления орудий из кремня на всех местах обитания людей ЧК;

– большая доля орудий из некремнистых пород, преимущественно разнообразных абразивов комплексов Эньты VII (статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике), Ваднюр I/5, I/7A (Карманов, 2018. Рис. 18: 2; 19: 3–5; 2020. С. 68), Чужъяель I/1, I/2, I/3, I/5, Чойновты I, Ошчой I/5 (Стоколос, 1986. С. 22, 28, 42, 49, 60; рис. 6, 13; 7, 8–10), Гыркасъель (Стоколос, 1988. Рис. 4, 2, 3);

– листовидные обоюдоострые бифасиальные наконечники стрел из кремня в комплексах Эньты II (Логинова, 1986. Рис. 2, 1, 2); Чужъяель I/1, I/5, Ошчой I/5, I/6, V/5

(Стоколос, 1986. Рис. 6, 1, 2; 35, 1; 53, 24; 55, 1; 67, 7); Гыркасъель (Стоколос, 1988. Табл. 2: 1);

– скребки концевые и скобели с отвесным рабочим краем, как правило, сильно изношенные: комплекс Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 13–15);

– шлифованные тесла трапециевидной формы разных пропорций с двумя плоскими фасами поселения Эньты VII (статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике); комплексов Чужъяель I/1, I/5, (Стоколос, 1986. Рис. 5, 36; 35, 19; Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 19, 1);

– абразивная пила жилища Чойновты I (Стоколос, 1986. Рис. 44, 15);

– особенное скульптурное оформление венчиков (тип I по В.С. Стоколосу (1986. Рис. 12)) керамических сосудов комплексов поселений Чужъяель I, Чойновты I, Ошчой I, V; Эньты II (Логинова, 1986. Рис. 3, 1); Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 21, 7, 8), Усть-Комыс (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 78, 1; 79);

– органические примеси в составе формовочной массы керамики поселений Эньты II, VII (Логинова, 1986; статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике), комплекса Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 21–23).

– специфические для региона мотивы орнаментации: треугольники, составленные оттисками гребенчатого штампа, на сосудах комплексов Ваднюр I/7А (Карманов, 2020. Рис. 3, 5); Чужъяель I/1, Чойновты I, Ошчой V/3 (Стоколос, 1986. Рис. 6, 22; 10; 17; 49; 72); горизонтальные ряды угловых оттисков гребенчатого штампа в комплексах Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 21, 7, 9; 23, 3); Ниремка I (Косинская, 1986. Рис. 2, 9); Чужъяель I/3, Чойновты I (Стоколос, 1986. Рис. 25, 1; 46);

– отсутствие ямок, как элемента орнамента на посуде, сближает с комплексами Ваднюр I/5 (Карманов, 2018. Рис. 21–23), в меньшей мере Эньты II, VII (Логинова, 1986. Рис. 2, 7, 9, 11; статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике).

Вместе с тем, комплекс Мучкас-1 имеет свои особенности. Это большое количество микродебитажа (табл. 1), что отчасти объясняется методикой исследования: промывкой грунта через сито с ячеей 2 мм, в то время как ранее просеивание/промывание не применялось вовсе или грунт просеивался через сетку с ячеей в 5 мм. Но даже без такого тщательного изучения слоя из раскопа Мучкас-1 было извлечено 114 чешуек, что превышает показатели по коллекциям, полученным ранее.

Уникальна подвеска из кремня, которая может являться своеобразной репликой известным в комплексах ЧК подвескам, изготовленным из каплевидных плоских галек некремнистых пород с отверстием в верхней части: Эньты VII/2 (статья Э.С. Логиновой в настоящем сборнике); Ошчой I/6 (Стоколос, 1986. Рис. 55, 18); Гыркасъель-1 (Стоколос, 1988. Рис. 4, 1).

В компактной постройке были выявлены остатки разнообразного видового состава фауны (табл. 1). Этим Мучкас-1 также отличается от исследованных ранее памятников ЧК, на которых даже с учетом просеивания грунта экофакты этого вида крайне скудны.

Хронометрия

В радиоуглеродной лаборатории ИГ РАН методом LSC Н.Е. Зарецкая определила возраст 11 образцов комплекса Мучкас-1 (рис. 15). Даты получены по углям из разных частей раскопа и удаленных друг от друга компонентов структуры, что повышает достоверность выводов. Значительно отличается от остальных значений самое молодое – 3720±80 ^{14}С л. н (ИГАН-8720) – результат анализа совокупности образцов из углубления № II с глубины 0,19–0,31 м со всей площади их залегания, и которые не удалось извлечь в виде отдельных кусков (рис. 7Б). На глубине 0,26–0,30 м рядом с ними лежала часть ствола, датированная 4220±100 ^{14}С л. н. (ИГАН-8721). Кроме того, были проанализированы остатки стоек каркаса восточного борта этого же канала (рис. 8В): 4190±80 ^{14}С л. н. (ИГАН-8722). Поэтому правомерно не использовать дату 3720±80 ^{14}С л. н. для определения возраста комплекса Мучкас-1. Сумма вероятностей остальных 10 ^{14}С дат позволяет определить время создания источника кон. IV – перв. пол. III тыс. до н.э.

Результаты и обсуждение

На поселении Мучкас в 2020 г. изучены остатки жилища прямоугольной в плане формы размерами 3,8 х 5,5 м площадью около 20 кв. м. В сооружении последовательно или одновременно функционировали два очага. Котлован постройки был углублен в грунт на 0,25–0,47 м. Пожар, случившийся в неопределенное время, позволил сохранить

информацию об особенностях конструкции подземной части жилища, которая, вероятно, представляла собой каркас из жердей, укрепленный по углам связками тонких стволов деревьев, воткнутых острыми концами в песчаные отложения. Пол сооружения частично покрывал деревянный настил.

Впервые на памятниках долины р. Мезени в полной мере выявлены следы и остатки углублений – вентиляционных и/или отопительных каналов. Ранее такие объекты понимались исключительно как входы-выходы (Стоколос, 1986. С. 108). Однако использование для этих целей двух настолько протяженных углублений при небольшой площади постройки нецелесообразно. Кроме того, в углублении № II сохранились остатки каркаса из сравнительно тонких стволов деревьев, хождение по которым вызвало бы их разрушение и деформацию грунта под ними. Однородный охристый песок, залегающий равномерно в низах углублений – результат воздействия сравнительно высоких температур, и здесь он не согласован с частями сгоревшей конструкции. Пространственное соотношение очагов с углублениями указывает на сопряженность всех компонентов структуры. Расстояние между соответствующими очагами и углублениями составляло всего 0,4–0,5 м. Это указывает на то, что каналы созданы не только для входов-выходов из жилища, поскольку входящий в помещение человек вынужденно бы наступал на место разведения огня.

Поэтому возникает вопрос о местоположении входа-выхода. Наиболее вероятное объяснение: описанные компоненты структуры действовали не одновременно, а последовательно. Об этом свидетельствует худшее состояние каркаса в углублении № I и наличие участка неоднородного грунта между ним и котлованом постройки. Вероятно, первоначально он действовал как вентиляционно-отопительный канал, позднее был перекрыт и использовался как вход-выход. В противном случае, предположим, что последний был сделан в кровле постройки, но информация о нем не сохранилась. Новые данные вынуждают пересмотреть сведения об аналогичных по планировке жилищах.

Комплекс Мучкас-1 атрибутирован как памятник ЧК и датирован с наибольшей степенью вероятности кон. IV – перв. пол. III тыс. до н.э. Это время соответствует в общепринятой периодизации финальному неолиту и энеолиту. Кроме того, в этот период появляются первые свидетельства распространения меди на северо-востоке Европы (Karmanov, Zaretskaya, 2021), но, как и на остальных памятниках ЧК, признаки использования металла и его обработки не обнаружены. Однако на возможные связи с носителями пористой керамики, знакомыми с медью, указывают органические примеси в составе формовочных масс керамики, исключительно гребенчатая орнаментация при полном отсутствии ямок. Это характерно, например, для посуды синхронных памятников типа Оровнаволок XVI (Жульников, 2005. С. 28, 29); комплексов Юмиж I (статья И.В. Верещагиной в настоящем сборнике) и Черная речка I (Верещагина, 2008. С. 128).

Таким образом определились достоверные источники для доказательного выделения позднего периода развития ЧК и прогнозирования ее дальнейшей судьбы. Возраст более ранних памятников обоснован пока только для комплекса Ваднюр I/7A и, предположительно, для Чойновты I при условии, что подтвердятся древние датировки последнего (Карманов, Зарецкая, 2021).

Видовой состав фауны (табл. 2) указывает на доминирующую роль охоты в жизни обитателей поселения Мучкас. Однако сохранившиеся орудия не подтверждают этого, поэтому правомерно предположить большое значение пассивной охоты с использованием ловушек из органических материалов. Единственное явное орудие охоты – наконечник стрелы, судя по неутилитарному износу, было изготовлено не в этом месте и, возможно, является свидетельством неопределенных связей с населением сопредельных регионов. В перспективе исследований необходимы поиск и анализ аналогичных предметов, представленных в коллекциях ЧК единично и без явных свидетельств их производства.

Заключение

Несмотря на небольшие размеры, комплекс Мучкас-1 – это «собирательный образ» информативных признаков комплексов ЧК на реках Мезени и Вычегде и связующее звено между двумя регионами. Его материалы указывают на общность традиций людей этой культуры в кон. IV – перв. пол. III тыс. до н.э.

А отмеченные ранее особенности комплексов с пористой керамикой, но сопряженные с ЧК по другим признакам, правомерно обосновать временем существования, в которое на северо-востоке Европы стали возможны соответствующие связи.

Новые данные, дополняющие наши представления о традициях домостроительства, камнеобработки и гончарства, позволяют определить комплекс Мучкас-1 как опорный источник для изучения ЧК, ее развития, материальной культуры, образа жизни и культурных связей ее носителей.

Авторы выражают свою благодарность всем участникам раскопок поселения Мучкас, в особенности Е.В. Попову, Н.А. Волокитиной и А.С. Макарову; специалистам, участвовавшим в аналитических исследованиях – Н.Е. Зарецкой, А.А. Гольевой, Е.Ю. Гире, П.А. Косинцеву.

Литература

Археологическая карта Республики Коми. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография»», 2014. – 246 с.

Верещагина, И.В. Структура поселений мезолита – раннего металла на северо-западе России (бассейн Северной Двины) / И.В. Верещагина // Записки ИИМК. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2008. – № 3. – С. 118–136.

Гиря, Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) / Е.Ю. Гиря // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. – С. 232–268.

Жульников, А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья / А.М. Жульников. – Петрозаводск: «Паритет», 2005. – 310 с.

Карманов, В.Н. Ваднюр I/7 – памятник финального неолита и энеолита на р. Вычегде / В.Н. Карманов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 4. – С. 63–72. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-6

Карманов, В.Н. Виды следов в отложениях памятников V – II тыс. до н.э., крайний северо-восток Европы / В.Н. Карманов // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 192–204. https://doi.org/10.17816/snv2021101203.

Карманов, В.Н. Отчет о разведочных работах в Удорском районе Республики Коми в 2013 году / В.Н. Карманов. – Сыктывкар, 2014 / НА ИА РАН. Ф.1. Р.1. №40707.

Карманов, В.Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) / В.Н. Карманов // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 55–85. – (МАЕСВ; Вып. 20).

Карманов, В.Н. Радиоуглеродная хронология чужъяельской культуры / В.Н. Карманов, Н.Е. Зарецкая // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 55–69. https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.55.69

Карманов, В.Н. Мучкас-1 – новый опорный комплекс чужъяёльской культуры на р. Мезени / В.Н. Карманов, А.Л. Белицкая // Вестник археологии, этнографии и антропологии. В печати.

Косинская, Л.Л. Керамика поселения Ниремка I / Л.Л. Косинская // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: КФ АН СССР, 1986. – С. 35–44. – (МАЕСВ; Вып. 10).

Косинская, Л.Л. Особенности исследования поселений с полуземляночными жилищами в таежной зоне Европейского Северо-Востока / Л.Л. Косинская // Полевая археология мезолита-неолита. – Ленинград: ЛОИА АН СССР, 1990. – С. 101–107.

Логинова, Э.С. Поселение Эньты II / Э.С. Логинова // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: КФ АН СССР, 1986. – С. 45–53. – (МАЕСВ; Вып. 10).

Логинова, Э.С. Работы на средней Вычегде / Э.С. Логинова // Археологические открытия 1985 года. – Москва: Наука, 1987. – С. 18.

Семенов, В.А. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета) / В.А. Семенов, В.Н. Несанелене: учебное пособие. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. – 169 с.

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986. – 192 с.

Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.

Стоколос, В.С. Отчет о полевых работах Мезенского археологического отряда Коми Филиала АН СССР в 1975 г. / В.С. Стоколос. – Сыктывкар, 1976 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.177, 178; НА ИА РАН. Ф.1. Р.1. №5998, №5998а.

Стоколос, В.С. Отчет о полевых работах Печоро-Мезенского отряда в 1990 г. / В.С. Стоколос – Сыктывкар, 1991 / НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.450, Д.451; НА ИА РАН. Ф.1. Р.1. №18964, №18965.

Стоколос, В.С. Поселение Мучкас на Мезени / В.С. Стоколос // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1995. – С. 59–64. – (МАЕСВ; Вып. 13).

Стоколос, В.С. Энеолит и бронзовый век / В.С. Стоколос // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – С. 213–246.

Karmanov V.N., Zaretskaya N.E. Radiocarbon dating of Holocene archaeological sites in the Far Northeast of Europe: scopes and limits of a supraregional database // Documenta Praehistorica. XLVIII. 2021. P. 142–165. https://doi.org/10.4312/dp.48.23.

Таблица 1

Мучкас-1. Состав коллекции

Предмет	Общее количество	Жилище	Вне жилища
Изделия из кремня без явных признаков вторичной обработки			
Отщеп	224	222	2
Пластина	3	3	0
Чешуйка	1786	1786	0
Осколки и термические отщепы	317	314	3
Бифас незавершенный	5	5	0
Плитка	1	1	0
Ядрище	3	2	1
Итого	2339	2333	6
Орудия из кремня			
Скребок	12	12	0
Ножи	6	6	0
Перфораторы	6	6	0
Орудие комбинированное	3	2	1
Наконечники стрел – бифасы	2	2	0
Скобель	2	2	0
Орудие неопределимое	16	16	0
Итого	47	46	1
ВСЕГО	2386	2379	7
Некремнистые породы			
Осколок	73	73	0
Отщеп	4	4	0
Гальки и их обломки	31	24	7
Заготовка рубящего орудия	1	1	0
Итого	109	102	7
Орудия из некремнистых пород			
Абразивы, в том числе обломки	12	11	1
Основы абразивных пил, в том числе обломки	6	6	0
Тесло	1	1	0
Отбойники	2	1	1
Итого	21	19	2
Всего предметов каменного инвентаря	130	121	9
Фрагменты трех керамических сосудов	737	737	0
Кости кальцинированные, обломки	566	566	0
Общее количество предметов в коллекции	3819	3803	16

Таблица 2

Мучкас-1. Видовой состав фауны

Вид	Количество обломков	С признаками обработки
Млекопитающие, в том числе:	515	6
Бобр	10	0
Северный олень	4	3
Куница	4	0
Белка	2	0
Росомаха	1	0
Птица, в том числе:	48	0
Тетерев	3	0
Гусь	1	0
Рыба, в том числе:	3	0
Щука	3	0
Всего	566	6

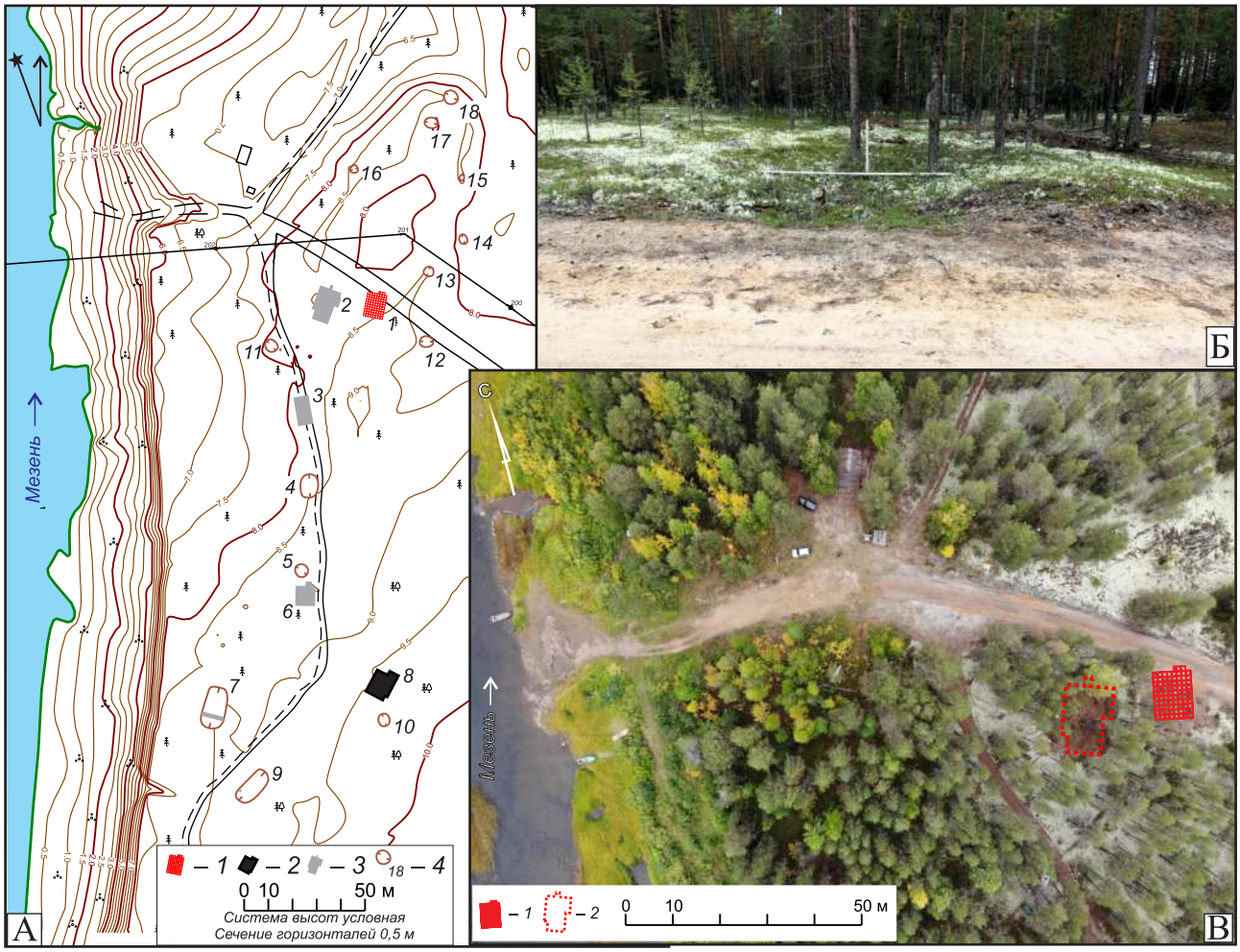


Рис. 1. Мучкас. А – ситуационный план: 1 – раскоп 2020 г.; 2 – раскоп 1990 г.; 3 – недокументированные раскопы и шурфы; 4 – впадины – остатки углубленных построек и их порядковые номера; Б –вид на впадину № 1 до раскопок с ССВ; В – вид сверху на участок памятника с объектами № 1 и № 2. 1 – раскоп 2020 г.; 2 – раскоп объекта № 2.

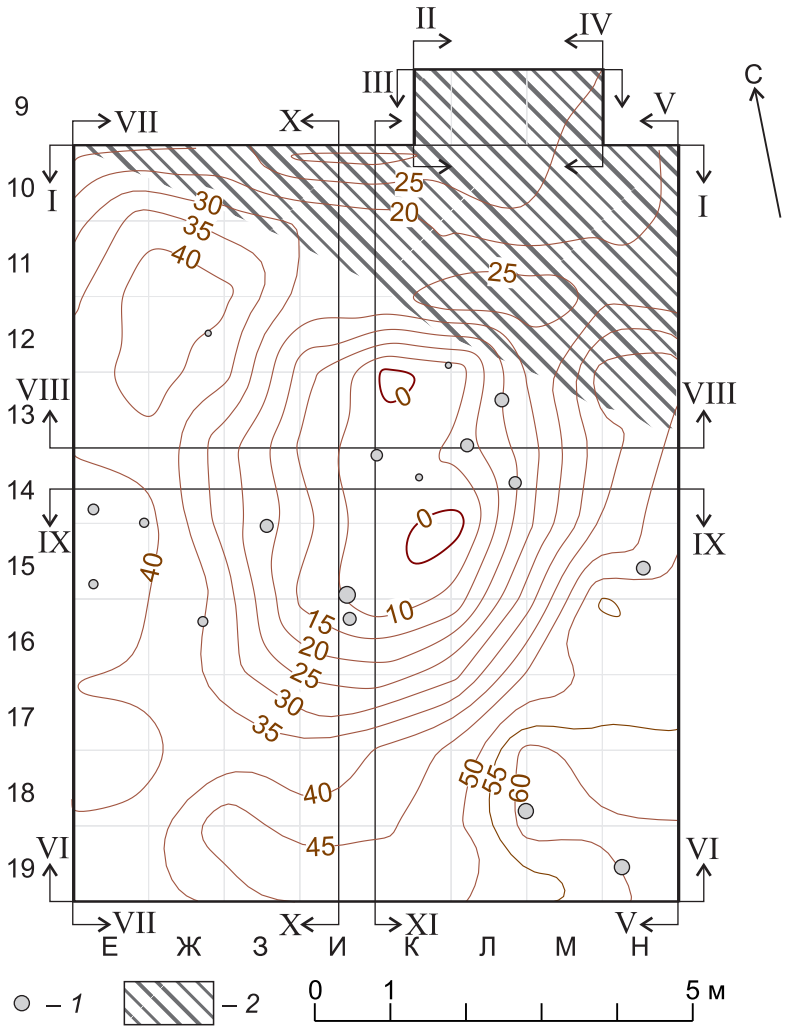


Рис. 2. Мучкас-1. Схема раскопа и рельеф современной дневной поверхности. Система высот условная. Сечение горизонталей 5 см. 1 – современные деревья, пни; 2 – зона негативного воздействия автодороги.

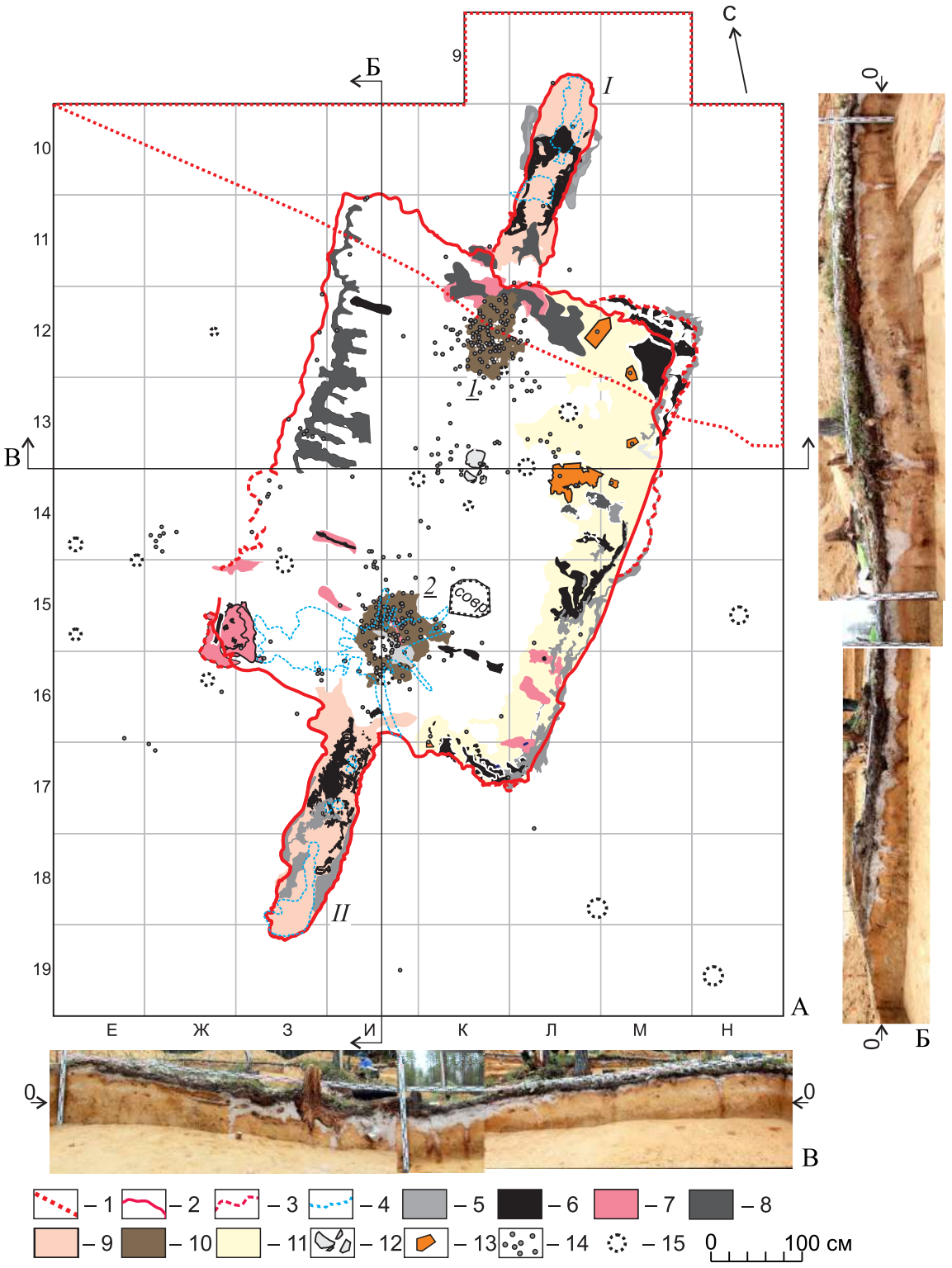


Рис. 3. Мучкас-1. А – планиграфия комплекса следов и остатков.
1 – зона негативного воздействия автодороги; 2 – внешние границы структуры и ее компонентов; 3 – разнородные деформации, в том числе: 4 – выворотни, корневоды современных и не сохранившихся деревьев; 5 – белёсый песок – заполнение пространства между элементами конструкции сооружения и грунтом; 6 – древесные угли и песок, содержащий их; 7 – розовый, багровый песок – прокал; 8 – неоднородные отложения, преимущественно прокал, угли, обугленная кора; 9 – охристый песок; 10 – бурый песок – следы очагов; 11 – неоднородный, преимущественно, охристо-бурый песок – следы геохимического и термического воздействия; 12 – обломки крупного абразива; 13 – фрагменты керамических сосудов; 14 – предметы из камня; 15 – современные деревья; Б – продольный разрез по линии Х, вид с ЗЮЗ; В – поперечный разрез по линии VIII, вид с ССВ.

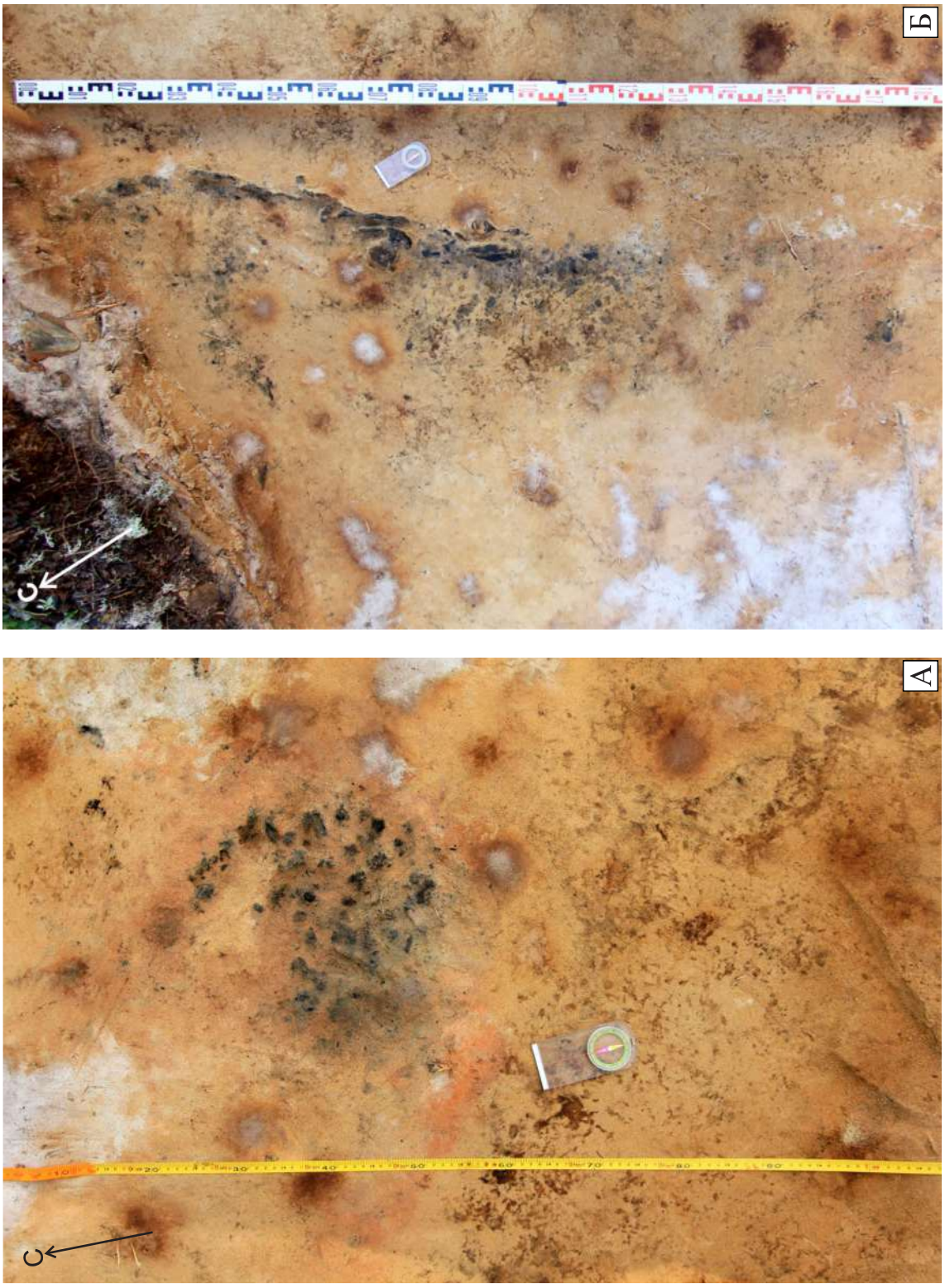


Рис. 4. Мучкас-1. Фрагменты культуровмещающих отложений: А – следы и остатки опоры каркаса в ЮВ углу постройки, кв. 17/К, Л, уровень -7 – -9 см; Б – следы и остатки каркаса восточной стенки котлована постройки, кв. 14, 15/Л, М уровень -22 см. Виды сверху.

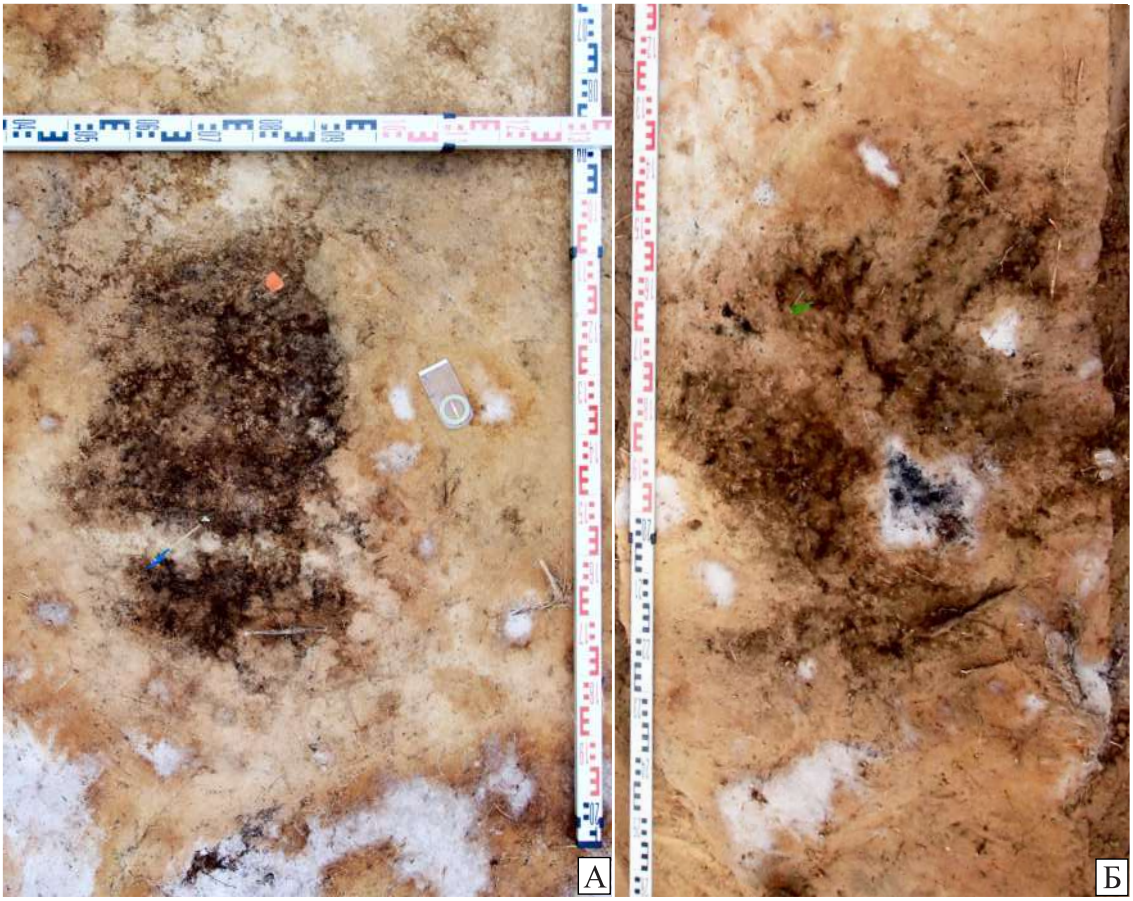


Рис. 5. Мучкас-1. Фрагменты культуровмещающих отложений, следы очагов на уровне -30 см, вид сверху: А – № I (кв. 12/К, Л); Б – № II (кв. 16, 17/И; продольная бровка).

Рис. 6. Мучкас-1. Поверхность раскопа на участке кв. 10-13/И-Н, уровень -26 – -27 см. Вид сверху.

Рис. 7. Мучкас-1. Фрагменты культуровмещающих отложений, следы и остатки вентиляционно-отопительного канала № 2: А – на участке кв. 14-19/Е-И, уровень -20 – -25 см;
Б – на участке кв. 16-19/З, И – деталь с участком, наиболее насыщенным углями, залегающими на уровне -19 – -32 см. Вид сверху.

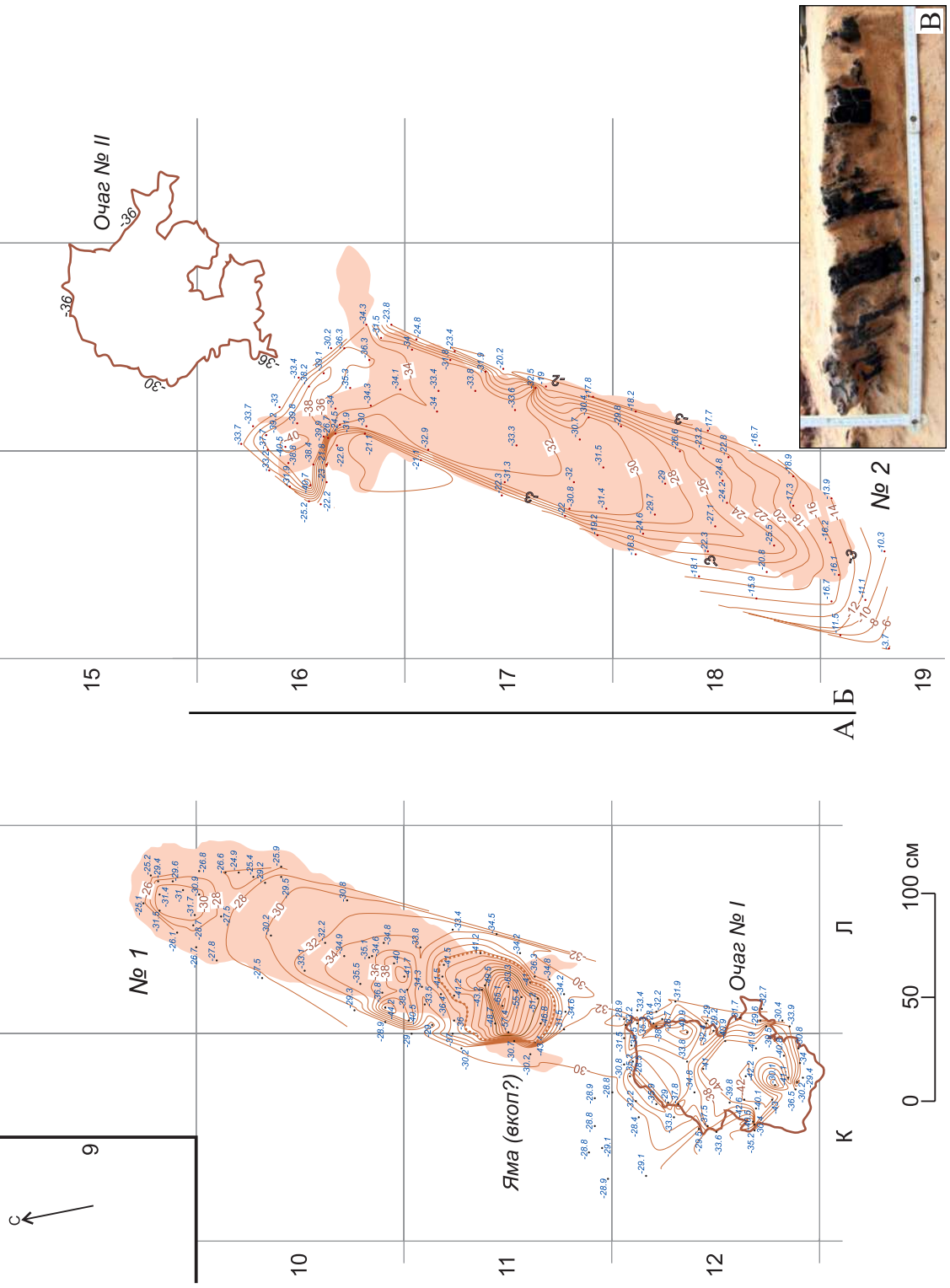


Рис. 8. Мучкас-1. Рельеф поверхности подошвы углубления вентиляционно-отопительных каналов и их соотношение с очагами:
А – северный канал; Б – южный канал; В – вертикальные опоры каркаса углубления № 2, кв. 16-19/3,И; -25 – -32 см, вид с З.

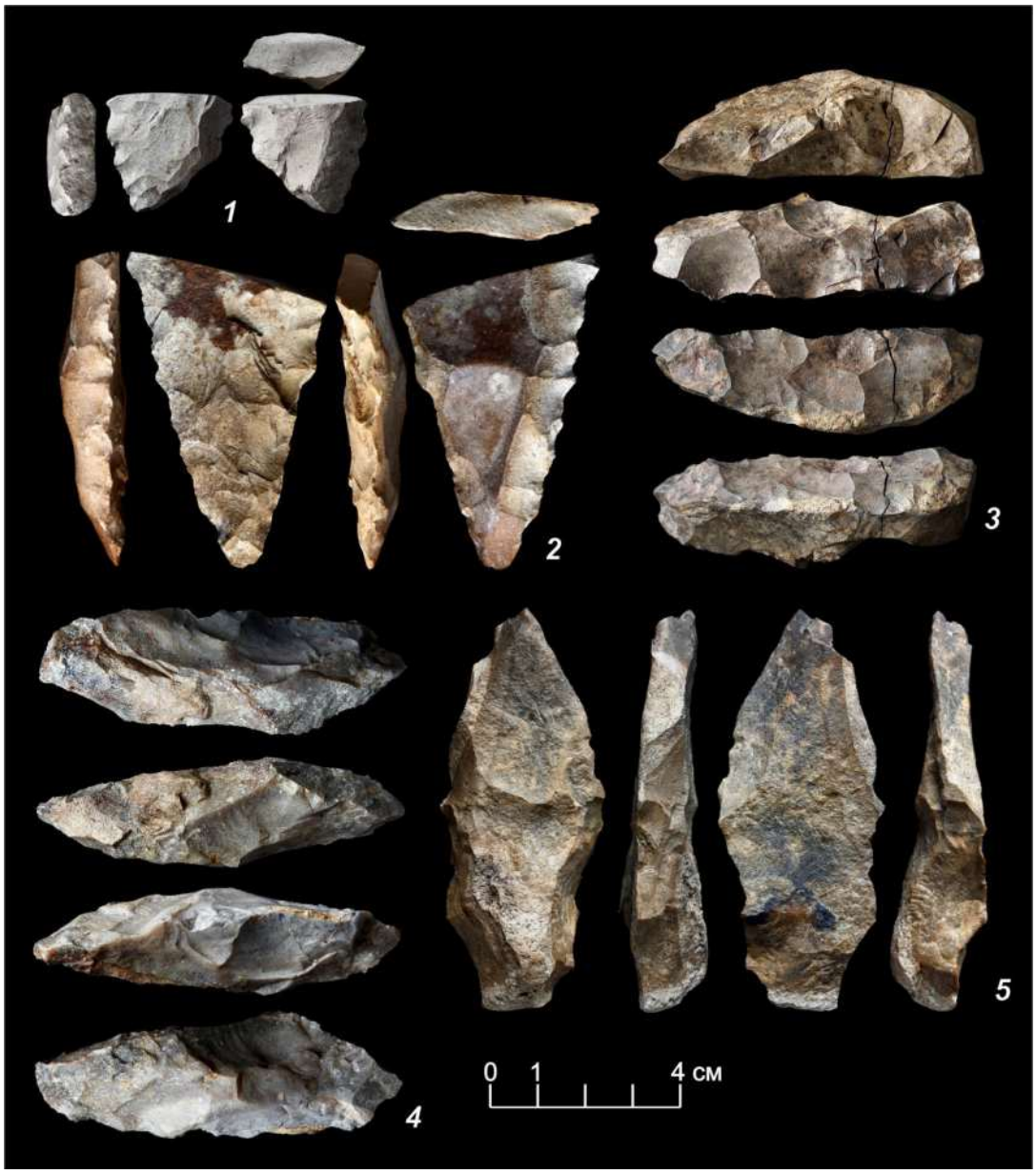


Рис. 9. Мучкас-1: 1, 2 – обломки бифасов; 3–5 – кремневые ядрища или заготовки бифасов.

Рис. 10. Мучкас-1. Кремневые изделия:
1 – подвеска; 2 – наконечник стрелы; 3 – обломок сверла (?); 4, 5, 9, 11 – ножи;
6 – перфоратор; 7, 8 – скобели; 12–19 – скребки; 10, 20 – орудия комбинированные.
1–18 – жилище; 20 – вне жилища.

Рис. 11. Мучкас-1. Изделия из некремнистых пород: 1, 2, 4 – основы абразивных пил;
3 – тесло; 5 – заготовка шлифованного рубящего орудия со следами пиления и намеренной фрагментации (?).

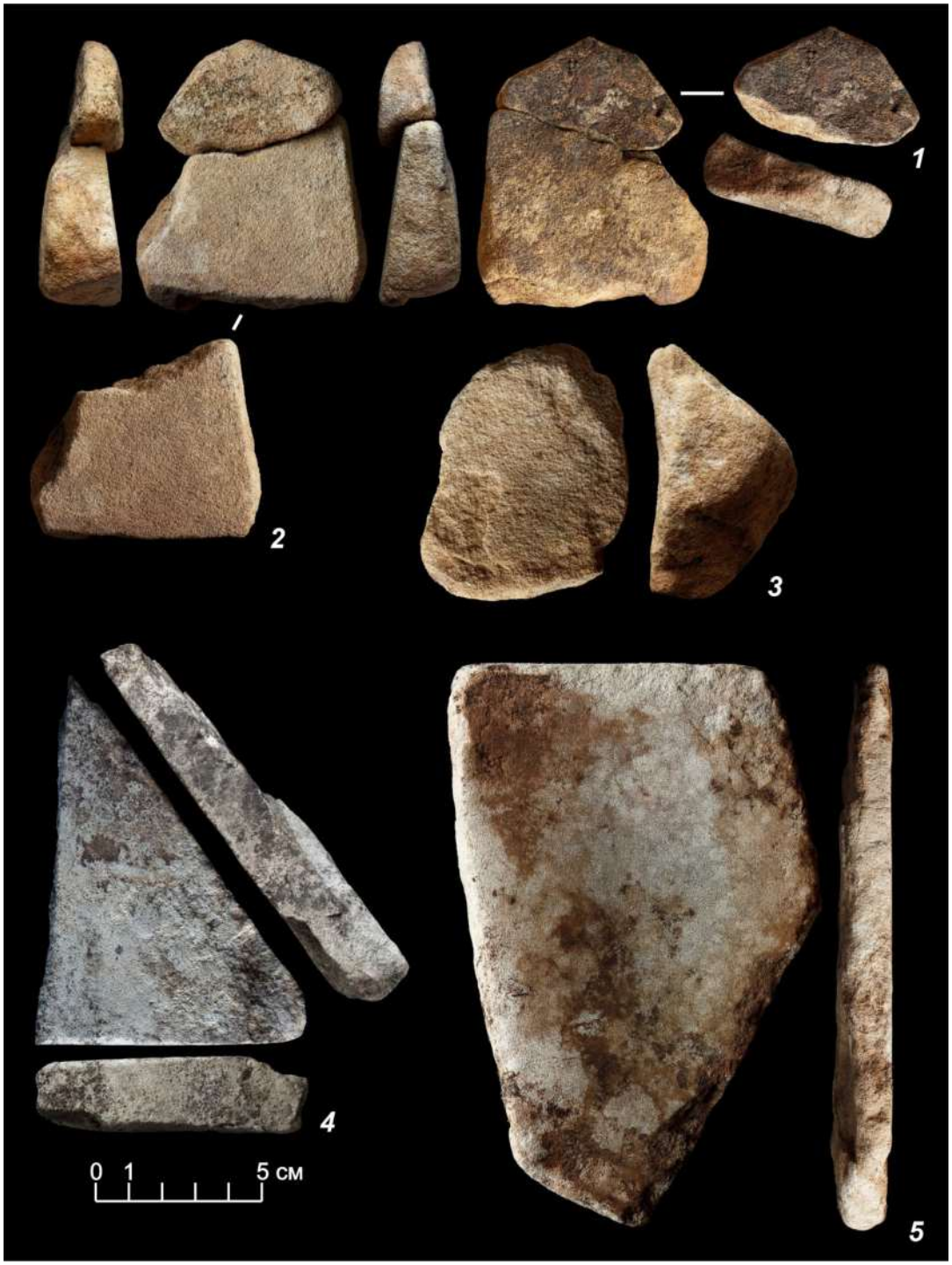


Рис. 12. Мучкас-1. Абразивы на гальках и обломках плиток некремнистых пород.

Рис. 13. Мучкас-1. Абразив на валуне некремнистой породы.

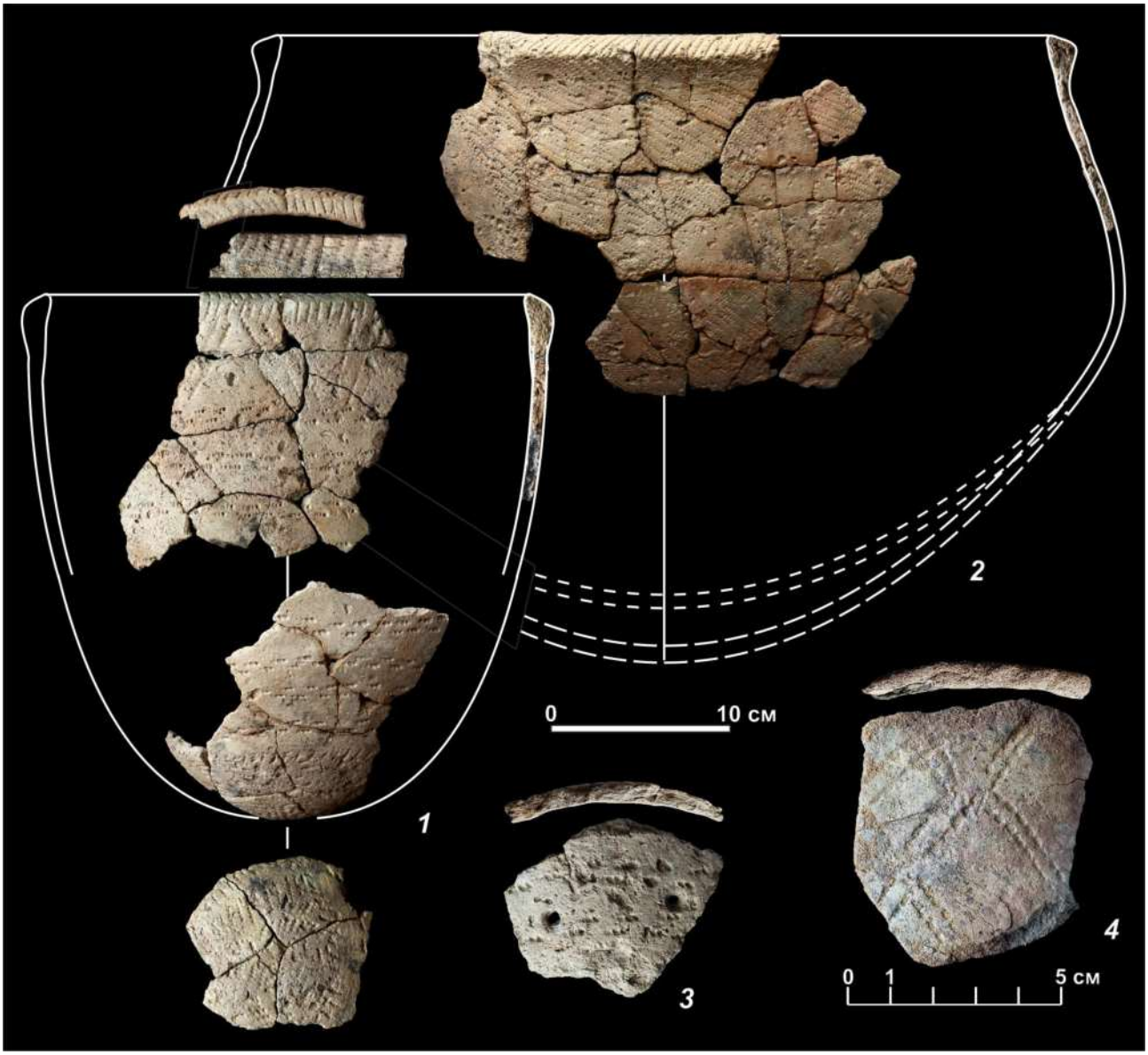
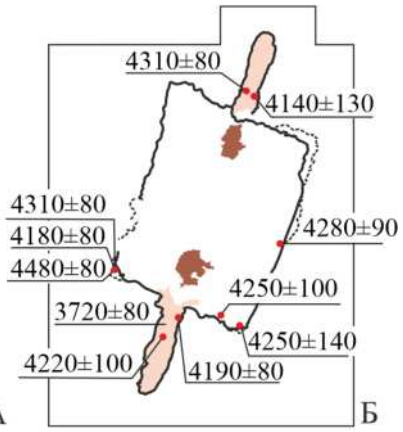


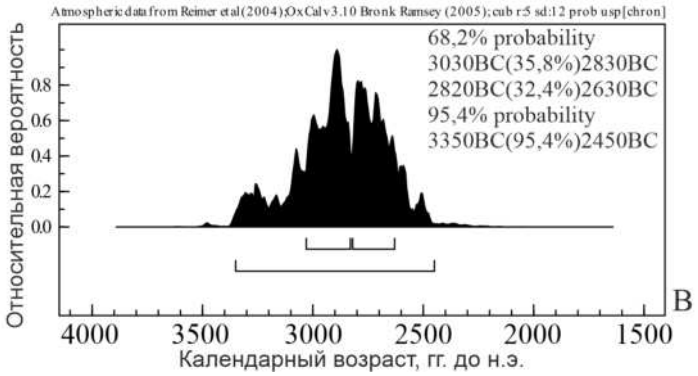
Рис. 14. Мучкас-1. Керамическая посуда: 1, 3 – сосуд № 1; 2 – сосуд № 2; 4 – сосуд № 3.

Лабораторный номер ИГАН	^{14}C дата	Калиброванный возраст, кал. л. до н.э.,	
		1 σ (68,2%)	2 σ (95,4%)
8713	4480 ± 80	3120 – 2920	3340 – 2900
8717	4310 ± 80	3090 – 2870	3350 – 2650
8719	4310 ± 80	3090 – 2870	3350 – 2650
8718	4280 ± 90	3090 – 2690	3350 – 2550
8716	4250 ± 140	3080 – 2620	3350 – 2450
8714	4250 ± 100	3010 – 2660	3150 – 2450
8721	4220 ± 100	2920 – 2630	3100 – 2450
8722	4190 ± 80	2900 – 2660	2930 – 2560
8712	4180 ± 80	2890 – 2660	2920 – 2560
8715	4140 ± 130	2890 – 2570	3100 – 2300
8720	3720 ± 80	2280 – 1970	2450 – 1850

А



Б



В

Рис. 15. Мучкас-1. Результаты радиоуглеродного датирования: А – исходные данные; Б – планиграфия образцов; В – сумма вероятностей.

ГАРИНСКАЯ (ЧОЙНОВТИНСКАЯ) КУЛЬТУРА: РАСЦВЕТ

GARINO (CHOYNOVTY) CULTURE: FLOURISHING TIME

И.В. Верещагина

ЮМИЖ I*

Аннотация. Публикуются результаты раскопок поселения Юмиж I на р. Северной Двине (Верхнетоемский район Архангельской области). Автор изучил остатки жилища прямоугольной в плане формы площадью 33,8 кв. м. Выявлены три входа-выхода, два очага и три ямы. На основе анализа данных планиграфии, стратиграфии и состава находок в этих компонентах структуры определены признаки перестройки жилого пространства. В жилище функционировала кремнеобрабатывающая мастерская для изготовления наконечников стрел – бифасов и производилась металлообработка.

Данные сравнительно-типологического анализа керамической посуды и каменного инвентаря позволяют включить комплекс Юмиж I в круг памятников общности гребенчатой керамики энеолита. Находки медной иглы и тигля, а также радиоуглеродные датировки позволяют отнести его к эпохе раннего металла и датировать перв. четв. III тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, энеолит, поселение, жилище, каменный инвентарь, бифасы, керамика, медь, металлообработка, река Северная Двина

I.V. Vereshchagina

YUMIZH I

The results of the excavations of the Yumizh I settlement on the Severnaya Dvina River (Verkhnetoyemsky region of the Arkhangelsk district) are published. The author studied the remains of a rectangular-shaped dwelling with an area of 33.8 sq.m. Three entrances, two hearths and three pits were identified. Based on the spatial analysis and the study of composition of the findings in these structural components, signs of the restructuring of the living space were determined. In the dwelling, there was a flint-processing workshop for the manufacture of bifacial arrowheads with elements of metalworking.

The data of comparative-typological analysis of ceramics and flint artefacts allow to include the Yumizh I complex in the memory sites of the Comb Ware culture of the Eneolithic. The findings of a copper needle and a melting pot, as well as radiocarbon datings, make it possible to refer it to the Early Metal period and dating back to the first quarter of the IIIrd millennium B.C.

Keywords: archeology, Eneolithic, settlement, dwelling, stone implements, bifaces, ceramics, copper, metalworking, the Northern Dvina River

Введение

Поселение Юмиж I было открыто в 1973 г. И.В. Верещагиной и исследовалось ею же в 1984 г. (Верещагина, 1974б; 1985). В полной мере материалы этого памятника ранее не публиковались, и сведения о нем в литературе ограничены данными об особенностях топографии, планиграфии и результатах радиоуглеродного датирования (Верещагина, 1974а; 2008). Однако изученный комплекс является опорным для изучения распространения древнейшего металла и навыков металлообработки на северо-востоке Европы, а также развития традиции бифасиального расщепления кремня. Статья нацелена, прежде всего, на ввод в научный оборот результатов раскопок поселения Юмиж I, а в ее задачи входят детальное описание и общая характеристика артефактов и условий их залегания.

Местоположение

Памятник Юмиж I расположен на левом берегу р. Северной Двины вблизи места впадения в нее р. Юмиж, на останце «боровой» террасы под названием Малецкий Бор (рис. 1А). Останец размерами 0,3 х 1,7 км возвышается среди поймы и примыкает на севере к безымянным озерцам и оз. Малецкому, которое в настоящее время соединено с протокой р. Северной Двины. Поверхность останца неровная, холмистая, поэтому его высота на различных участках колеблется от 10 до 20 м над урезом воды в озере (рис. 2А). Поселение находится примерно в 0,4 км от восточной оконечности останца и в 1,3 км от западной. В 1973 г. И.В. Верещагина обнаружила здесь на вершине песчаного возвышения жилищную впадину (рис. 1Б, 2Б). Впадина расположена параллельно кромке террасы в 40 м от ее края. Длина ее по наивысшим точкам хорошо

* *Статья публикуется в авторской редакции.*

заметного вала – 11 м, а ширина – 6,5. Дюна высотой 15 м над уровнем озера ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 2А).

Методика раскопок

В 1973 г. нами произведены разбивка раскопа, нивелировка поверхности и начата разборка горизонтов в центральной части котлована, где была обнаружена поздняя яма, видимо, кладоискательская, подобная тем, что часто встречаются в Малецком Бору. Яма была включена в кв. Б-4 и Б-5, убран выброс из нее, зачищены ее края. К счастью, она почти не повредила основной культурный слой. Произведя зачистку по уровню культурного слоя, мы намеревались далее начать раскопки с периферии жилища. Однако начавшиеся проливные дожди вынудили нас тогда произвести срочную разборку культурного слоя на этом участке и фиксацию разрезов под угрозой заплывания и размывания культурного слоя.

В 1984 г. мы восстановили прежнюю сетку раскопа, произвели нивелировку и сверку с данными 1973 г. После этого вскрыли законсервированную часть и сделали зачистку прежних разрезов по линиям Г-4–Б-4 и Г-6–Б-6. Следующим этапом работы было снятие лесной подстилки с тонким почвенным слоем на всем раскопе, площадь которого составила 112 кв. м.

Стратиграфия

Стратиграфия за пределами впадины была обычной для боровых террас (рис. 3): лесная подстилка с тонким почвенным слоем; белесый, иногда серый подзолистый горизонт; желтый, местами оранжевый песок; светло-желтый материковый песок. В пределах впадины характер слоев несколько отличался: под слоем подстилки, мощностью до 10 см, залегал подзолистый песок иногда белого, а иногда серого цветов, мощность которого была больше в центре впадины, достигая 25 см. Под ним, в центре, сразу прослеживался гумусированный в различной степени песок с находками, а по краям залегал перемешанный серовато-желтый рыхлый песок (оплывший валик выброса из котлована постройки) и только под ним гумусированная прослойка заполнения пола. Подстилающим материковым по краям жилища был тот же светло-желтый песок, а в центре – очень часто ортштейн.

Планиграфия

Первый горизонт за пределами впадины был, в целом, условным горизонтом взятия мощностью 15, а на участке вала – 20–25 см. Тем самым были сняты подзолистый песок и часть нижележащего желтого песка. Второй горизонт соответствовал мощности оставшегося желтого песка и разбирался до материкового песка. После зачистки по поверхности материкового песка наметился некоторый уклон к краям раскопа, что, видимо, объясняется особенностями стратиграфии на дюне. Часть впадины осталась также не охваченной вследствие значительной глубины котлована. Находки и объекты также не были выявлены. Лишь в квадратах Б-6 и Б-7 в нижней части второго горизонта стали встречаться кремневые находки, а после зачистки наметилось более темное пятно. Было предположено, что это вход в жилище. После зачистки выявились ориентировочные границы заплыва жилища.

Третий горизонт разбирался в пределах впадины, начиная от центра. В центральной части он соответствовал мощности подзолистого горизонта, а по краям – мощности перемешанного серовато-желтого песка. Разборка производилась до гумусированной прослойки пола, а там, где она была слабо заметной, до появления находок. Опирались на данные старых разрезов, в которых гумусированная прослойка была хорошо видна. Уже в процессе разборки третьего горизонта обратили внимание, что в северной части жилища прослойка, слабо окрашенная с охристыми примазками и редкими находками, появилась значительно выше, чем на остальной площади раскопа жилища. Удалось примерно оконтурить эти участки, так как перепад в высотах составлял 15–25 см. Границы этих возвышенных участков были позднее уточнены при разборке четвертого горизонта. Отчетливо выявились два входа-выхода: восточный торцевой, южный боковой. Наметился также и третий вход, западный торцевой, но очертания его уходили под продольную бровку. Выявились очертания очага в кв. Б-3, В-3 (рис. 4).

Основной четвертый горизонт разбирался от центра жилища. На возвышенных участках мощность слоя составляла 4–6 см. Здесь он был слабо окрашен, но содержал частые охристые примазки. Находки на этих участках

единичны (рис. 4). Лишь в кв. В-4 проявилось пятно серого цвета со скоплением кремневых предметов и несколькими обломками керамики. Мощность этого скопления – примерно 25 см, т.е. на 18 см оно было углублено в материковый песок, но не глубже уровня пола на остальной части помещения.

Очаг № 1 (около репера В-5) выявлен на глубине 115 см от нулевого репера. Сверху был обычный гумусированный песок серого цвета с находками. В плане он имел округлые очертания диаметром около 1 м. Заполнение представляет коричневато-бурая плотная супесь с большим количеством обожженного кремня, костной крошкой и очень мелких угольков. Максимальная мощность заполнения – 35 см (рис. 3А, 1). В очаге и рядом часто встречались мелкие обломки обожженных гранитных галек. Возможно, очаг первоначально имел кольцевую обкладку.

Очаг № 2 (кв. Б-3, В-3) выявлен на глубине 105 см от условного нуля и имел овальные в плане очертания, согласованные с продольной осью жилища. Его размеры – 0,8 х 1,0 м, а максимальная мощность – 35 см. Заполнение аналогично предыдущему очагу. Учитывая перепад верхней границы первого и второго очагов, составляющий примерно 10 см, а также расплывчатость очертаний очага № 1, наслоение поверх него культурного слоя, можно предположить разновременность использования этих очагов в период использования жилища.

В 1973 г. как очаг интерпретировано еще одно пятно, точнее линза, в кв. Б-4. Цвет и характер его заполнения аналогичны очажному, но его отличала значительная мощность заполнения свыше 0,40 м по сравнению с диаметром, а также расположение вблизи предполагаемой стены жилища. Несмотря на то, что на этом южном участке выявлен вход, расположение очага непосредственно у самого начала входа нецелесообразно. Скорее всего, это был не очаг, а яма, в которую могли складировать содержимое очагов и разнообразные отходы. В самом входе выявлена яма № 2 глубиной 0,50 м (рис. 4). От предыдущей ее отделяла узкая перемычка. Ее заполнение аналогично яме № 1 и очагам, но, по сравнению с ними, оно более насыщенно находками. Наряду с обожженным кремнем встречался в равной мере и необожженный.

Восточный торцевой вход длиной 2,5 и шириной 1–1,2 м плавно поднимался и заканчивался ямой № 3 с более темным заполнением. Диаметр округлой ямы почти соответствовал ширине входа (рис. 3Б, 4). По всей вероятности, вход функционировал по своему прямому назначению лишь некоторое время, как и боковой. Впоследствии на его месте была вырыта яма, в которую складировались отходы из очагов и мусор с пола жилища. В итоге яма № 3 была заполнена почти до уровня древней поверхности. Это обосновывается тем, что верхняя граница залегания находок значительно выше уровня пола в самом входе примерно на 15–20 см, а нижняя – на 20–25 см ниже уровня пола (рис. 3Б). Характер заполнения близок к очажному, но менее плотный. Встречаются как обожженный, так и необожженный кремень, обломки керамики и костей, угольки. Заслуживают внимания два наконечника стрелы, аппликированные фрагменты которых найдены вблизи очага № 1 и в яме восточного входа. Это еще раз подтверждает назначение этих ям для складирования отходов и мусора.

Третий, западный, вход выявлен в ходе разборки четвертого горизонта как в разрезе (рис. 3А, 1), так и на плане, после разборки продольной бровки (рис. 4). Его пол имел слабую мощность и окрашенность и содержал редкие находки. Длина входа – примерно 1,6 м, ширина – 0,6–0,8 м. На всем протяжении он соответствовал по глубине уровню пола в жилище.

После разборки заполнения пола жилища стало очевидным наличие окаймляющей, хотя и прерывающейся местами полосы ортштейна, которая подчеркивала и подтверждала выявленные границы жилого пространства (рис. 4).

Мощность заполнения пола, степень его гумусированности и окрашенности были различны. Особенно мощный культурный слой залегал в центральной части помещения, а также на восточных, северо-восточных и юго-восточных его участках, достигая 20 см (рис. 3). В западной и юго-западной частях мощность его не превышала 7 см, совсем тонким и слабозаметным он отложился на возвышенных северных участках.

На общем фоне сильно гумусированного слоя с большим количеством находок трудно

локализовать и выделить отдельные скопления. Однако некоторые особенности в распределении инвентаря и его характере на различных участках все же удалось выявить. Так, например, в очагах материал мелкий, сильно пострадавший от огня, представленный в очень большом количестве. В них найдены и обломки орудий, и отходы их производства. В ямах инвентарь более разнообразный: крупный и мелкий, обожженный и необожженный. Кроме того, в них найдены обломки орудий, отходы производства, фрагменты керамики. В центральной части жилища, между очагами, орудия более многочисленны, нередки среди них и целые экземпляры. В северо-восточном и юго-восточном углах жилища вдоль стенок в очень большом количестве залегали конкреции кремня: целые, частично оббитые, расколотые. Здесь найдено и большое количество обломков, отщепов различных размеров, чешуек и осколков. Орудия представлены в меньшей мере, чаще всего, это заготовки или их обломки (рис. 4). По всей вероятности, на этих участках содержались запасы кремневого сырья и производилась его первичная обработка. Северные, возвышенные участки были отведены, вероятно, для сна и отдыха.

Таким образом, исследованное жилище имеет прямоугольные в плане очертания. Его размеры – 4,5 х 7,5 м, а общая площадь жилого помещения – 33,8 кв. м. Глубина котлована от прослойки погребенного подзола до верхней границы заполнения пола составляет 0,6–0,8 м. В материковый песок пол был углублен на 0,25–0,40 м. По целому ряду показателей: мощному заполнению пола, большому количеству находок, среди которых масса орудий и, особенно, запасов кремневого сырья в различных стадиях расщепления, отходов производства; наличию мощных очагов и трех ям для складирования мусора и отходов, наличию трех входов и последующая консервация двух из них, наконец, полному отсутствию находок за пределами жилища, – можно предположить, что жилище не только существовало длительный период времени, но и было, прежде всего, зимним. К сожалению, отсутствуют какие-либо данные, позволяющие представить характер его перекрытия, на этот раз не удалось выявить ни одной столбовой ямки.

Коллекция

Каменный инвентарь представляют более 11 тыс. предметов. Его основную массу составляют конкреции кремня, заготовки, обломки и отщепы разной величины, чешуйки и сколы (свыше 10 тыс.). Среди орудий преобладают наконечники стрел и копий, а также их обломки и заготовки (470 экз.). Они довольно разнообразны по форме, размерам, характеру обработки (рис. 5, 7). Преобладающими являются наконечники с прямым или выемчатым основанием, часто встречаются наконечники миндалевидной или приближенно-миндалевидной форм, а также лавролистные.

Вторую по величине группу орудий составляют скребки (116 экз.), среди которых преобладают однолезвийные на случайных отщепах различной формы (рис. 6, *1–13*; 8, *1, 2, 4*). Небольшую серию составляют угловые скребки со скошенным лезвием (рис. 8, *3, 6*).

Ножевидные орудия разнообразны, но форма их по обломкам не всегда восстанавливается (всего их свыше 50 экз.). Наряду с ножевидными орудиями на неправильных пластинах, пластинчатых отщепах, встречаются ножи овально-листовидной формы, напоминающие наконечники стрел, но отличающиеся противолежащим характером обработки краев (рис. 7, *9*). Типологически выразительными являются ножи треугольной формы (рис. 8, *5*) и единичные сегментовидные ножи. В качестве ножа, возможно, использовалось асимметричное орудие с пильчатой краевой ретушью (рис. 7, *11*).

Прочие орудия представляют скобели-ложкари (9 экз.), отщепы с выемчатым краем (207 экз.) или участками утилитарной ретуши. Найдено всего два обломка крупных рубящих орудий из некремнистых пород, изготовленных шлифованием. Их форма не восстанавливается.

Керамика представлена не более чем 300 фрагментами различной величины, принадлежащими шести–семи сосудам (рис. 9, *1–6).* Скопление обломков одного из них расчищено в юго-западном углу жилища, в кв. Б-2 (рис. 9, *5*). Фрагменты двух сосудов найдены в яме бокового входа (рис. 9, *1, 4*) и двух – в яме восточного входа (рис. 9, *2, 3*). Остальные обломки разрозненно встречались на площади всего помещения. Черепки в большинстве случаев очень плохой сохранности, так как тесто пористое, легкое. Размеры и форма сосудов, а также профилировка венчиков различны и не повторяются.

Орнамент выполнен оттисками гребенчатого штампа, перевитой веревочки, насечками и различными вдавлениями гладкого штампа. Композиции простые, характеризуются чередованием горизонтальных мотивов или зон, выполненных перечисленными выше оттисками, с неорнаментированными зонами.

Свидетельства металлообработки и использования меди представляют тигель (рис. 9, 7) и обломок медной иголки, найденной в яме восточного входа, в тростниковом игольнике плохой сохранности.

Хронометрия

В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН были сделаны три определения возраста углей из жилища Юмиж I (таблица). Первые два значения сопряжены друг с другом, а третье, в их сравнении, древнее по крайней мере на 200 лет. На этом этапе исследований правомерно обосновать возраст комплекса периодом 2960–2750 кал. л. до н.э. или перв. четв. III тыс. до н.э.

Заключение

В результате раскопок поселения Юмиж I изучены остатки прямоугольного в плане жилища площадью 33,8 кв. м. Выделяются два последовательных этапа его использования одной группой населения. Время бытования этого сооружения в перв. четв. III тыс. до н.э., в эпоху раннего металла доказывается находкой медного предмета и тигля, а также радиоуглеродными датировками. Памятник принадлежит обширной общности культур гребенчатой керамики энеолита.

Литература

Верещагина, И.В. Отчет о полевых исследованиях Средне-Двинского археологического отряда в 1984 году / И.В. Верещагина. – Ленинград, 1985 / НА ИА РАН. Ф.1. Р-1. Д.10241, 10241а.

Верещагина, И.В. Новые памятники на Северной Двине / И.В. Верещагина // Археологические открытия 1973 года. – Москва: Наука, 1974а. – С. 8.

Верещагина, И.В. Отчет Северо-Двинского отряда о полевых исследованиях в 1973 году / И.В. Верещагина. – Сыктывкар, 1974б / НА КНЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.95.

Верещагина, И.В. Структура поселений мезолита – раннего металла на северо-западе России (бассейн Северной Двины) / И.В. Верещагина // Записки ИИМК. – 2008. – № 3. – С. 118–136.

Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. – Санкт-Петербург: Теза, 2004.

Таблица

Юмиж I. Результаты радиоуглеродного датирования

Место отбора образца	Лабораторный индекс	^{14}C дата	Калиброванный возраст, гг. до н.э. 1σ (68,2%)
Древесные угли, кв. 25*	Ле-2597	4220±40	2900 – 2750
Древесные угли из очага 1; глубина 0,45 м	Ле-2599	4320±40	2960 – 2890
Древесные угли из очага 1; глубина 0,2–0,4 м	Ле-2598	4530±40	3240 – 3110

** В публикации И.В. Верещагиной (2008. С. 128) данные о контексте отбора образцов отсутствуют. Приведенная в таблице информация взята из: Радиоуглеродная хронология…, 2004. – С. 100. Обозначение участка раскопа, как кв. 25, на чертежах в отчете И.В. Верещагиной отсутствует. Вероятно, эта нумерация квадратов раскопа – полевая, которая в результате камеральной обработки полевых материалов была заменена на буквенно-цифровое обозначение. К сожалению, восстановить исходную нумерацию и определить точное место взятия образца в настоящее время невозможно (прим. В.Н. Карманова).*

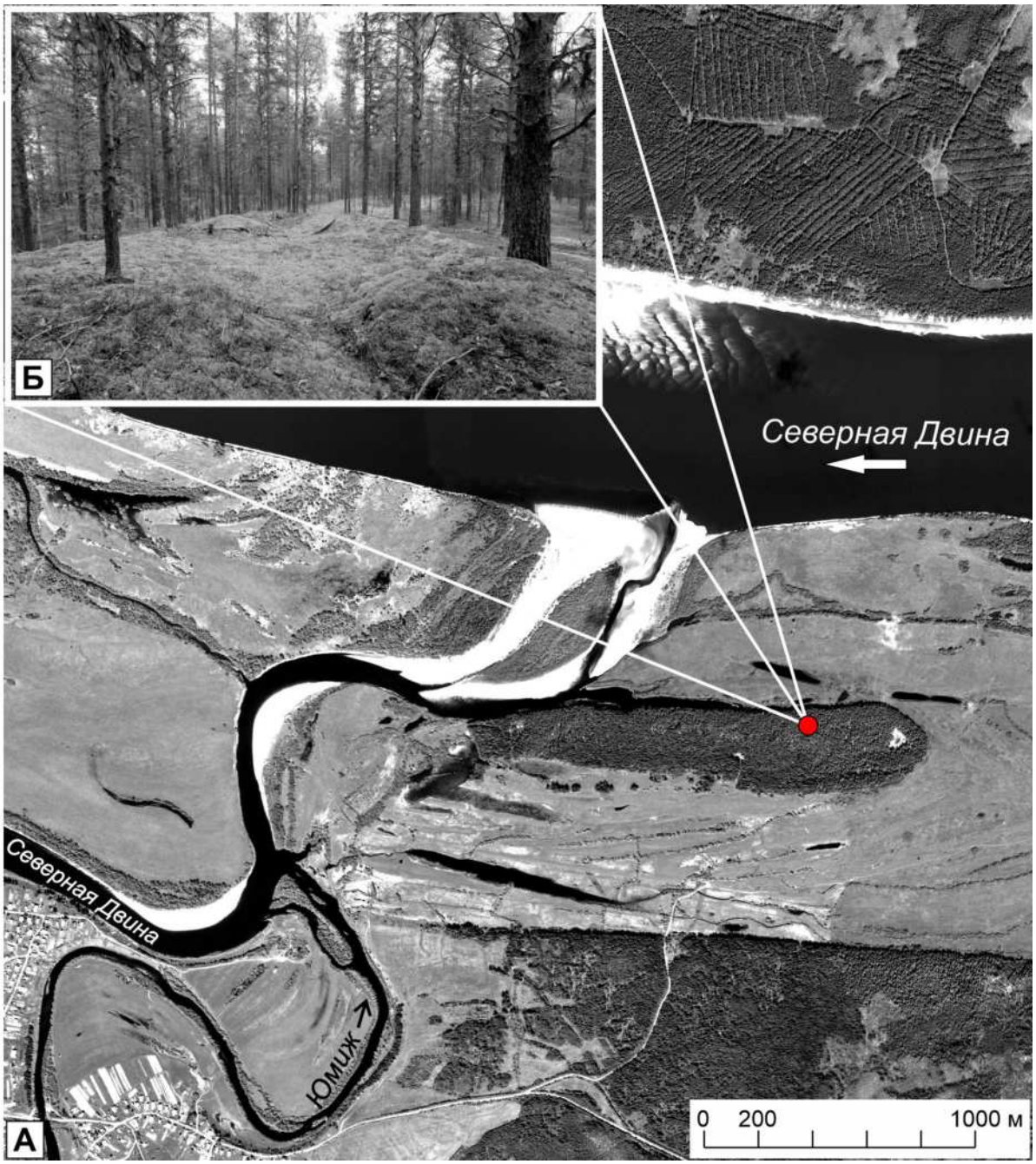


Рис. 1. Юмиж I: А – обзорная схема расположения на спутниковом снимке;
Б – вид на памятник с запада.

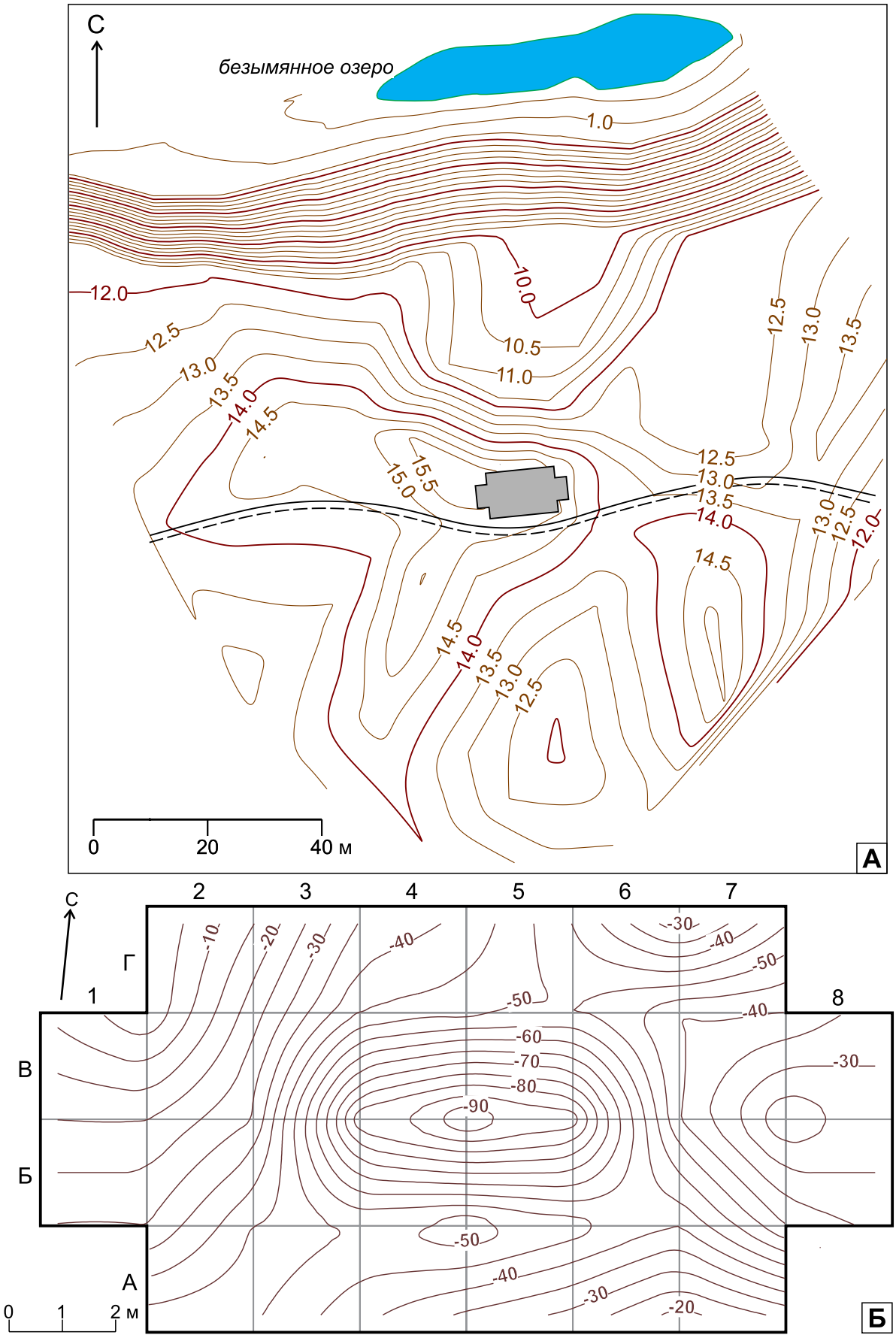


Рис. 2. Юмиж I: А – ситуационный план, сечение горизонталей – 0,5 м;
Б – рельеф современной дневной поверхности в пределах раскопа.
Составлен В.Н. Кармановым на основе нивелировочного плана И.В. Верещагиной
(1985. Рис. 31/1), сечение горизонталей – 5 см.

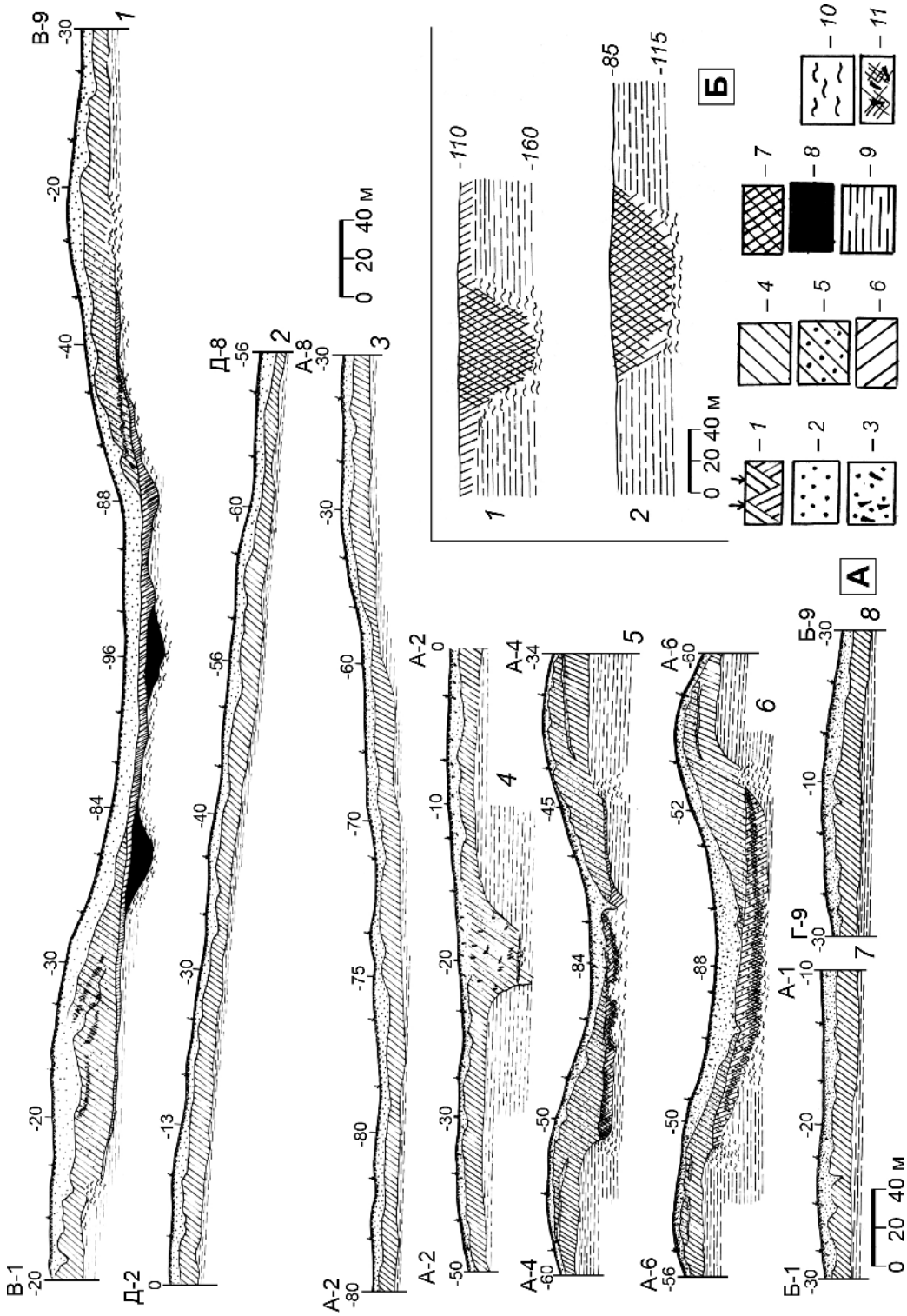


Рис. 3. Юмиж I. Стратиграфия: А – разрезы: 1–3 – продольные; 4–8 – поперечные. Б – дополнительные разрезы: 1 – по линии Е-Е (южный вход с ямой); 2 – по линии Ж-Ж (восточный вход с ямой). Перерисовка по: Верещагина, 1985. Рис. 35, 36. 1 – лесная подстилка; 2 – светло-серый или белесый песок (подзол); 3 – тот же песок, но серого цвета с угольками; 4 – желтый или оранжевый песок; 5 – перемешанный песок серовато-желтого цвета со светлыми вкраплениями (оплывший грунт); 6 – гумусированный песок различных оттенков серого или коричневато-бурого цвета (пол жилищ и заполнение ям); 7 – то же, что № 6, но с более интенсивной окраской; 8 – очажное заполнение темно-бурого цвета; 9 – светло-желтый песок плотный (материковый); 10 – ортштейн; 11 – сажистый песок темно-серого или черного цвета с угольками.

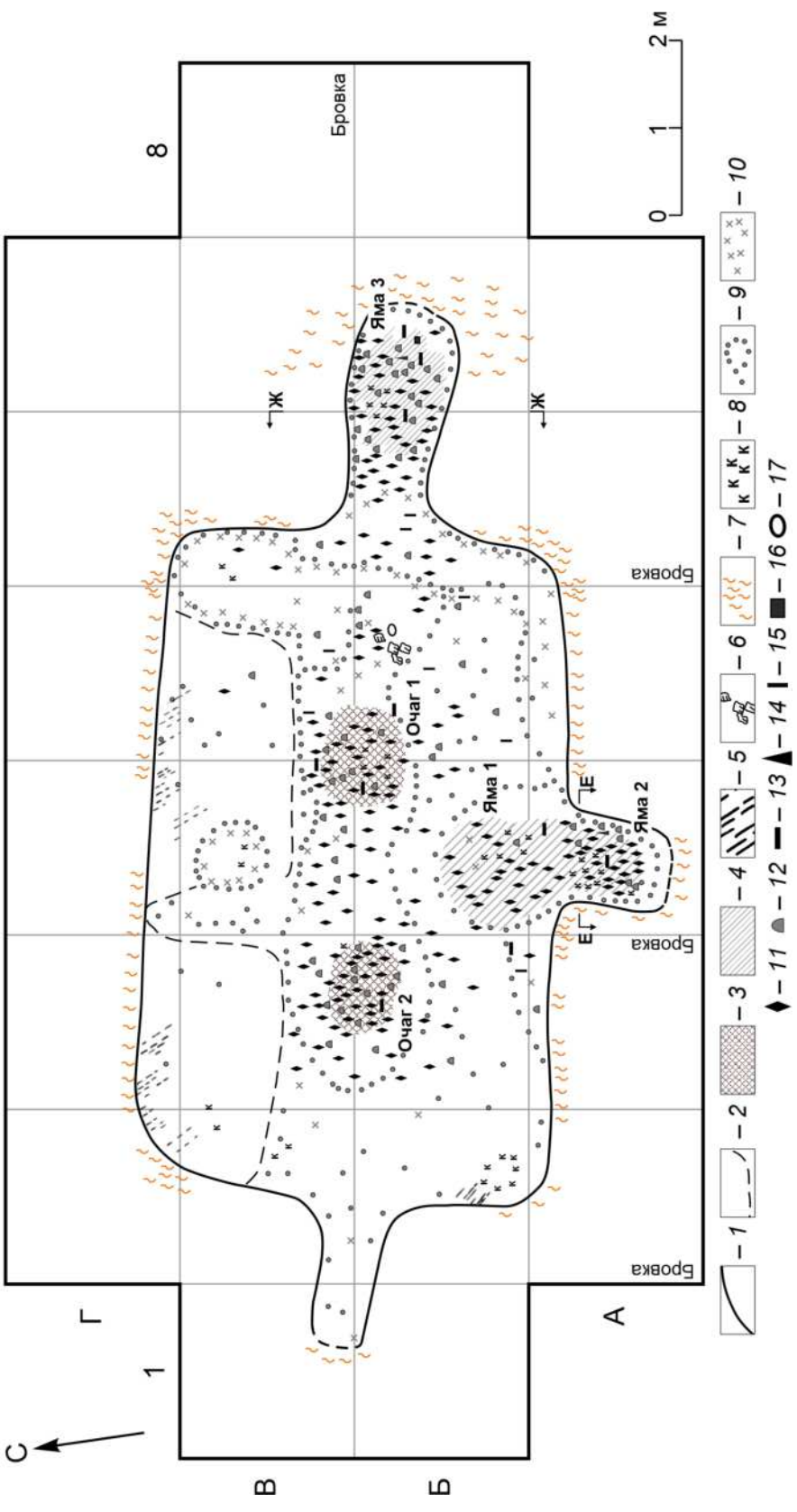


Рис. 4. Юмиж I. План раскопа. Перерисовка по: Верещагина, 1985. Рис. 34.
1 – очертания пола жилища; 2 – границы участков в жилище с тонким культурным слоем выше уровня пола; 3 – очаги; 4 – ямы и гумусированные пятна; 5 – охристые пятна; 6 – камни и их обломки; 7 – ортштейн; 8 – фрагменты керамики и их скопления; 9 – отщепы, сколы и аморфные обломки и их скопления; 10 – конкреции кремня, крупные заготовки нуклеусов и их обломки; 11 – наконечники стрел и их обломки; 12 – скребки; 13 – ножи и прочие режущие орудия; 14 – острия, проколки, сверла; 15 – пластины и орудия на них; 16 – заготовки орудий и их обломки; 17 – тигель.

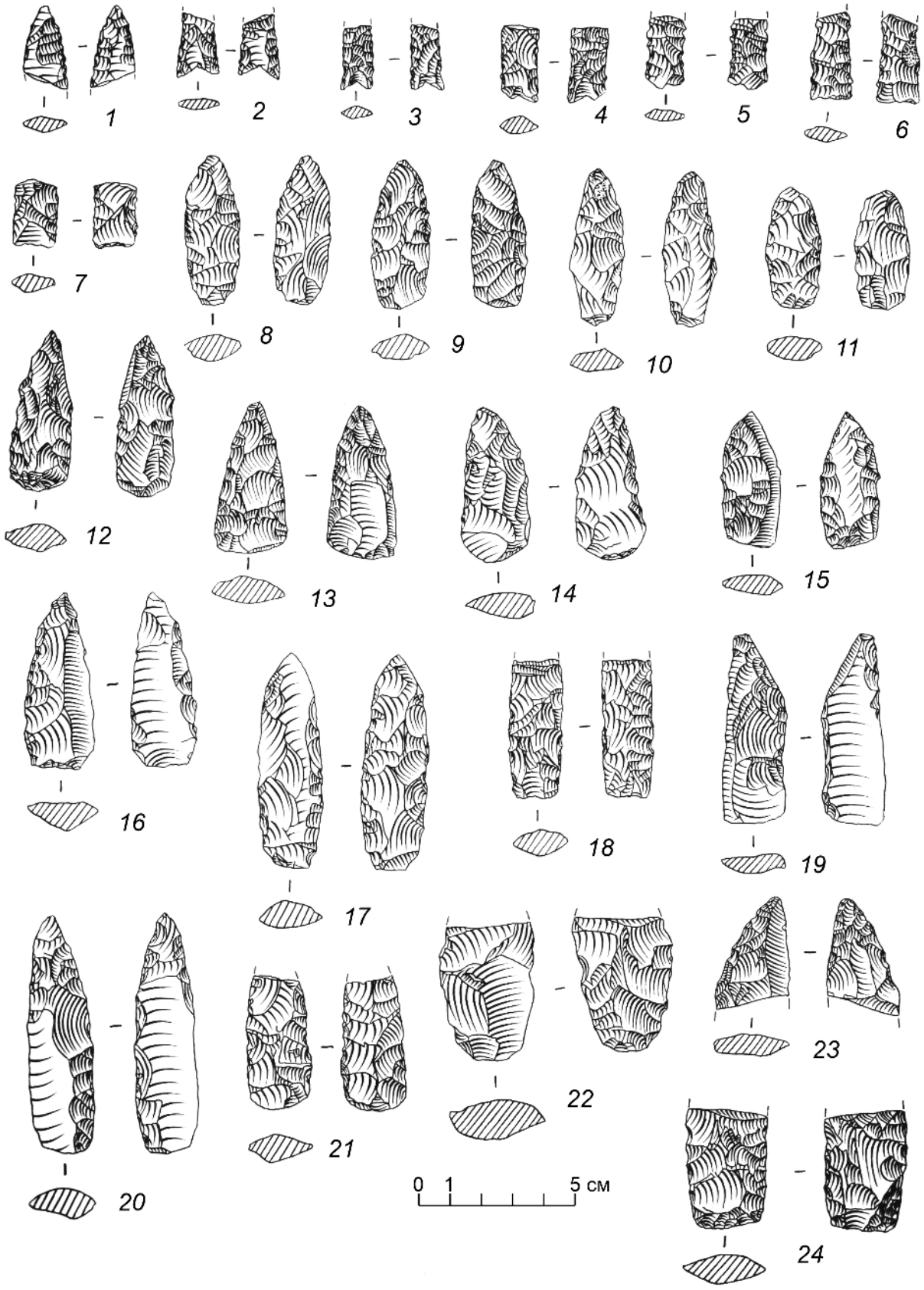


Рис. 5. Юмиж I. Раскопки 1973 г. Кремневые наконечники стрел и их заготовки.

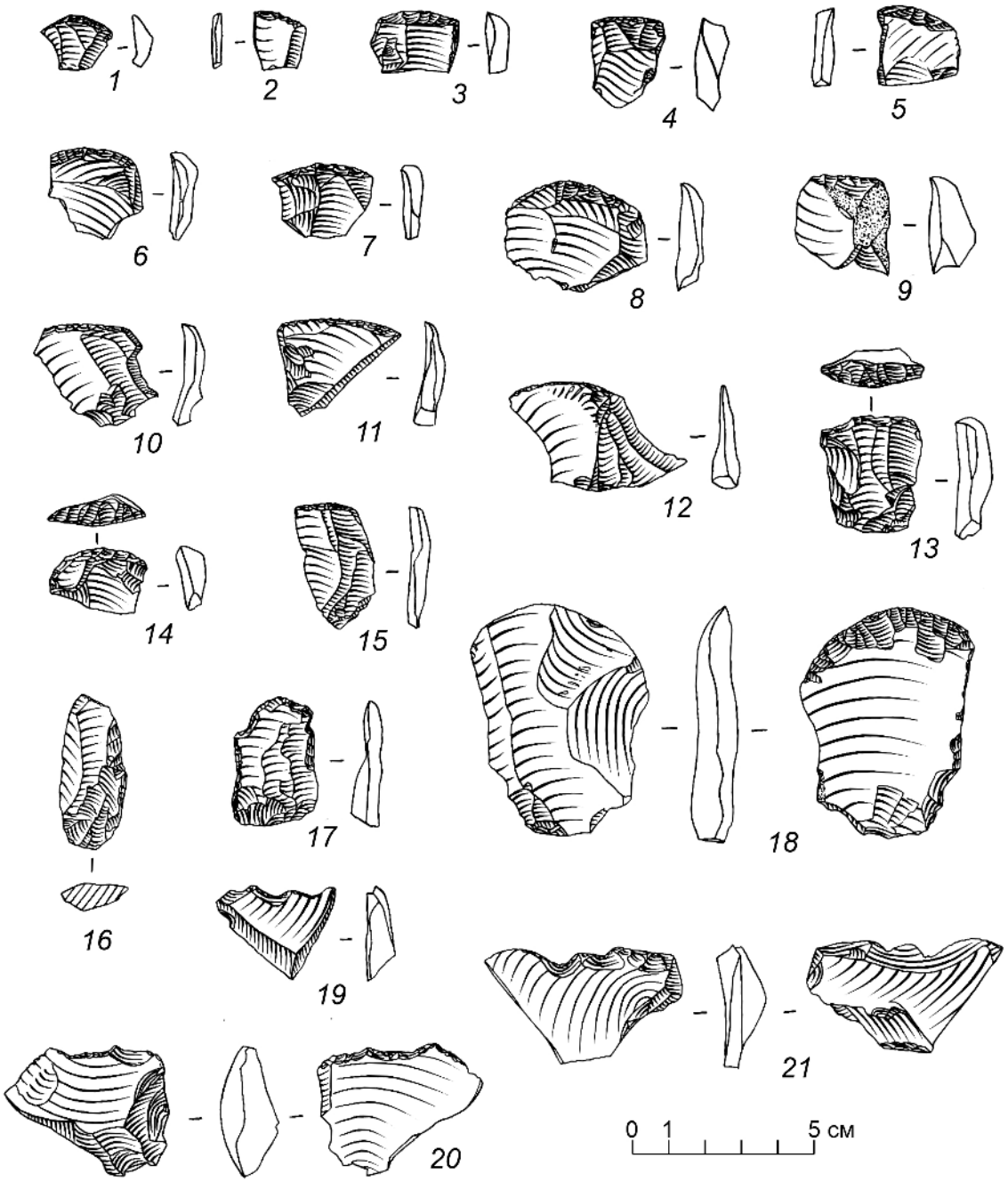


Рис. 6. Юмиж I. Раскопки 1973 г. Кремневые изделия. Скребки и скобели.

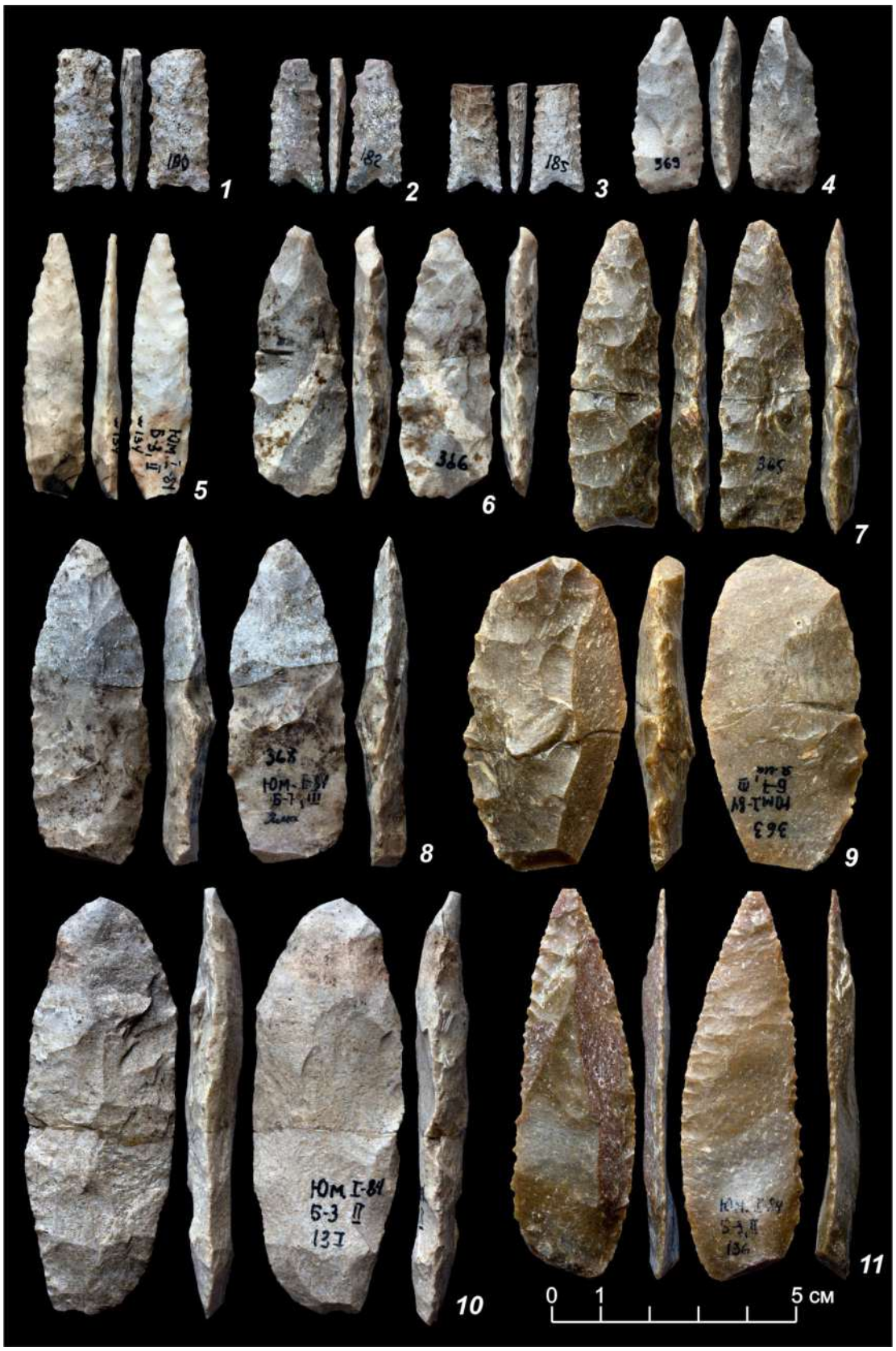


Рис. 7. Юмиж I. Раскопки 1984 г. Кремневые изделия: 1–8, 10 – наконечники стрел и их заготовки; 9, 11 – ножи. Фото В.Н. Карманова. 2022 г.

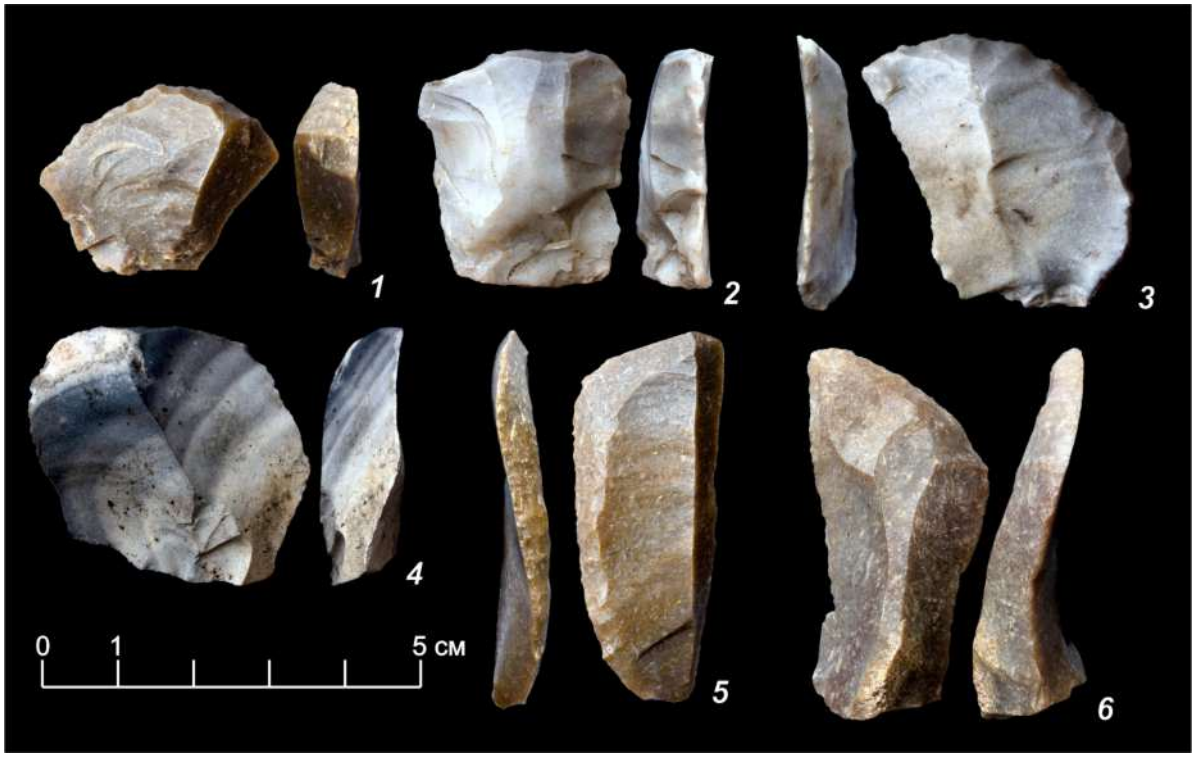


Рис. 8. Юмиж I. Раскопки 1984 г. Кремневые изделия. 1–4, 6 – скребки; 5 – нож.
Фото В.Н. Карманова. 2022 г.

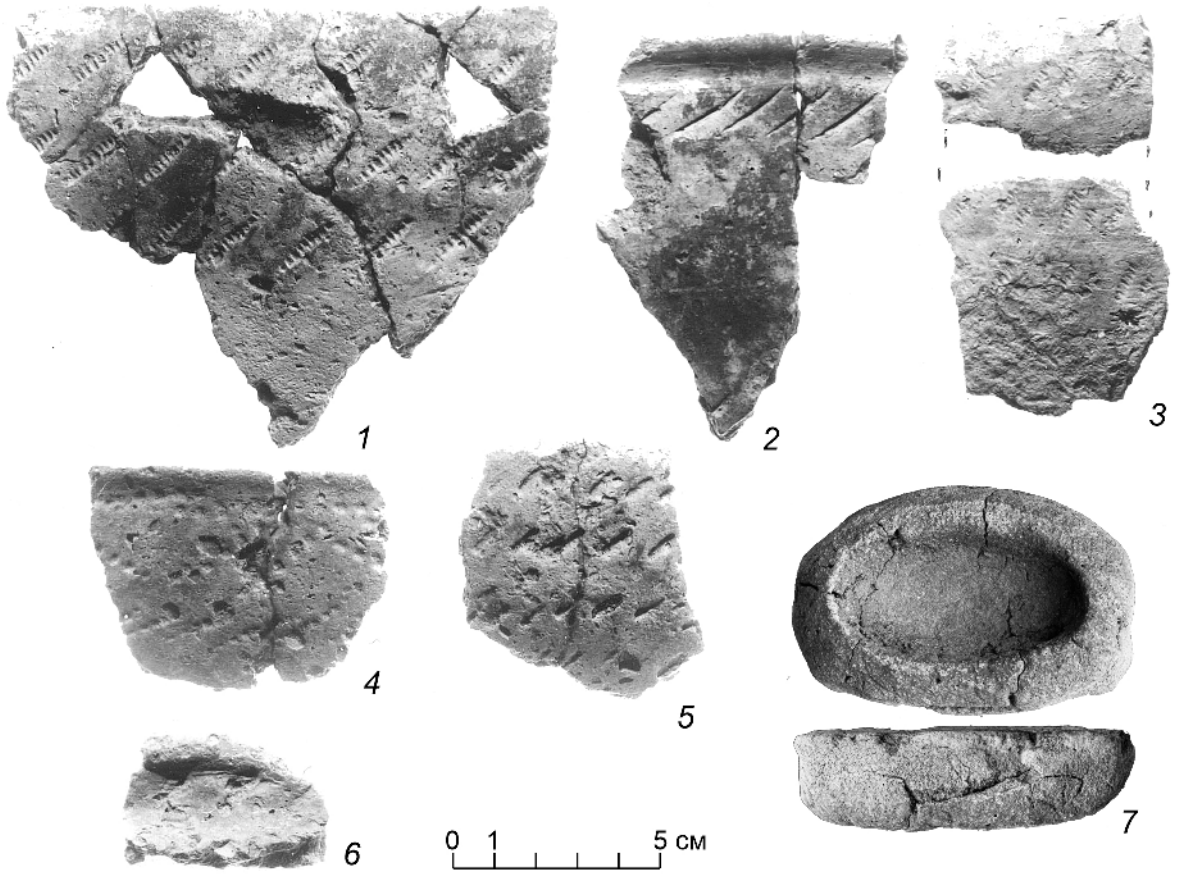


Рис. 9. Юмиж I. Обломки керамической посуды: 1, 4 – яма южного выхода (кв. А-4);
2, 3– яма № 3 в восточном выходе (кв. Б-7); 5 – кв. Б-2; 6 – очаг № 1 (кв. В-5); 7 – тигель, кв. Б-5.
1–6 – раскопки 1984 г.; 7 – раскопки 1973 г. Фото В.Н. Карманова, 2022 г.

Ю.В. Паршуков

ШИХОВСКОЕ II*

Аннотация. В статье публикуются результаты исследования жилища № 2 на поселении Шиховское II в 2000 г. (Усть-Цилемский район Республики Коми). Раскопом 104 кв. м изучены остатки углубленного жилища подпрямоугольной в плане формы размерами 6 х 6,8 м. Сооружение имело вход-выход, а в его центре располагался очаг-кострище. Коллекцию представляют кремневые орудия и отходы их производства; подвеска, абразивы и обломок шлифованного орудия из некремнистой породы; фрагменты керамических сосудов, в том числе трех тиглей для плавки меди или сплавов с ней; керамические «пряслица»; обломки кальцинированных костей животных.

В работе описан изученный объект и каменный инвентарь. В рамках историко-культурного подхода А.А. Бобринского изучена керамическая посуда. Представлены определения фаунистического материала и данные радиоуглеродного анализа; проведен сравнительно-типологический анализ материалов жилища с синхронными ему памятниками на сопредельных территориях.

Технико-типологические характеристики каменного инвентаря и керамической посуды позволяют сопоставить материалы жилища с памятниками типа Галово II эпохи раннего металла и датировать их III тыс. до н.э.

Значение комплекса в том, что он содержит яркие свидетельства первобытной культуры охотников эпохи раннего металла: следы древнейшей металлообработки на Крайнем Севере, наиболее многочисленную коллекцию керамических пряслиц и представительный набор керамической посуды и фаунистического материала.

Ключевые слова: археология, энеолит, гаринская культура, чойновтинская культура, поселение, жилище, очаг, каменный инвентарь, керамика, пряслице, металлообработка

Yu.V. Parshukov

SHIKHOVSKOE II

The study results of dwelling 2 in the Shikhovskoye II settlement in 2000 (Ust-Tsilma region of the Komi Republic) are published. At the excavation area of 104 sq.m, the remains of a deepened dwelling of a rectangular shape with dimensions of 6 x 6.8 m were studied. The structure had an entrance, and there was a hearth-fire pit in its center. The collection includes flint tools and flint production waste; a pendant, abrasives and a fragment of a polished tool made of non-siliceous rock; ceramics including three pots for melting copper or alloys with it; ceramic spindle whorls; fragments of animal calcified bones.

The paper describes the studied object and stone artefacts. Within the framework of the historical and cultural approach of A.A. Bobrinsky, ceramics was studied. The definitions of faunal material and radiocarbon analysis data are presented; a comparative typological analysis of the materials of the dwelling with synchronous sites in adjacent territories was carried out.

The technical and typological characteristics of stone implements and ceramic ware allow us to compare the materials of the dwelling with the sites of the Galovo II type of the Early Metal period and date them back to the III millennium B.C.

The significance of the complex is that it contains reliable evidence for the primitive culture of mobile foragers of the Early Metal period: traces of the most ancient metalworking in the Extreme North, the most numerous assemblage of ceramic spindle whorls, and a representative set of ceramic ware and faunal material.

Keywords: archeology, Eneolithic, Garino culture, Choynovty culture, settlement, dwelling, hearth, stone implements, ceramics, spindle whorl, metalworking

Введение

Шиховской археологический комплекс расположен на боровой террасе правого берега р. Мачи вблизи места ее впадения в р. Печору, слева и напротив дер. Гарево Усть-Цилемского района Республики Коми (рис. 1). Он был открыт и изучался в середине 1960-х – начале 1970-х гг. В.И. Канивцом (Канивец, 1974, С. 10; Стоколос, Королев, 1984. С. 101–102). Исследователь выявил пять поселений эпохи энеолита и бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. Раскопки проводились на памятниках Шиховское I и II, а на поселениях Шиховское III и IV шурфами частично обследованы жилищные впадины (Канивец, 1974. С. 10; Стоколос, Королев, 1984. С. 101).

** Статья публикуется в авторской редакции.*

Работы на памятнике возобновил в 1993 г. И.О. Васкул. В 1993–1995 и 2000–2002 гг. раскопками изучены жилища энеолита (Шиховское II и III), комплексы гляденовской (Шиховское III) и ананьинской (Шиховское VI) культур и Шиховской могильник раннего периода эпохи железа (Васкул, 2002; 2011).

Автор статьи изучал поселение Шиховское II в ходе раскопок Шиховского археологического микрорайона в 2000 г. под руководством И.О. Васкула. Сведения о результатах этих исследований частично опубликованы (Васкул, 2011. С. 4, 5). Цель настоящей работы – публикация материалов жилища № 2 и установление его культурно-хронологической принадлежности. Задачи исследования: описание археологического контекста и каменного инвентаря; технико-типологический анализ керамической посуды; определение состава фаунистических остатков и сравнительно-типологический анализ материалов жилища с синхронными ему памятниками на сопредельных территориях.

Характеристика памятника

Поселение Шиховское II представляет собой место неоднократного обитания первобытного населения в энеолите и позднем периоде эпохи железа. Изученный в 2000 г. объект № 2 представлял собой видимую на поверхности впадину – остатки оплывшего котлована углубленной постройки (рис. 2). Она была расположена в 150 м от края террасы и занимала южную часть поселения. Впадина имела овальную в плане форму размерами 6,8 х 4,4 м и глубину 0,20–0,30 м. Слегка расплывшийся валик выкида, оконтуривающий ее, имел ширину 1,5–2 м и высоту 0,10–0,15 м от окружающей его поверхности. Длинной осью впадина была ориентирована по линии В–З (рис. 3).

Методика раскопок

Раскоп 2000 г. площадью 104 кв. м полностью охватил жилище вместе с прилегающим к нему пространством и примыкал на юге и западе к раскопам 1993 и 1995 гг. Общая площадь, вскрытая на поселении Шиховское II, составила 308 кв. м. Разборка культурного слоя велась условными горизонтами (10 см) с фиксацией находок по квадратам и глубине их залегания. После снятия 8–9 см условного горизонта проводилась зачистка для четкой фиксации объектов, поверхность раскопа нивелировалась. У очага и очажной ямы (исследовались условными горизонтами) сначала разбиралась одна половина, а после зарисовки профиля – другая.

Стратиграфия

Строение почвы за пределами сооружений обычно для боровых террас: 1) растительный слой (современная дневная поверхность и гумус) – 3–6 см; 2) белесый песок (подзолистый горизонт) – 10–20 см; горизонт неровный, изобилует корневыми карманами; 3) рыхловатый желтый песок – до 10 см; 4) материк (светло-желтый песок с ортштейном, иллювиальный горизонт).

В пределах завалинки отложения слоев иные, они четко фиксируются в стенках раскопа, поперечных бровках (кв. Г/1,4; кв. Е/1,2,4) и продольной бровке (кв. З-Ж/2). Под растительным слоем (3–4 см), гумусом (3–4 см) и подзолом (7–10 см) залегал светло-желтый пестроцветный песок (выкид из котлована) мощностью 25–37 см. Он перекрывал подзолистый слой, по верхней кромке которого заметна темноватая прослойка, насыщенная мелкими угольками (древняя дневная поверхность). Под ним находился небольшой слой (до 5 см) рыхловато-желтого песка, ниже – светло-желтый песок с ортштейном (материк).

Стратиграфия в жилищном котловане отличалась большей сложностью. Под растительным слоем (4 см), гумусом (4 см) и подзолом (до 10 см) в кв. Е/1,4, Г/1,4 и З/2 располагалась линза светло-желтого пестроцветного песка (выкид из котлована) мощностью до 20 см и протяженностью до 1 м в юго-западной части жилища (поперечная бровка, кв. Е/4). Видимо, разрушение стен привело к сползанию в жилище части выкида, который, возможно, выполнял и роль присыпки в целях теплоизоляции стенок. Со стороны входа (кв. Г/2,3) сползание вала не прослежено, видимо, присыпка в этой части жилища была минимальной. Под слоем светло-желтого пестроцветного песка, а в центральных квадратах жилища – под белесым песком располагался серовато-желтый песок с углистыми вкраплениями, пятнами охры (заполнение жилища) мощностью до 40 см. Ниже следовал тонкий (до 1,5 см) красноватый (сильно насыщенный охрой) предматериковый слой (пол жилища).

Планиграфия

Ориентировка впадины после снятия растительного слоя, гумуса и подзола изменилась. Если на первом условном горизонте (рис. 4) контуры впадины соответствовали очертаниям на современной дневной поверхности, то на втором (рис. 5) и наиболее четко на третьем горизонтах (рис. 6) длинная ось жилища оказалась ориентированной по линии ВСВ-ЗСЗ. Котлован жилища стал прослеживаться от уровня погребенного подзола (второй и третий горизонты). Его заполнение представлял серовато-желтый песок с углистыми вкраплениями и пятнами охры. Погребенный подзол охватывал жилище по периметру, только в «полосе» выхода он оказался разорван на ширину до 2,5 м.

На уровне четвертого условного горизонта (рис. 7) контуры жилищного котлована представляли собой прямоугольник размерами 6 х 6,8 м, с выступом-входом шириной 0,9 и длиной более 2,0 м. Таким образом, котлован оказался ориентирован параллельно краю террасы вдоль русла реки. Вход-выход сооружения примыкал к его восточно-северо-восточной стенке. Вдоль границ котлована залегала тонкая узкая полоска серого углистого оподзоленного песка – следы деревянных конструкций. Предматериковый слой (пол жилища) был углублен до 0,65 м от современной дневной поверхности, он очень тонкий – до 0,015 м, имеет красноватый цвет из-за посыпки пола охрой.

На первом и втором горизонтах находки располагались относительно равномерно как в жилищном котловане, так и за его пределами. Это небольшие фрагменты керамики, отходы кремнеобработки, орудия, пятна прокаленного песка с угольками (рис. 4, 5).

На третьем горизонте находки встречались только в котловане и концентрировались в центральной части жилища и в полосе выхода. Здесь, помимо скоплений отходов кремнеобработки, отдельных орудий, найдены развалы сосудов (рис. 6). В кв. Д/2,3; Е/2, Ж/2,3 были обнаружены следы деревянного перекрытия – слегка обугленные, длиной свыше 1 и шириной до 0,40 м плахи. На уровне четвертого горизонта в кв. Д/2,3 на четырех плахах (общие размеры объекта 1,4 х 1,3 м толщиной 11 см), расположенных параллельно выходу жилища, перпендикулярно лежала такая же плаха (рис. 7). Судя по тому, что материал располагался под ними, плахи являются частью рухнувшей кровли. Находки на этом уровне располагались по всему жилищу, но наибольшее их количество было также приурочено к центральной части.

В центре жилища располагался слегка заглубленный, сцементированный до монолита очаг – открытое кострище подчетырехугольной в плане формы размерами 0,8 х 0,9 м с линзовидным сечением. В его юго-западной части выявлено небольшое скопление обожженных валунов (очажных камней) (кв. Е/3). Заполнение содержало мелкие фрагменты керамики, множество отщепов и чешуек, обломки кальцинированных костей. Мощность буро-коричневой сцементированной супеси в центре очага достигала 12 см, под ним залегал тонкий (до 2–3 см) слой прокала.

В предматериковом слое (пол жилища) зафиксировано наибольшее число находок – развалов сосудов, каменных орудий, скоплений отходов кремнеобработки. Кроме того, он был сильно насыщен ортштейновыми включениями, а стерильный материковый песок под ним оказался спрессован.

За пределами жилища (кв. Б, В – 3) вскрыта очажная яма округлой в плане формы диаметром 1,2 м и глубиной 0,6 м. Она была насыщена обожженным кремнем, прокаленным песком, небольшими фрагментами керамики, орудиями, обожженными обломками галек (рис. 5). В нижней части ямы прослежен толстый (до 35 см) темно-коричневый очажный слой и подстилающий его прокал мощностью около 4–5 см (рис. 5, II). Орудия, найденные в очажной яме, аналогичны обнаруженным в жилище, а некоторые фрагменты керамики из этого объекта принадлежат сосудам, развалы которых обнаружены за его пределами. Южная часть этой ямы оказалась прорезанной ямой более позднего происхождения. Последняя имеет клиновидную в разрезе форму, насыщена прослойками перемешанного желтого и белесого песка и оконтурена плотным светло-коричневым песком с ортштейном. Эти признаки характерны для так называемых корневых «карманов». Встреченные здесь отходы кремнеобработки не отличаются цветностью или техникой расщепления от основного комплекса.

Коллекция

Коллекция находок из раскопа 2000 г. включает 6579 кремневых предметов (рис. 8; 9, *1–7*); три фрагмента абразивных инструментов; обломок шлифованного орудия (рис. 9, *9*) и подвеску (рис. 9, *8*) из некремнистой породы; фрагменты керамики: 13 сосудов (рис. 10–13), четырех пряслиц (рис. 13, *1–4*), трех тиглей (рис. 14), а также свыше 400 обломков мелких кальцинированных костей.

Кремневый инвентарь (6579 экз.) включает 6481 сколов и неопределимых осколков, 83 орудия, их обломки или заготовки, девять нуклевидных кусков, пять кусков и один нуклеус. Кремень желвачный (кроме одного скребка, предположительно изготовленного на плитке): на спинках множества отщепов, реже орудий зафиксирована желвачная (галечная) или меловая корка, которая имеет губчатую структуру и кристаллические включения кварца, иногда проникающие под корку. Преобладает кремень серых оттенков, он однородный, с редкими включениями известняка. Лишь 64 отщепа выполнены из сырья нежно-розового цвета и 12 – из черного и вишневого. Кремень данных оттенков различной зернистости часто имеет скрытую трещиноватость. Присутствуют предметы, расщепленные в результате термического воздействия.

Выделяются следующие формы продуктов расщепления: нуклевидные куски, нуклеус, отщепы крупных, средних и мелких (чешуйки) размеров и пластины.

Нуклевидные куски (9 экз.). Аморфные куски кремня с негативами снятий характеризуются беспорядочным нанесением скалывающих ударов, площадкой служит естественная поверхность либо негатив предыдущего скола.

Единственный в коллекции нуклеус имеет подпризматическую форму размерами 6 х 5 см, больше половины его поверхности покрыто желвачной коркой (рис. 8, *15*). Негативы снятий соответствуют неправильным пластинам, отщепам средних и крупных размеров. Пластины скалывались с площадки, которая имеет следы одного-двух выравнивающих сколов и расположена под прямым углом к поверхности скалывания. Негативы пластинчатых снятий расположены веерообразно, в дистальной части имеют характерное ныряющее окончание. Негативы отщепов расположены хаотично и характеризуют бессистемное скалывание.

Отщепы (4709 экз.) составляют большую часть всей коллекции. Сколов с желвачной коркой на спинке – 130. Ударная площадка прямая или слегка скошена к плоскости расщепления. Площадки представляют собой участок естественной поверхности или часть большого негатива предыдущего снятия. Большинство отщепов имеет на площадках полукольцевые трещины (следы от ударов отбойником). Отщепы средних размеров (до 5 см) широкие, с острыми краями. Преобладают отщепы с коническим началом снятия и ныряющим, ступенчатым или перообразным окончанием. Для чешуек (1700 экз.) характерна овальная или радиальная форма.

Все пластины (62 экз.) имеют неправильную огранку (рис. 9, *1, 2, 6*). Самая крупная из них имеет длину 6,5 и ширину 2,7 см, коническое начало и перообразное окончание скалывающей.

Орудия, заготовки и их обломки (83 экз.). Использовались как намеренно оформленные орудия, так и острые края отщепов случайных форм (42 экз.) и пластин (5 экз.), на которых обнаружены следы утилизации (рис. 9, *1, 6*). Изделия с вторичной обработкой представляют скребки (41), ножи (15) и их обломки (3), скобели (11), заготовки наконечников (11), комбинированные орудия (2 экз.).

Скребками (41 экз.) служили отщепы малых и средних размеров (35 экз.) до 5 см или пластины (2 экз.). На спинке четырех из них частично сохранилась галечная (или меловая) корка. Вторичной обработке подвергался только рабочий край орудия, который оформлялся мелкой крутой ретушью. Преобладают однолезвийные орудия (32 экз.) (рис. 8, *6, 7, 9, 10, 12*). Их лезвие крутое, прямое (16 экз.), округлое (7 экз.), либо скошенное (4 экз.) расположено на одном из краев отщепа или дистальном конце пластины. У трех скребков ретушь охватывает не только лезвие (прямое, более пологое), а немного продолжается и на следующий край, образуя как бы отретушированный с одной стороны угол (рис. 8, 8). Скребки с двумя рабочими краями немногочисленны (7 экз.). Один из рабочих краев скребка имеет более острый край, помимо дорсальной, подправлен мелкой вентральной ретушью. Скребки с лезвием, выполненным

по периметру основы (2 экз.), изготовлены на треугольном (трехлезвийный) и четырехугольном (четырехлезвийный) отщепе. Рабочие края у них оформлены мелкой дорсальной или вентральной ретушью.

Ножи (15 экз.) изготовлены на средних отщепах или неправильных пластинах. Имеют прямое или округлое лезвие, которое оформлялось мелкой пологой краевой ретушью (рис. 9, *1, 2, 5*).

Скобели (11 экз.). Данная категория находок не имеет устойчивой формы. Это орудия на крупных или средних отщепах или сколах, часто со следами галечной корки с выемчатым или слегка выпуклым рабочим краем.

Пять изделий, типологически определяемые как наконечники, – миниатюрные и асимметричные – имеют длину 2,4 и ширину 1,1 см в медиальной части. Они изготовлены на отщепах, их форма листовидная, насад имеет выемку. Жало и насад оформлены двусторонней уплощающей ретушью, медиальная часть – дорсальной краевой ретушью (рис. 8, *1–5*). Заготовки наконечников стрел (11 экз.) представлены преимущественно обломками. Два изделия реконструированы полностью. Это наконечники длиной около 7 см и с шириной основания 3,5 см. Они имеют листовидную форму, прямое основание. Для них характерна небрежная обработка крупной двусторонней уплощающей ретушью, грубые заломы и асимметричная форма. Возможно, это заготовки, которые сломались на стадии оформления вторичными крупными сколами.

К комбинированным орудиям (3 экз.) относятся развертка-скребок на тонком отщепе, скобель-нож на среднем отщепе (рис. 9, *4)* и орудие с двумя рабочими краями: скребущим, оформленным дорсальной крутой ретушью, и режущим, обработанным дорсальной и пологой вентральной ретушью (рис. 9, *2*).

Помимо кремневых орудий на поселении обнаружен небольшой обломок шлифованного граненого изделия из мягкой зеленоватой породы камня (глинистый сланец?), три обломка абразивных инструментов из песчаника (?) с сильно изношенными поверхностями, а также шлифовальник с двумя узкими продолговатыми желобками. Шлифовальник (рис. 9, *9*) представляет собой орудие с тщательно отшлифованной поверхностью подтрапециевидной в плане формы и шестигранным сечением. Обушок округлый со следами износа. Изделие, вероятно, служило рубящим орудием (топор?), которое после поломки в медиальной части пришло в негодность и было использовано как шлифовальник.

Непосредственно в предматериковом слое жилища была обнаружена плоская сланцевая шлифованная подвеска подпрямоугольной формы (рис. 9, *8*), в верхней части которой расположено биконическое отверстие.

В предматериковом слое (пол жилища) недалеко от очага найдены небольшие куски необожженной дробленой породы (содержит кварц и белые включения – гранит?). Здесь же были обнаружены небольшие плитки минерала, содержащие большое количество слюды. Данные минералы аналогичны используемым материалам в сосудах в качестве отощителя.

Керамическая коллекция раскопа 2000 г. представлена 264 небольшими фрагментами не менее чем 13 сосудов, трех тиглей и четырех пряслиц. Большинство черепков обнаружено непосредственно в предматериковом слое (пол жилища). Судя по сохранившимся фрагментам, вся внешняя поверхность сосудов орнаментировалась каким-либо одним способом – гребенчатым личиночным штампом, круглым полым предметом (кость?) или наколами. Исключение составляет один сосуд, на котором в качестве разделительной зоны между мотивами, выполненными гребенчатым штампом, использовались горизонтальные линии овальных вдавлений.

По размерам выделяется три группы сосудов.

К сосудам малых размеров (рис. 10) относятся фрагменты емкостей чашевидной формы диаметром от 4 до 8 см. Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность и состоял из горизонтальных рядов уголковых отпечатков зубчатого штампа или наколов. Формовочные массы этих сосудов различны. Первый сосудик с накольчатым орнаментом выполнен из глины без видимых искусственных примесей, второй, с гребенчатым орнаментом, содержит мелкотолченую (до 0,5 мм) дресву в соотношении примесь к глине 1:3; третий – с гребенчатым орнаментом – содержит толченую породу (дресва) с большим содержанием слюды (до 10 включений на 1 кв. см).

Сосуды средних размеров (рис. 11, *2, 3;* 12) представлены пятью горшками чашевидной

формы (два открытые и три закрытые). Их диаметр по венчику колеблется от 17 до 23 см. Стенки этих сосудов имеют толщину от 0,5 до 0,7 см, с утолщенным (0,7–0,8 см) и слабо скошенным внутрь венчиком. Орнамент нанесен гребенчатым, личиночным (перевитый шнур) штампами или полым круглым предметом (кость?). Украшена внешняя поверхность сосудов, их венчики, внутренняя сторона под венчиком (три сосуда). В целом, орнамент состоит из горизонтальных рядов косопоставленного штампа, зигзагов, елочки; на одном сосуде в качестве разделительной зоны между орнаментальными мотивами использовались овальные вдавления.

Сосуды крупных размеров (рис. 12, *1*; 13, *5*) представляют пять горшков полуяйцевидной формы с диаметром по венчику от 26 до 32 см и толщиной стенок 0,5–0,6 см. Венчики сосудов с гребенчатой орнаментацией брусковидные в сечении, слегка наклонены внутрь емкости (3 экз.), а с личиночным декором – сильно утолщенные и имеют Т-образную форму в сечении (2 экз.). Орнамент покрывает внешнюю поверхность сосудов, их венчики (у двух сосудов орнаментирована только внешняя поверхность) и состоит из горизонтальных рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа, елочки, горизонтальных линий, косой сетки. В поперечном изломе черепка отчетливо видны остроугольные кристаллы (кварц) и небольшие белые включения (гранит?). Формовочная масса трех сосудов включает слюдистые «чешуйки», ориентированные вдоль течения формовочной массы. Соотношение примеси к глине – 1:4 или 1:3.

Примесь одного сосуда резко отличается от основного комплекса. В поперечном изломе черепок имеет сотовое строение (множество мелких плоских пустот – углублений, ориентированных вдоль течения формовочной массы) от выгоревшей органики. По А.А. Бобринскому, это соответствует примеси «моллюски с раковиной» (Бобринский, 1978. С. 102–105).

Помимо основного керамического комплекса на поселении найдены фрагменты четырех глиняных пряслиц (рис. 13, *1–4*), одно из которых восстанавливается полностью. Пряслица сделаны из стенок керамических сосудов, в которых в качестве отощителя использовалась дресва (кварц и белая дробленая порода – гранит?). На всех изделиях сохранился гребенчатый орнамент – горизонтальные линии и ряды наклонных оттисков. Сами предметы имеют округлую форму диаметром 4–5 см и шлифованные гурты. В центре изделий расположены отверстия диаметром от 5 до 8 мм.

Глиняные тигли (рис. 14) были обнаружены в жилище. Один представлен в целом виде, два – обломками. Сосуды ошлакованы, имеют ноздреватую поверхность. На внутренней стороне стенок визуально видны остатки всплесков меди или медесодержащего сплава. Емкости имеют продолговатую форму с выпуклыми стенками, плавно переходящими в плоское дно. Их размеры: 7–11 см, высота – 2–5 см, толщина стенок – 1,3 см. Тигли изготовлены из глины с небольшой естественной примесью мелкого (0,2–0,7 мм) окатанного кварца. Внешняя поверхность сосудов содержит большое количество мелкого окатанного (1–2 мм) песка, который под воздействием высоких температур спекся, образуя тонкую пленку.

Согласно определениям П.А. Косинцева, наибольшее количество обломков кальцинированных костей принадлежат бобру (421 фрагмент разных частей скелета двух-трех особей). Единично представлены куньи (по одному обломку ребра и нижней челюсти) и рыба (ближе не определима).

Культурная атрибуция и хронология

Полученный материал из жилища имеет как общие черты, присущие энеолитическим поселениям ЕСВ, так и уникальные, характерные только для данного комплекса. Топография поселения типична для большинства памятников региона. Все они расположены на краю высоких боровых террас, недалеко от воды. Ориентировка постройки вдоль русла реки отмечена на поселениях долины р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. С. 137–153).

Постройка представляет собой изолированное жилище – полуземлянку с одним входом-выходом. Подобный способ домостроительства широко распространен на памятниках энеолита в бассейнах Печоры, Ижмы, Мезени, Вычегды, Выми. Четкий прямоугольный котлован мог сохраниться только благодаря жесткому обрамлению, что позволяет предположить каркасную (сруб?) конструкцию жилища. Такая конструкция постройки

характерна для памятников чужъяельской культуры (Стоколос, 1986. С. 108), но встречена и на поселениях чойновтинской культуры (Стоколос, 1986. С. 169).

Культурные остатки концентрируются в целом внутри жилища, особенно в предматериковой части (пол жилища), наиболее интенсивно окрашенной благодаря охристым пятнам, однако встречаются и вне жилищного котлована. Некоторые исследователи, в зависимости от насыщенности культуровмещающих отложений за пределами впадины, определяют сезонный период бытования подобных жилищ (Косинская, 1987. С. 243–250). Исходя из этого положения, остатки кострища около жилища, наличие за границами котлована обломков керамики и отходов кремнеобработки могут свидетельствовать о летнем периоде его бытования.

Коллекция жилища имеет наиболее четкие параллели с материалами памятников чойновтинской культуры. Для них также характерно преобладание отщеповой техники расщепления кремня, вторичная обработка только рабочего края большинства типов орудий (скребки, скобели, ножи, комбинированные орудия). Выделенные В.С. Стоколосом для чужъяельской и чойновтинской культур типы скребков по форме отщепа характеризуют, скорее, технологию расщепления (оббивка без упора (Семенов, 1957. С. 53)), нежели отличительные признаки орудий именно этих культур. Данная технология расщепления характерна и для коллекции Шиховского II поселения.

Анализ заготовок наконечников стрел затруднен из-за их фрагментарности. Подобные формы найдены на поселениях Галово II, Евдино III, Усть-Ворыква II, Шомвуква, Чойновты II (Лузгин, 1972. С. 62; Семенов, Несанелене, 1997. С. 146–147; Стоколос, 1986. С. 117–131).

Подвески из мягкой породы камня с конусовидным отверстием, аналогичные обнаруженной в жилище, были широко распространены в Прикамье (Бадер, 1961. С. 47). Для территории ЕСВ они не характерны, единичные находки встречены только на памятниках чужъяельской культуры (Стоколос, 1986. С. 63).

Пряслица также не характерны для памятников ЕСВ. Изделие подобной формы, размеров и способа сверления отверстия, но сделанное из песчаника, было обнаружено на поселении Чужьяель I (Стоколос, 1986. С. 16). Такое количество подобных изделий в одном жилище впервые найдено на памятниках ЕСВ.

Основной керамический комплекс поселения имеет множество параллелей с вымскими, мезенскими, печорскими памятниками, а по характерной профилировке венчиков – с борской посудой (Прикамье) (Бадер, 1961. С. 78–118).

Такие признаки, как сочетание ленточного способа изготовления, полуяйцевидной и чашевидной форм, органической примеси в глиняном тесте, характерные расчесы (следы обработки поверхности), использование, наряду с зубчатым штампом, личиночного (перевитый шнур), однообразная орнаментация и отсутствие мотива «шагающей гребенки» сближают керамическую посуду поселений Шиховское II и Галово II (Лузгин, 1972. С. 67). Близки по этим показателям и памятники чойновтинской культуры Чойновты II (жилище № 4), Ошчой I (жилище № 4) (Стоколос, 1986. С. 113–169), и некоторые комплексы долины р. Выми: Шомвуква II (жилища № 1 и № 2), Усть-Кедва (жилища № 1 и № 8). Однако наиболее близкие аналогии все же прослеживаются с жилищами поселения Галово II. Так, для чойновтинской культуры и вымских памятников не характерно сочетание в керамическом комплексе одного жилища примеси раковины и дресвы или слюды (биотит), наличие многочисленных свидетельств металлообработки.

Культурная атрибуция и датировка поселения Галово II являются дискуссионными. Так, В.Е. Лузгин, опираясь, прежде всего, на керамический материал, считал памятник однокультурным с камскими поселениями гаринно-борской культуры и соответственно датировал перв. пол. II тыс. до н.э. (Лузгин, 1972. С. 72). В.С. Стоколос отнес Галово II к позднему периоду чойновтинской культуры, а возраст поселения определил сначала втор. четв. II тыс. до н.э. (Стоколос, 1986. С. 188), позднее – сер.–3-й четв. II тыс. до н.э. (Стоколос, 1988. С. 78). По древесным углям – остаткам сгоревшей кровли жилища № 2 поселения Шиховское II получены два ^{14}C определения: 3950±100 (Ле-7477) и 4360±140 (Ле-7478), с

учетом калибровки соответствующие периодам 2580–2280 и 3130–2870 кал. л. до н.э. или кон. IV – втор. пол. III тыс. до н.э.

Материалы обоих памятников интересны сочетанием различных примесей в керамике, что характерно для населения, попавшего в зону действия иных технологических традиций. Так, А.А. Бобринский, опираясь на этнографические и археологические материалы лесной полосы Восточной Европы (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.), убедительно доказал, что население вынужденно меняло рецепты формовочных масс. Это связано, прежде всего, с проблемой их приготовления из нового сырья, которое отличается от исходного физико-химическими свойствами (отличается в том случае, когда мигранты не находят «привычные» для них глины). Происходит вынужденное заимствование или смешение рецептуры, что, по мнению А.А. Бобринского, возможно только при четких контактах с носителями «аборигенной» традиции. В ином случае мигрантам приходится находить нужную формовочную массу методом проб и ошибок, а это, по этнографическим данным, может растянуться на неопределенное время (Бобринский, 1978. С. 92–96).

Использование дресвы в качестве отощителя характерно для синхронных памятников северной культурной общности (по В.И. Канивцу) или позднего периода чужъяельской культуры (по В.С. Стоколосу). Подобная примесь в галовском керамическом комплексе объяснялась исследователями влиянием чужъяельского гончарства (Стоколос, 1986. С. 186).

Таким образом, поселения Галово II и Шиховское II являются самыми поздними памятниками этнокультурной общности пористой керамики эпохи энеолита ЕСВ, керамические коллекции которых указывают на наличие контактов с представителями гребенчатой этнокультурной общности данного региона (чужъяельской культуры).

Материалы раскопок поселения Шиховское II в 2000 г. существенно расширили источниковедческую базу по археологии энеолита европейского Северо-Востока. Важен вывод, что поселение Шиховское II, наряду с расположенным на р. Ижме поселением Галово II, относится к кругу культур с пористой керамикой. Как показал проведенной сравнительный анализ коллекций этих памятников, их материалы свидетельствуют о контактах с чужъяельской культурой общности гребенчатой керамики.

Литература

Бадер, О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / О.Н. Бадер // МИА. – 1961. – № 99.

Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы / А.А. Бобринский. – Москва, 1978.

Васкул, И.О. Отчет о полевых исследованиях в Усть-Цилемском и Усть-Куломском районах Республики Коми в 2000 г. / И.О. Васкул. – Сыктывкар, 2001. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д. 555 – 142 л.; НА ИА РАН. Р-1. №24558.

Васкул, И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследования) / И.О. Васкул. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. – 52 с. – (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 451).

Васкул, И.О. Шиховской геоархеологический микрорайон / И.О. Васкул // Вторые Мяндинские чтения: мат-лы Всерос. научн.-практ. конф. Село Усть-Цильма, 11–12 июля 2010 г. Т. 2. – Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2011. – С. 4–11.

Канивец, В.И. Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1966 г. / В.И. Канивец – Сыктывкар, 1967. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп.13. Д.146, 147.

Канивец, В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1974.

Косинская, Л.Л. Жилища эпохи ранней бронзы бассейна Вычегды / Л.Л. Косинская // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 243–250.

Семенов, С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / С.А. Семенов. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 54).

Семенов, В.А. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы / В.А. Семенов, В.Н. Несанелене. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 1997.

Стоколос, В.С. Археологическая карта Коми АССР / В.С. Стоколос, К.С. Королев. – Москва: Наука, 1984.

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986.

Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988.

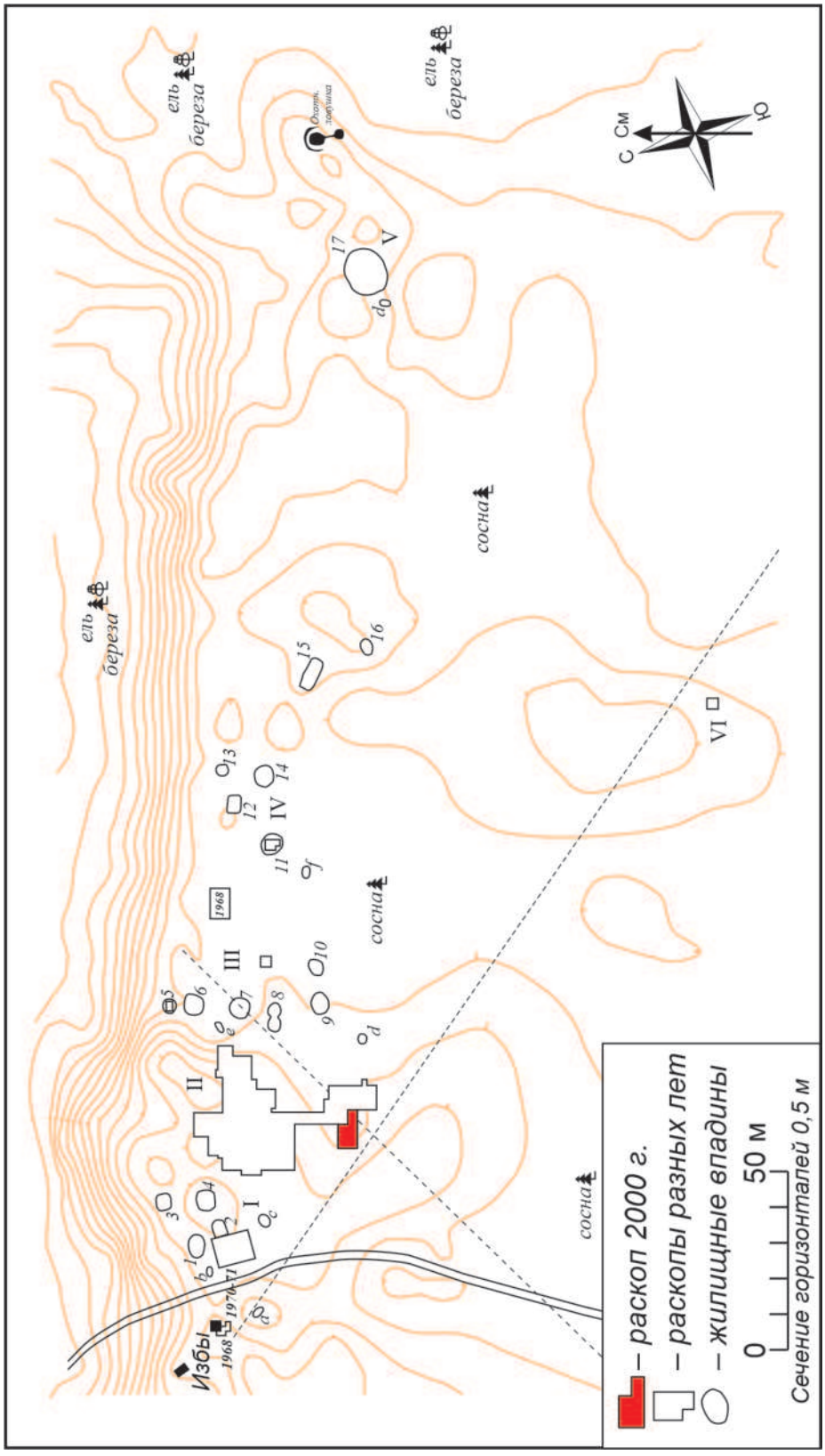


Рис. 1. Шиховской археологический микрорайон. Ситуационный план 2011 г.

Рис. 2. Шиховское II. Вид на жилищную впадину № 2 с востока.

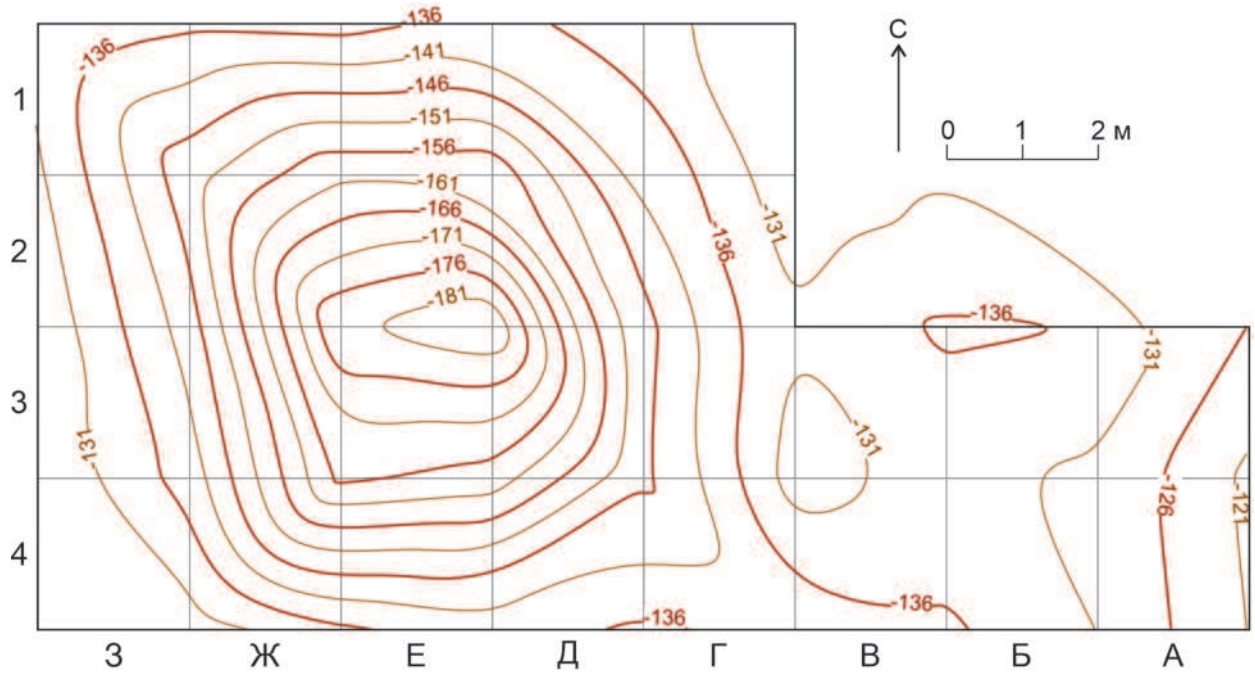


Рис. 3. Шиховское II, жилище № 2. Рельеф поверхности в пределах раскопа.

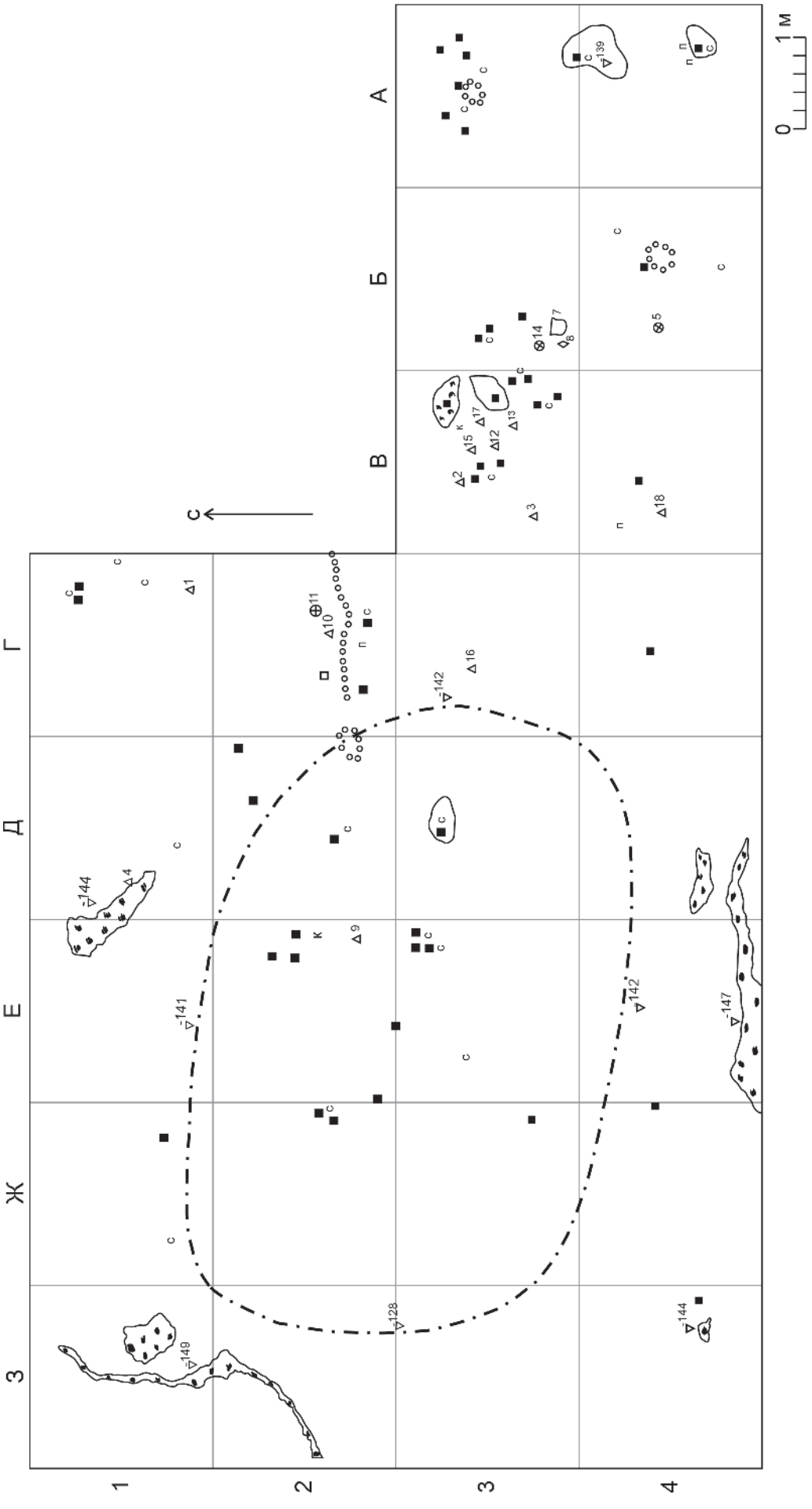


Рис. 4. Шиховское II, жилище № 2. Планиграфия находок и объектов на уровне 1-го горизонта.

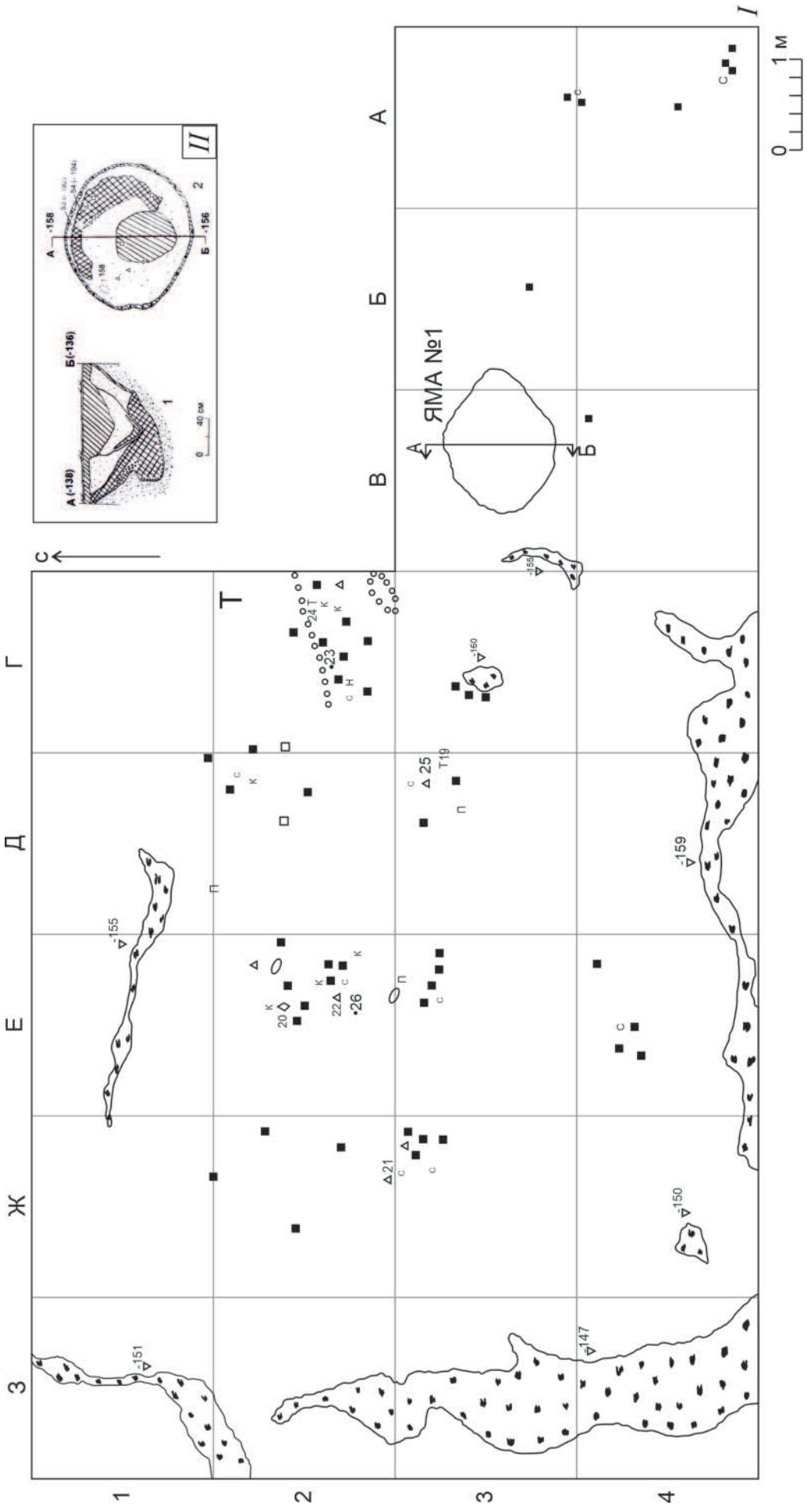


Рис. 5. Шиховское II, жилище № 2. I – планиграфия находок и объектов на уровне 2-го горизонта; II – план и разрез ямы № 1.

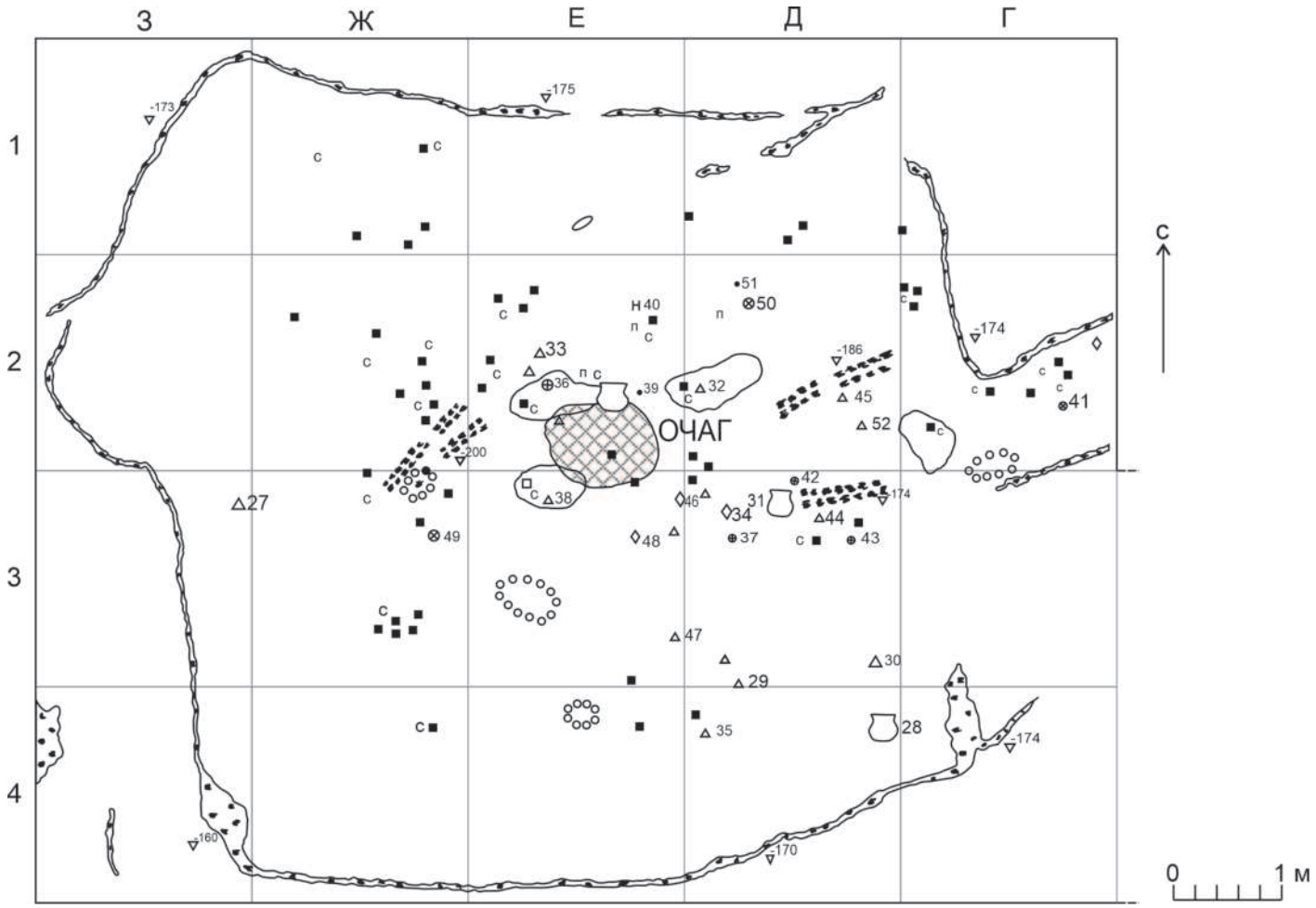


Рис. 6. Шиховское II, жилище № 2. Планиграфия находок и объектов на уровне 3-го горизонта.

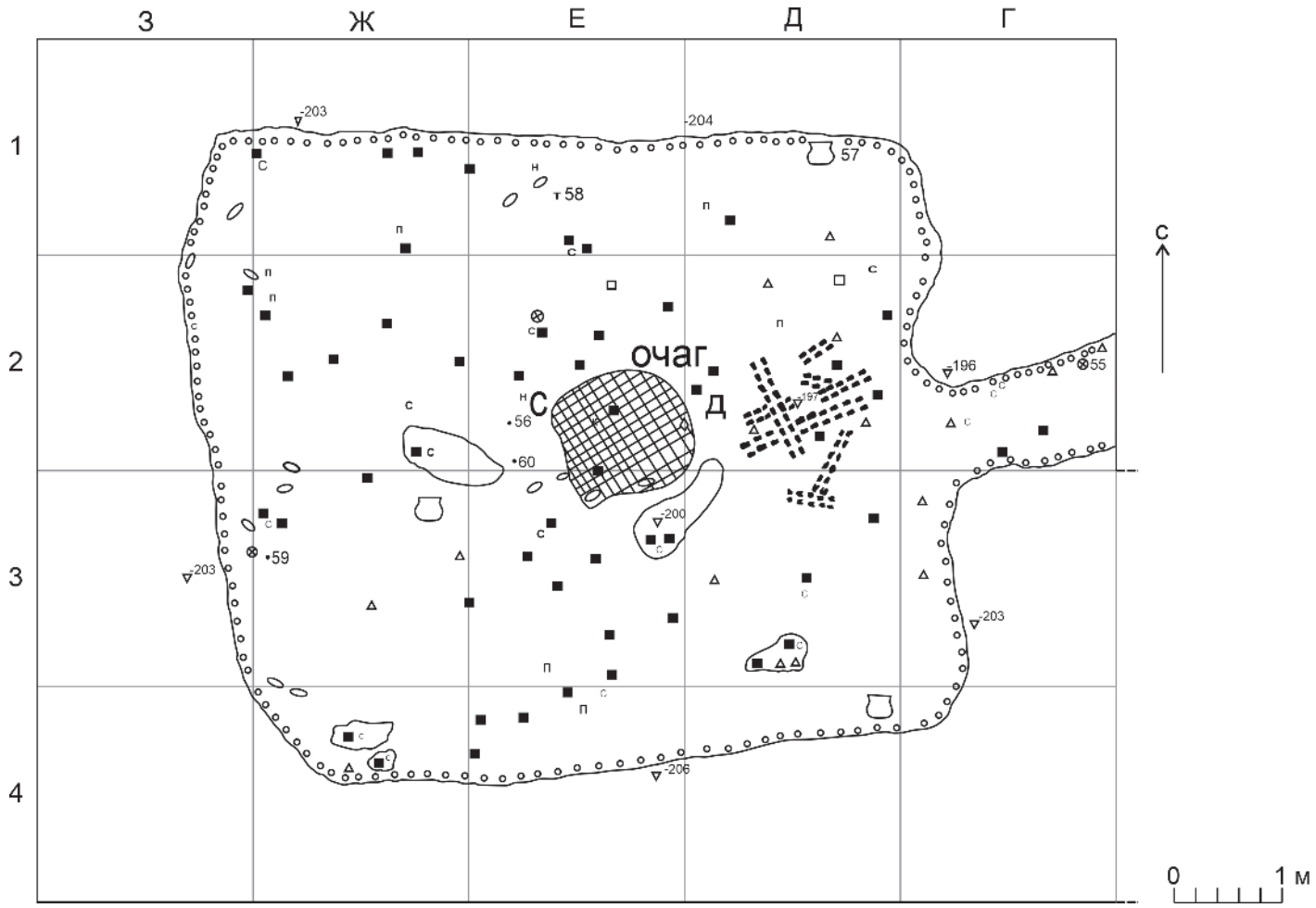


Рис. 7. Шиховское II, жилище № 2. Планиграфия находок и объектов на уровне 4-го горизонта.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ к рис. 4–7

- • *пряслице*
- ⬭ *камни*
- ■ *отщеп*
- □ *отщеп со следами использования*
- П *пластина*
- с *скол*
- ⊗ *скребок*
- н *ножевидное орудие*
- ◊ *наконечник стрелы*
- △ *фрагмент керамики*
- ⬭ *развал керамического сосуда*
- к *кальцинированная кость*
- ⬭ *охра*
- *угли*
- п *прокал*

Дерновый слой (современная поверхность) и гумус

Темновато-желтый слой (заполнение котлована) с подстилающим коричневатым предматериковым (пол жилища)

Белесый песок (подзол)

Пестроцветный перемешанный слой (выкид из котлована)

Материк

Коричневая супесь (заполнение очага)

Контур котлована на дневной поверхности

Граница котлована жилища

Грунт, насыщенный углями

Граница котлована жилища с посыпкой охрой

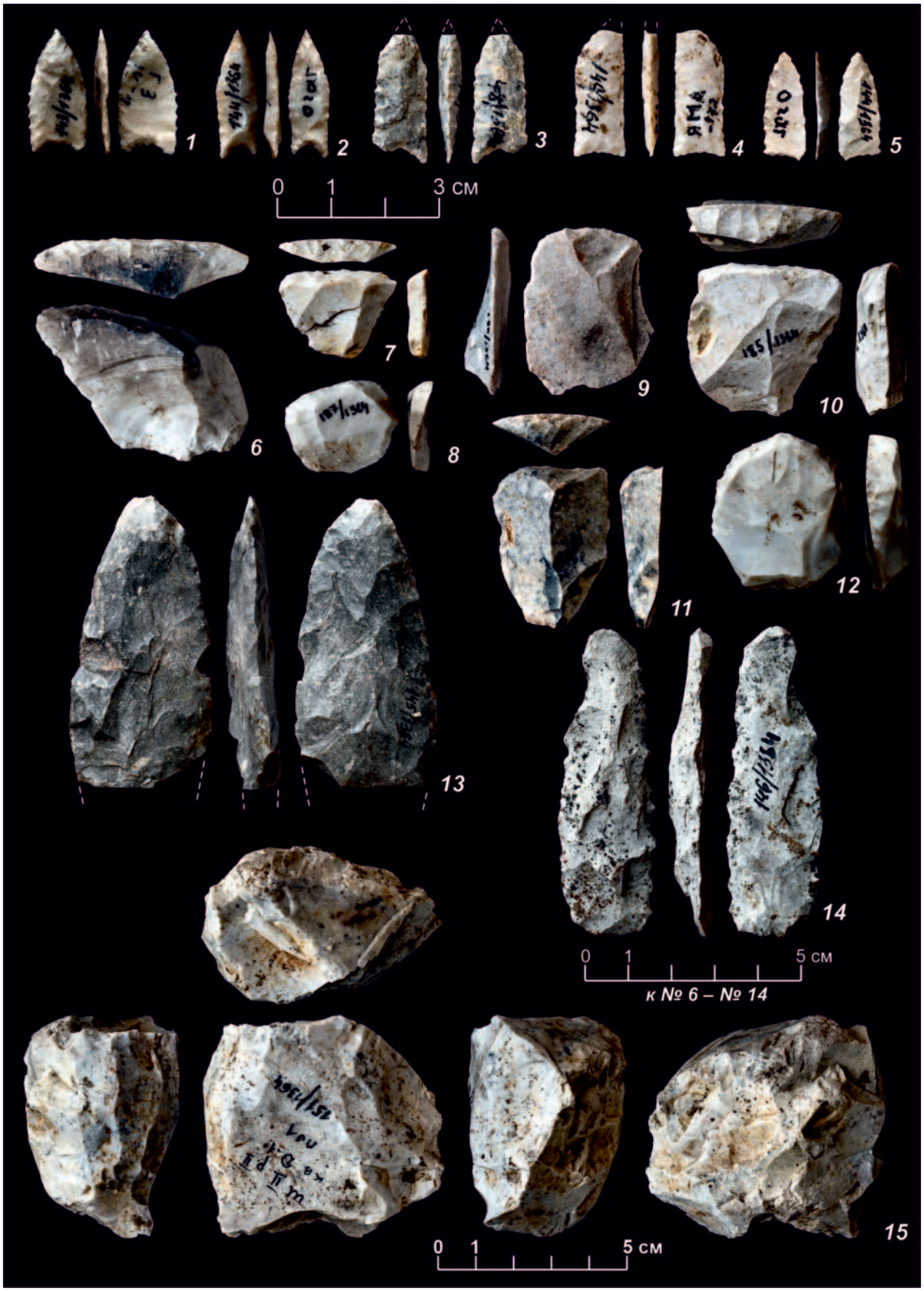


Рис. 8. Шиховское II, жилище № 2. Кремневые изделия: 1–5 – наконечники стрел; 6–12 – скребки; 13, 14 – незавершенные бифасы; 15 – ядрище.
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

Рис. 9. Шиховское II, жилище № 2. Кремневые изделия: 1–7 – ножи; артефакты из некремнистых пород: 8 – подвеска, 9 – обломок рубящего орудия (первично), абразив (вторично).
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

Рис. 10. Шиховское II, жилище № 2. Керамические сосуды.
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

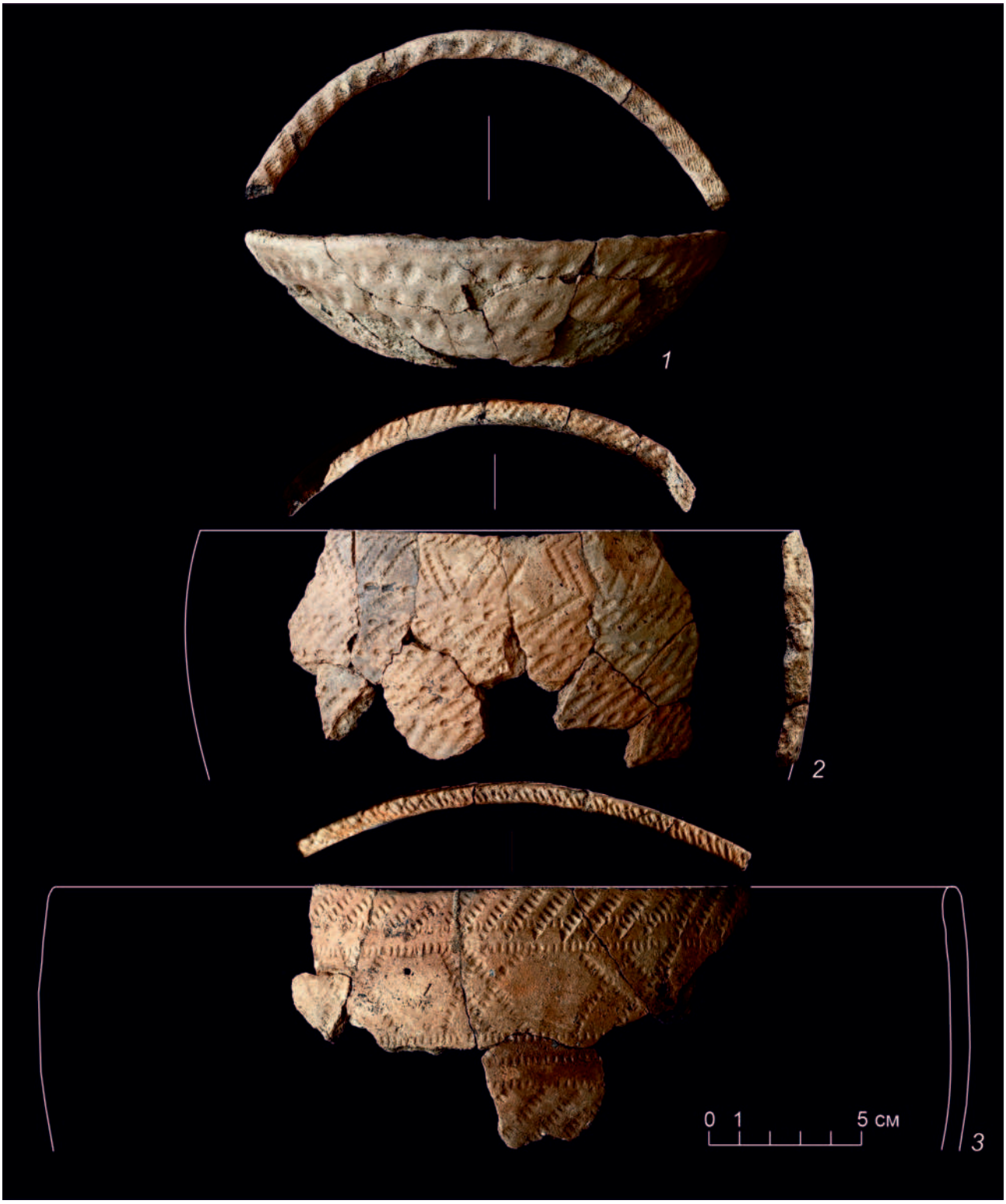


Рис. 11. Шиховское II, жилище № 2. Керамические сосуды.
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

Рис. 12. Шиховское II, жилище № 2. Обломки керамических сосудов средних размеров.
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

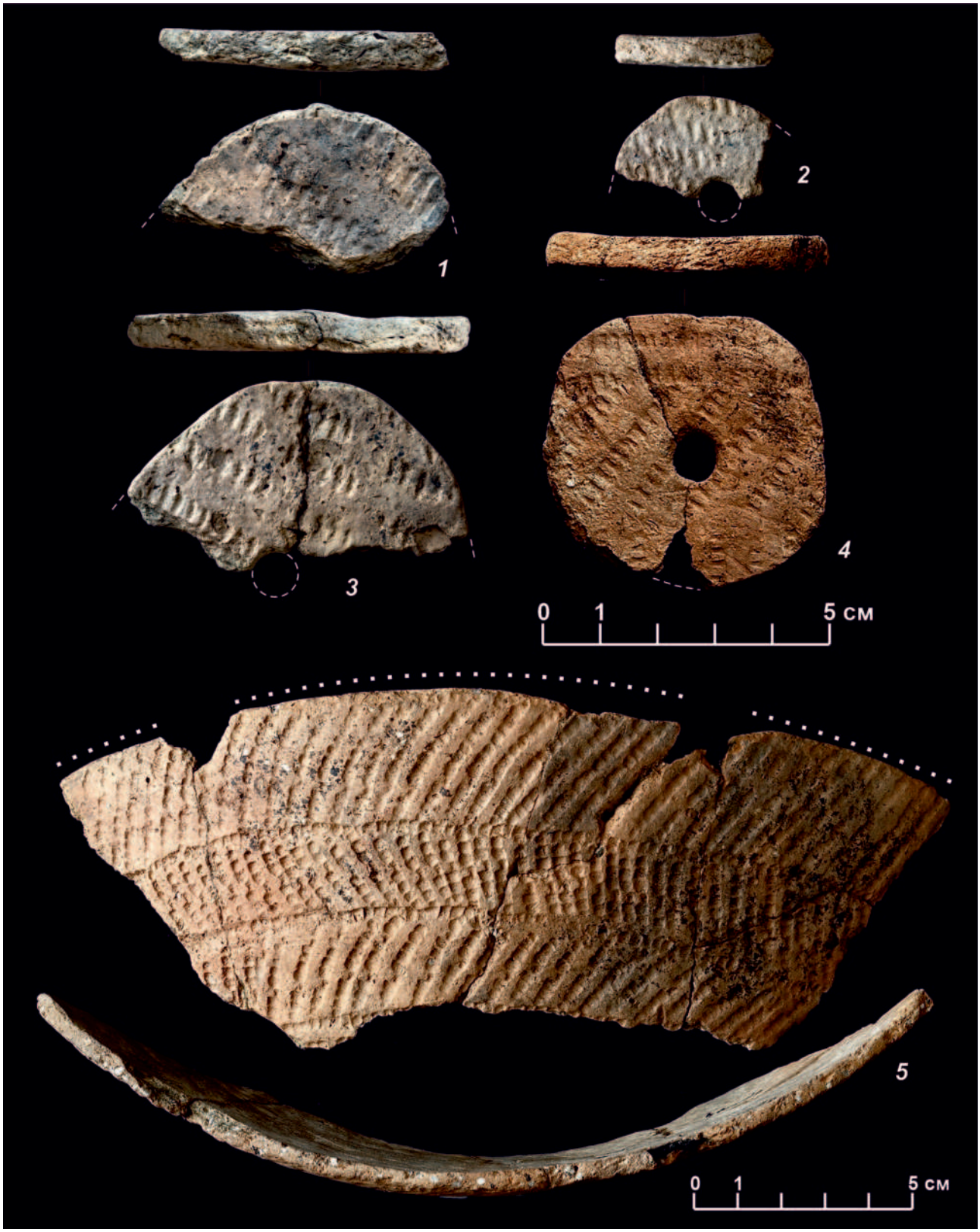


Рис. 13. Шиховское II, жилище № 2.
Керамика. 1–4 – обломки «пряслиц»; 5 – фрагмент крупного керамического сосуда со следами шлифовки или пиления на торце (положение следов обработки показано пунктирной линией).
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

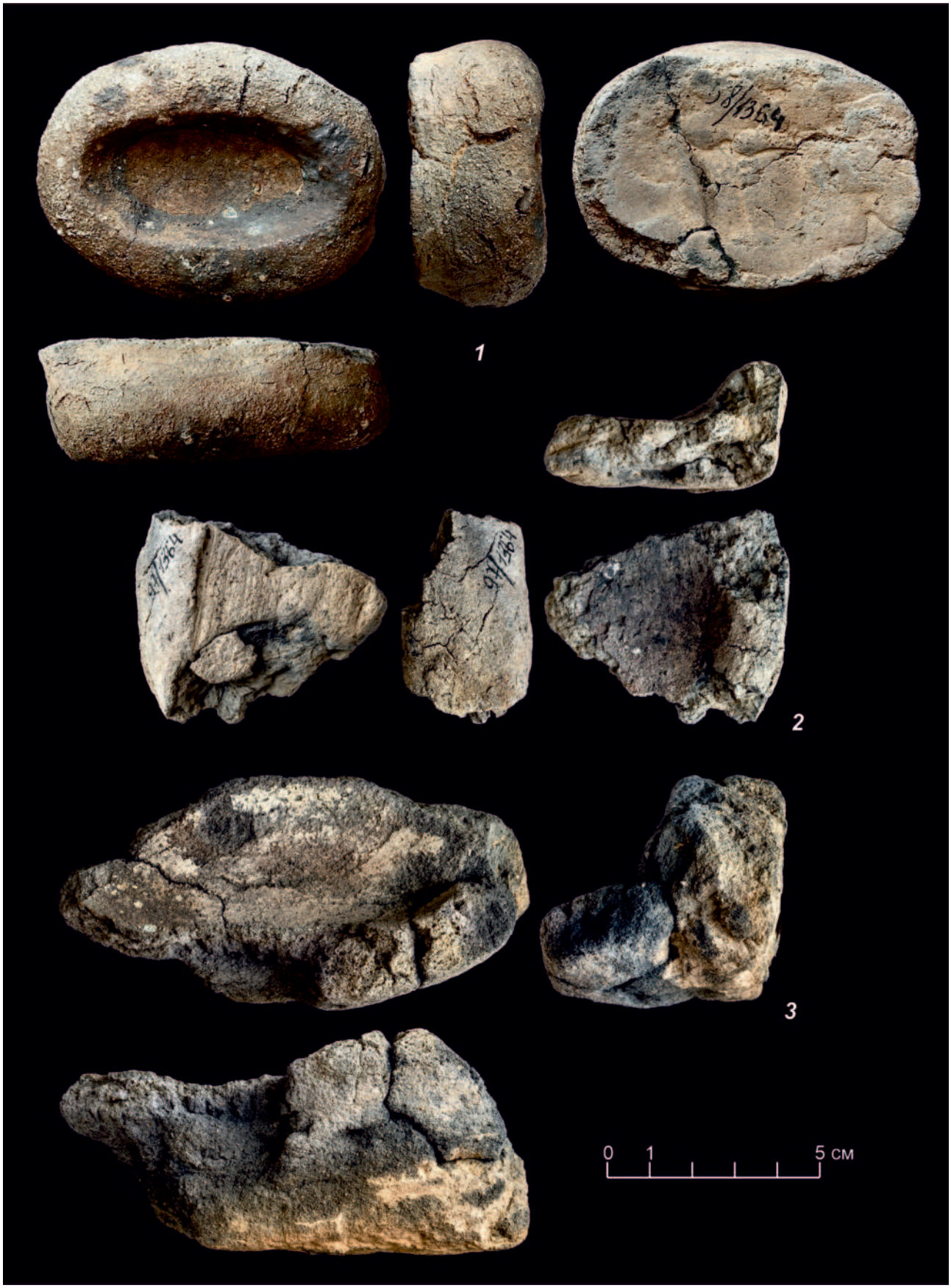


Рис. 14. Шиховское II, жилище № 2. Керамические тигли и их обломки.
Фото В.Н. Карманова и Е.В. Попова, 2018 г.

Т.В. Истомина, А.С. Макаров

ЛАСТА VI

Аннотация. Вводятся в научный оборот материалы стоянки Ласта VI на Ижме (дер. Ласта, Ижемский район, Республика Коми), исследованной в 2001 г. Т.В. Истоминой. В результате раскопок на площади 46 кв м изучены следы и остатки кратковременного места пребывания с наземной постройкой площадью около 9 кв.м и, возможно, хозяйственной ямой. На стоянке применялось бифасиальное расщепление, направленное на переоформление, подправку или мелкий ремонт уже готовых орудий. Морфология, орнаментация керамической посуды и форма наконечников стрел позволяют атрибутировать материалы стоянки Ласта VI как памятник гаринской (чойновтинской) культуры эпохи раннего металла.

Ключевые слова: археология, энеолит, гаринская культура, чойновтинская культура, каменный инвентарь, керамика, наземная постройка

T.V. Istomina, A.S. Makarov

LASTA VI

The authors publish the data on the Lasta VI site on the Izhma River (Lasta village, Izhma region, Komi Republic) investigated by T.V. Istomina in 2001. As a result of excavations at the area of 46 sq.m, the traces and remains of a short-term residence with an aboveground dwelling of about 9 sq.m and, possibly, an utility pit were studied. In the campsite, bifacial knapping was used aimed at re-shaping, correction or minor repair of utilized tools. The morphology, ornamentation of ceramic wares and the shape of arrowheads allow us to attribute the materials of the Lasta VI site to the Garino (Choynovty) culture of the Early Metal period.

Keywords: archeology, Chalcolithic, Garino culture, Choynovty culture, stone artefacts, ceramics, ground construction

Введение

Исследование эпохи раннего металла на крайнем северо-востоке Европы на современном этапе археологического изучения связано с привлечением источников, полученных в последние три десятилетия. Вслед за публикацией результатов раскопок поселения Ласта VIII (Истомина, Макаров, 2018) в научный оборот вводятся неопубликованные ранее материалы стоянки Ласта VI – места пребывания с легкой наземной конструкцией и ограниченным циклом кремнеобработки. Эти особенности ластинского комплекса расширяют наши представления о типологии поселений эпохи раннего металла долины р. Ижмы, которые в большинстве своем представлены остатками слабо углубленных жилищ с интенсивной кремнеобработкой.

История исследований

Археологический микрорайон вблизи дер. Ласта Ижемского района Республики Коми открыл в 1964 г. В.Е. Лузгин. Это были четыре разновременных памятника Ласта I, II, III и IV и местонахождение кремневого наконечника стрелы (Лузгин, 1972. С. 97–101). В 1986 г. в ходе мониторинга этих объектов Т.В. Истомина выявила новые стоянки и поселения: Ласта V, VI, VII, VIII, IX. В этом же году на разрушенных грунтовой дорогой участках стоянки Ласта VI на площади около 200 кв. м она собрала кремневые отщепы (Истомина, отчет за 1986 г.). В 2001 г. она повторно обследовала Ластинский микрорайон, выявила памятники Ласта X, XI, XII, XIII, а также исследовала раскопками стоянки Ласта VI, X и жилище № 1 на поселении Ласта VIII. На стоянке Ласта VI в отвалах противопожарной траншеи были обнаружены кремневые изделия и фрагменты керамики. Место поверхностного залегания артефактов и примыкающая к нему территория были изучены раскопом площадью 46 кв. м (Истомина, 2002). Результаты этого исследования опубликованы частично (Сидоренко, 2002).

В 2003 г. памятники Ластинского микрорайона обследовали А.Л. Багин и А.В. Волокитин, которые в иной от остальных памятников ландшафтно-топографической ситуации высокой поймы выявили новый памятник Ласта XIV. Кроме того, они изучили шурфом выявленную ранее Т.В. Истоминой стоянку Ласта XIII, ошибочно обозначив ее как новый объект Ласта XI (Багин, Волокитин, 2004). В 2017 г. в ходе мониторинга А.С. Макаров

обследовал все известные памятники микрорайона и установил факт разрушения стоянки Ласта II (Макаров, 2018). В 2019 г. А.Л. Белицкая провела аварийно-спасательные раскопки разрушенного участка стоянки Ласта II и установила, что остатки жилища № 1 полностью уничтожены в результате строительства коровника (Белицкая, 2020).

Характеристика памятника

Стоянка Ласта VI находится на правом берегу р. Ижмы, на юго-восточной окраине дер. Ласта (рис. 1). Памятник располагается в северной части эоловой гряды, в 750 м от ее края, к которому на западе примыкает широкая (до 200 м) пойма правого берега р. Ижмы, на востоке – верховое болото Ыджыднюр. Расстояние от памятника до современного русла реки составляет 910, а до границы видимой части гряды с болотом – 88 м.

Памятник представляет собой следы и остатки наземной постройки неправильной прямоугольной формы в плане площадью 9 кв. м в северной части раскопа, которые прослеживаются по пятнам желтого смешанного песка мощностью до 0,1 м и светло-розового песка – прокала. Состав коллекции представлен немногочисленными отходами кремнеобработки, готовыми изделиями из кремня и фрагментами керамических сосудов (рис. 2).

За пределами постройки выявлена яма овальной в плане формы размерами 0,56–0,7 х 1,78 м. Ее заполнял плотный желтый смешанный песок с включением отдельных угольков. Глубина ямы в центре и южном конце достигает 0,73 м. В северной части уровень дна на 0,2 м выше. В ней на разном уровне найдены кремневые сколы, обломок наконечника стрелы, два орудия на пластинах (рис. 4, 18, 19) и многочисленные обломки керамической посуды. Отдельные фрагменты последней находились в верхней части заполнения в центре ямы, основная же масса керамики в виде развала сосуда (рис. 5) – на ее дне, в южном конце.

Большая часть археологических предметов в раскопе связана с обозначенными объектами. При этом продукты кремнеобработки и готовые изделия концентрируются на месте наземной постройки, а фрагменты керамики, включая развал сосуда, находились в заполнении ямы.

Коллекция

Коллекция стоянки Ласта VI, хранящаяся в фондах музея археологии и этнографии СыктГУ, содержит 1008 предметов из кремня, 151 обломок не менее трех керамических сосудов.

К изделиям без видимых следов обработки и использования (961 экз.) относятся отщепы (207 экз.), осколки (47), чешуйки (707). Среди кремневых сколов без вторичной обработки выделяется небольшое количество технологически значимых продуктов расщепления: четыре незавершенных бифаса и 34 скола бифасиального утончения. Остальные кремневые предметы представлены готовыми изделиями или их обломками.

Изделия с измененной исходной поверхностью представляют собой орудия из кремня (40 экз.): наконечники стрел (16 экз., все фрагментированы), сколы с краевой мелкой регулярной и нерегулярной ретушью (9 экз.), скребки (4 экз.), скобель (1 экз.), комбинированные орудия (6 экз.), перфораторы (2 экз.), резчик (1 экз.), фигурный кремень (1 экз.) (табл. 2).

Приемы вторичной намеренной обработки и опосредованно-намеренного использования (износа) кремневых предметов стоянки Ласта VI представлены мелкой регулярной и нерегулярной ретушью, субпараллельной покрывающей ретушью, рабочие края скребков и комбинированных орудий обработаны крутой и полукрутой субпараллельной ретушью.

Все заготовки наконечников стрел представлены мелкими обломками тонких бифасов, преимущественно остриями (рис. 3, *1–8*), реже – медиальными сегментами (рис. 3, *9, 10, 12*) и одним обломком насада (рис. 3, *11*). Ввиду высокой фрагментированности форма этих изделий не восстанавливается. Можно предположить, что в основе они имели листовидную форму с прямой или вогнутой базой (рис. 3).

Скребки (4 экз.) изготовлены на отщепах и имеют подтреугольную, трапециевидную и подпрямоугольную формы, с одним или двумя рабочими краями (рис. 4, *1, 4, 5*).

К комбинированным орудиям относятся изделия со скребущим и режущим лезвиями (рис. 4, *2, 3, 18, 19*). Выделяются два орудия (оба найдены в яме 1) на длинных пластинчатых сколах с сильным изгибом профиля

– унифасов, дорсальный фас которых обработан покрывающей ретушью (рис. 4, *18, 19*).

В качестве перфораторов использовались незавершенные бифасы, чье острие имеет визуально определяемые следы износа или обработки (рис. 4, *6, 7*).

Ножами могли служить отщепы с краевой регулярной или нерегулярной ретушью со сравнительно прямыми краями (рис. 4, *9–17*). Нечетко определяемое типологически орудие на отщепе, угол которого обработан мелкой регулярной ретушью на вентральном и дорсальном фасах, предположительно выполнял функцию резчика (рис 4, *8*).

Среди изделий со вторичной обработкой найден предмет, предварительно определенный как фигурный кремень, представляющий собой мелкий отщеп с отвесной мелкой контурной ретушью, по форме отдаленно напоминающий голову птицы (рис. 3, *13*).

Морфология обломков наконечников стрел характеризует технологию расщепления кремня населения стоянки Ласта VI как вторичное бифасиальное утончение. Однако, основываясь на сравнительной малочисленности дебитажа: мелких отщепов, отдельностей сырья, чешуек, основ бифасов и технологически значимых продуктов расщепления, можно предположить, что изготовление тонких бифасов – наконечников стрел непосредственно на стоянке не производилось. Возможно, что стоянка имела временное назначение и являлась промысловым (охотничьим?) лагерем, где могли производиться подправка или ремонт уже готовых орудий. О промысловом характере комплекса косвенно свидетельствует преобладание остриев наконечников над остальными сегментами.

Керамика, обнаруженная на стоянке, представлена обломками трех или четырех лепных сосудов, один из которых залегал в виде развала в яме № 1. В составе формовочной массы всех сосудов визуально определена примесь дресвы, песка и, возможно, органики. В коллекции присутствует фрагмент керамики, имеющий следы затертости, которые были предварительно интерпретированы Н.П. Сидоренко как вторичное использование в качестве шпателя для заглаживания глины (Сидоренко, 2002). Для подтверждения этой версии требуется привлечение трасологических исследований.

Реконструированы формы двух сосудов: горшка средних размеров с округлым основанием и чаши. Форма третьей емкости неизвестна – сохранились лишь отдельные фрагменты стенки, а венчик и основание отсутствуют.

Горшок средних пропорций и открытой формы (рис. 5, 6) имел емкость около 12–13 л. Торец его венчика прямой, скошен внутрь, имеет бортики с внутренней и внешней сторон. Его внешняя поверхность полностью украшена горизонтальными зонами гребенчатого орнамента, состоящего преимущественно из рядов наклоненных вправо оттисков короткого штампа. Оттиски нанесены неритмично и составляют неровные ряды. Нижняя треть сосуда украшена треугольниками вершиной вверх, составленными из рядов аналогичных оттисков, а основание – вертикальными рядами того же штампа. В верхней части сосуда другим зубчатым штампом выполнен горизонтальный зигзаг.

Сосуд низких пропорций (0,5) объемом около 1 л имеет прямой, слегка уплощенный торец венчика (рис. 7). Орнаментация сохранившейся верхней части представлена наклонными оттисками гладкого штампа, который нанесен на торец венчика, а также на его внешнюю и внутреннюю стороны.

Культурная атрибуция и хронология

Для определения культурной атрибуции материалов стоянки Ласта VI информативны керамическая посуда и наконечники стрел из кремня.

Территориально ближайшие аналогии орнаментам на сосудах Ласты VI найдены на керамике комплекса Ласта VIII/1 (Истомина, Макаров, 2018). Керамическая посуда стоянки Ласта VI наиболее близка материалам поселения Галово II на Ижме (Лузгин, 1972. Рис. 17, 6; 20, 5), которые В.С. Стоколос относил к позднему периоду чойновтинской культуры и датировал сер. – 3-й четв. II тыс. до н.э. (Стоколос, 1997). Соответствие комплексов Ласта VI и Галово II характеризуется присутствием в керамике чойновтинских (пористое тесто, гребенчатый орнамент) и чужъяельских (минеральные примеси, мотивы зигзага и треугольников в орнаменте) черт.

Присутствие технологии вторичного бифасиального утончения – производство двусторонне обработанных наконечников стрел

также демонстрирует сходство этих двух комплексов.

Дальнейший поиск параллелей в типологии и морфологии кремневого инвентаря стоянки Ласта VI позволяет соотнести материалы этого комплекса с другими памятниками гаринской (чойновтинской) культуры эпохи раннего металла, известных на р. Мезени – Чойновты II (Стоколос, 1986. Рис. 85, 18–27), Ошчой I (жилище 4, 7, 10 (Стоколос, 1986. Рис. 99, 2, 3, 7, 17)), (Стоколос, 1986. С. 117, 140); р. Вычегде – Угдым I (Карманов, 2019), р. Ижме – Галово II (Лузгин, 1972. Рис. 44, 1–12; 62, 1–10). Материалы этих комплексов связывает наличие в коллекциях таких технологически значимых продуктов расщепления, как листовидные наконечники стрел с вогнутым основанием; незавершенные бифасы, сколы бифасиального утончения и снятия межнегативных ребер на поверхности бифасов – признаки технологии вторичного бифасиального утончения.

На поселении Ласта VIII получены две радиоуглеродные даты – 4130 ± 90 (Ле-6204) и 4770±300 ^{14}C л.н. (Ле-6205) (Истомина, Макаров, 2018), из которых первая является соответствующей имеющимся данным о гаринской (чойновтинской) культуре. Если принять культурно-хронологическую близость комплексов Ласта VIII и Ласта VI, то второй следует с осторожностью датировать серединой III тыс. до н.э. Последние исследования по радиоуглеродной хронологии памятников неолита-энеолита крайнего северо-востока Европы (Карманов, Зарецкая, 2021) признают ряд дат (в том числе две даты Ласта VIII) неоднозначными, так как полученные пары или серии датировок не согласуются между собой в рамках одного комплекса. Проблема неоднозначности этих датировок должна разрешиться дальнейшим изучением памятников эпохи раннего металла с получением достоверных данных – серий согласующихся между собой радиоуглеродных дат из разных источников (нагар, культуровмещающие отложения, уголь) в комплексе.

Обсуждение и заключение

В ходе раскопок стоянки Ласта VI в 2001 г. получены новые данные для изучения каменной индустрии и гончарного производства гаринской (чойновтинской) культуры эпохи раннего металла. Определено временное назначение неуглубленной постройки промыслового характера, где возможно производилась подправка или мелкий ремонт уже готовых орудий. Типологически однородная керамическая коллекция представлена сосудами, орнаментированными оттисками гребенчатого штампа.

При исследовании характера хозяйственной организации населения эпохи раннего металла следует отметить, что подавляющее большинство памятников гаринской (чойновтинской) культуры представлены остатками углубленных жилищ со свидетельствами интенсивной кремнеобработки. Такие кратковременные места пребывания с легкими наземными конструкциями и ограниченным циклом кремнеобработки, как стоянка Ласта VI, крайне редки. К ним относятся пункты 2 и 4 комплекса Ниремка I на Выми, где Л.Л. Косинской в 1984 г. изучены кратковременные сезонные стоянки. Таким образом, материалы Ласты VI позволяют несколько разнообразить типологию энеолитических поселений бассейна р. Ижмы и расширяют наши представления об образе жизни населения гаринской (чойновтинской) культуры. В результате исследования одномоментно отложившегося комплекса стоянки Ласта VI расширена источниковая база для изучения энеолита европейского Северо-Востока.

Литература

Багин, А.Л. Отчет о разведочных работах в Ижемском районе Республики Коми в 2003 г. / А.Л. Багин // НА ИА РАН. Р-1. №28302. – Сыктывкар, 2004.

Белицкая, А.Л. Научный отчет об аварийно-спасательных раскопках на стоянке Ласта II в Ижемском районе Республики Коми / А.Л. Белицкая // НА КНЦ УрО РАН. Ф.5. Д.913. – 163 л. – Сыктывкар, 2019.

Истомина, Т.В. Отчет о работах Ижемского отряда археолого-этнографической экспедиции СГУ в 2001 году / Т.В. Истомина / Архив МАЭ СыктГУ. Ф.2. Д.103. 111 л.; НА ИА РАН. Р-1. №28708. – Сыктывкар, 2002.

Истомина, Т.В. Отчет о работах Ижемского отряда экспедиции по охране памятников истории и культуры СГУ за 1986 г. / Т.В. Истомина // Архив музея археологии и этнографии СыктГУ. Ф.2. Д.41, 41а. 55, 73 лл.; НА

ИА РАН. Р-1. №11775, 11775а. – Сыктывкар, 1987.

Истомина, Т.В. Ласта VIII – опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме (Республика Коми) / Т.В. Истомина, А.С. Макаров // Поволжская археология. – 2018. – № 3 (25). – С. 229–241.

Карманов, В.Н. Тепловая обработка кремня на крайнем северо-востоке Европы в эпоху раннего металла / В.Н. Карманов // Известия лаборатории древних технологий. – 2019. – № 3. – С. 28–45. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-28-46

Карманов, В.Н. Радиоуглеродная хронология чужъяельской культуры / В.Н. Карманов, Н.Е. Зарецкая // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 55–69. https://doi.org/10.24852/pa2021.3.37.55.69

Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.

Сидоренко, Н.П. Керамика памятника эпохи раннего металла Ласта VI / Н.П. Сидоренко // Человек и окружающая среда. XII Коми республиканская научная конференция студентов и аспирантов. 18–19 апреля 2002 года. Программа и тезисы докладов. – Сыктывкар, 2002. – С. 76

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва, 1986. – 191 с.

Таблица 1

Ласта VI. Состав коллекции

Предмет	Количество
Изделия из кремня	
Отщеп	229
Осколки	47
Чешуйка	707
Пластина	3
Пластина	2
Бифасы	20
ВСЕГО	1008
Фрагменты керамических сосудов	
Обломки керамики	151
ИТОГО	1159

Таблица 2

Ласта VI. Состав орудийного набора и технологически значимые продукты расщепления

НАИМЕНОВАНИЕ	Заготовка							ВСЕГО
	Галька	Плитка	Кусок	Отщеп	Пластина	Осколок	Не ясна	
Кремневые изделия								
Скобель	0	0	0	1	0	0	0	1
Нож	0	0	0	9	0	0	0	9
Скребок	0	0	0	4	0	0	0	4
Орудие комбинированное	0	0	0	4	2	0	0	6
Резчик	0	0	0	1	0	0	0	1
Проколка	0	0	0	2	0	0	0	2
Наконечники стрел	0	0	0	0	0	0	16	16
Фигурный кремень (?)	0	0	0	1	0	0	0	1
ВСЕГО	0	0	0	22	2	0	16	40
Технологически значимые продукты расщепления								
Бифасы незавершенные	0	0	0	0	0	0	4	4
Скол бифасиального утончения	0	0	0	34	0	0	0	34

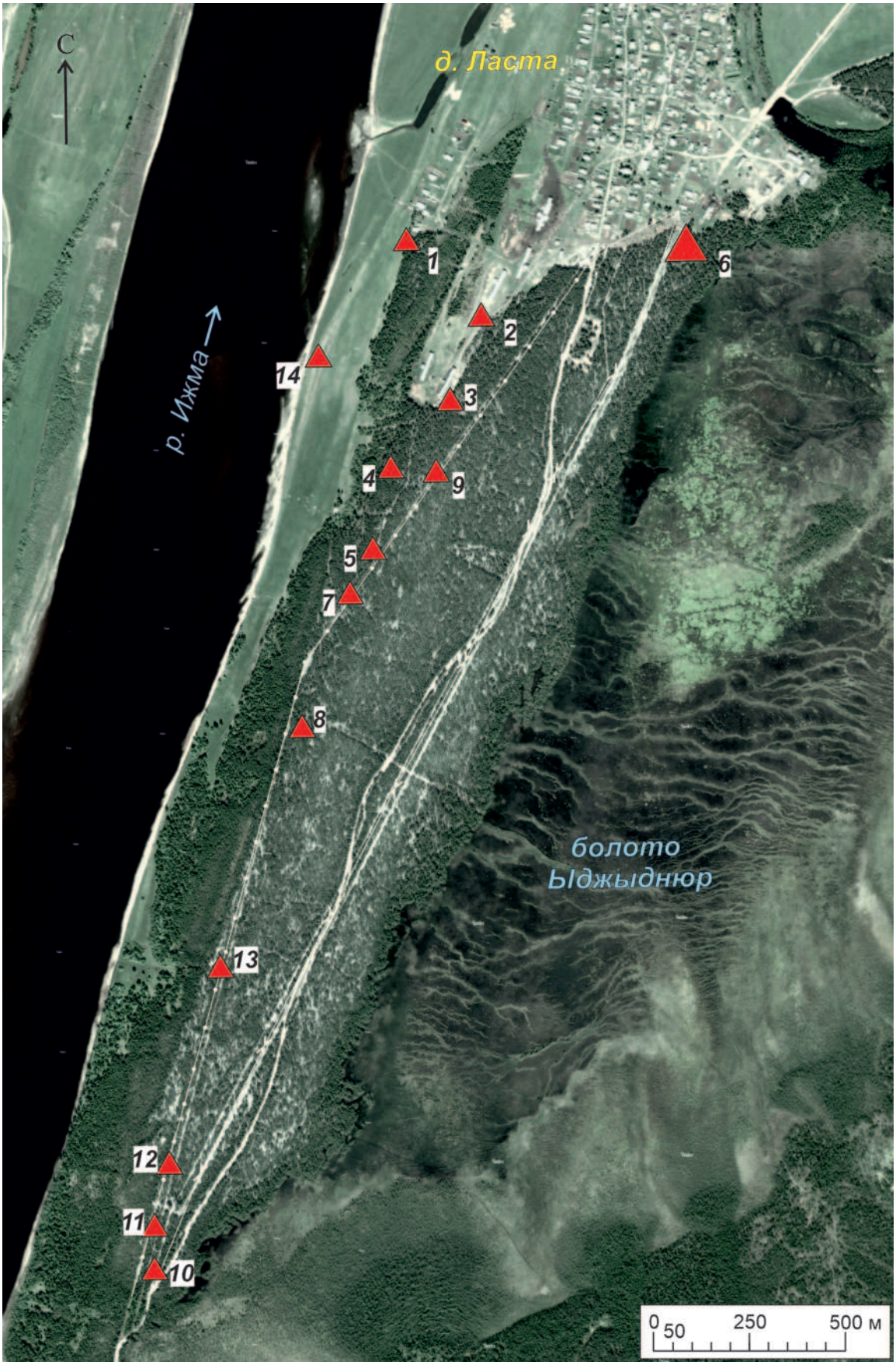


Рис. 1. Карта-схема расположения памятников вблизи дер. Ласта: 1 – Ласта I; 2 – Ласта II; 3 – Ласта III; 4 – Ласта IV; 5 – Ласта V; 6 – Ласта VI; 7 – Ласта VII; 8 – Ласта VIII; 9 – Ласта IX; 10 – Ласта X; 11 – Ласта XI; 12 – Ласта XII; 13 – Ласта XIII; 14 – Ласта XIV.

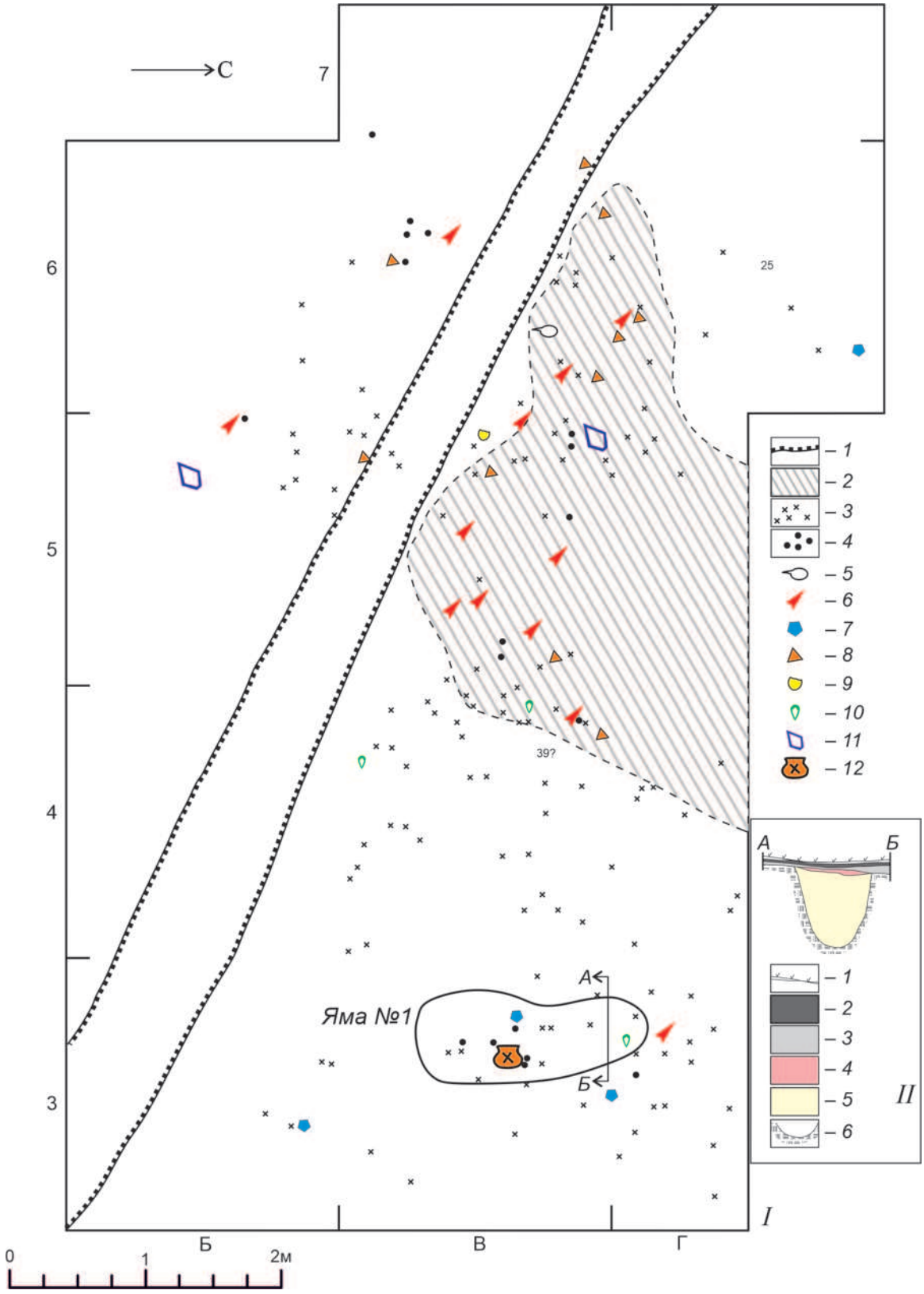


Рис. 2. Ласта VI. I – план раскопа:
1 – траншея противопожарного разрыва; 2 – охра или прокал; 3 – кремневые отщепы и осколки; 4 – фрагменты керамических сосудов; 5 – фигурный кремень; 6 – наконечник стрелы; 7 – комбинированное орудие; 8 – отщеп с ретушью; 9 – скобель; 10 – скребок; 11 – проколка; 12 – развал сосуда.
II – разрез ямы № 1 по линии А–Б: 1 – дёрн; 2 – дорожный грунт; 3 – подзол; 4 – прокал; 5 – неоднородный желтый песок с углями; 6 – желтый иллювиальный песок.

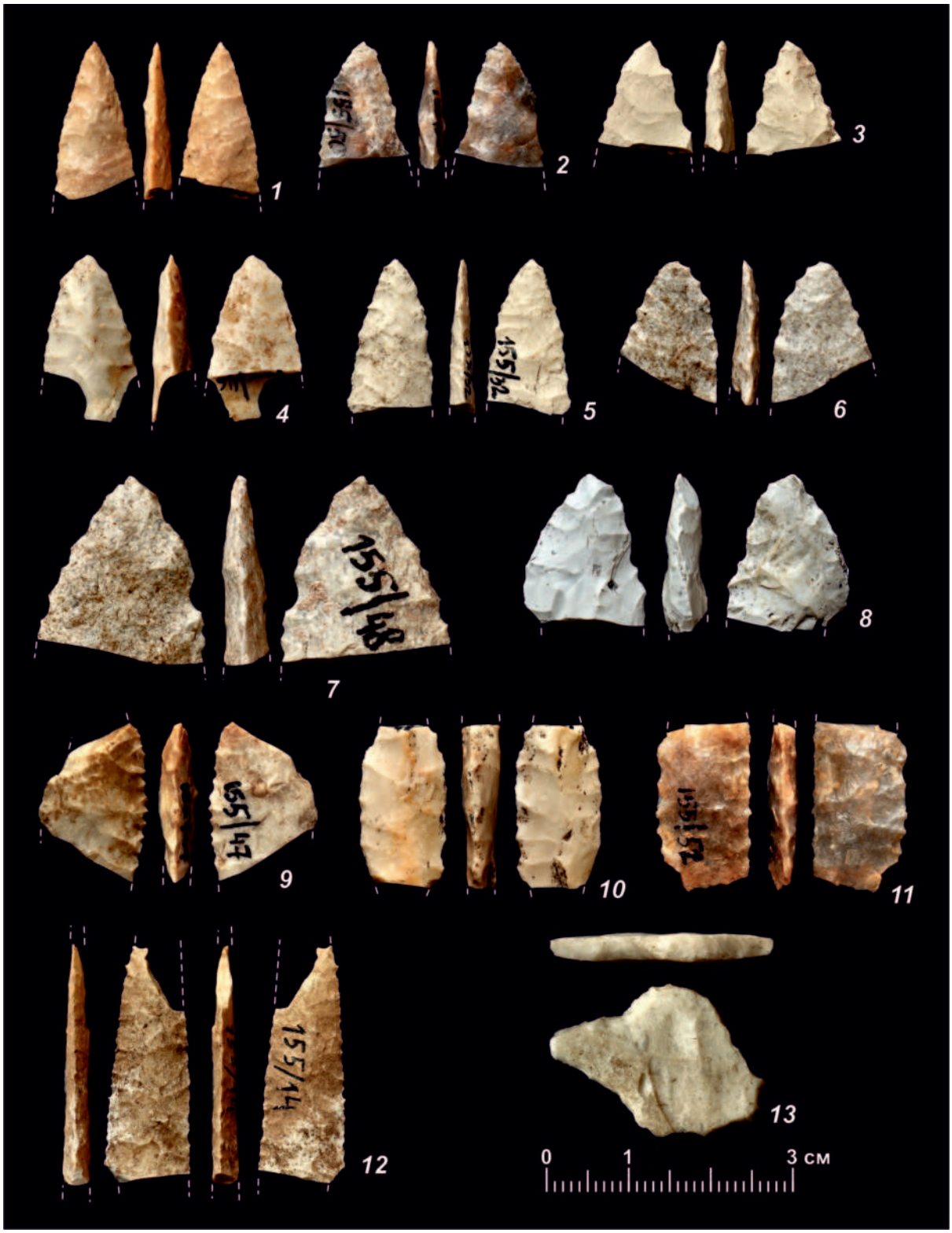


Рис. 3. Ласта VI. Кремневые изделия: 1–12 – обломки наконечников стрел;
13 – фигурный кремень (?).

Рис. 4. Ласта VI. Кремневые изделия: 1, 4, 5 – скребки; 2, 3, 18, 19 – комбинированные орудия; 6, 7 – перфораторы; 8 – резчик; 9–17 – ножи.

Рис. 5. Ласта VI. Керамический сосуд (графическая реконструкция) из ямы № 1. Сторона А.

Рис. 6. Ласта VI. Керамический сосуд (графическая реконструкция) из ямы № 1. Сторона Б.

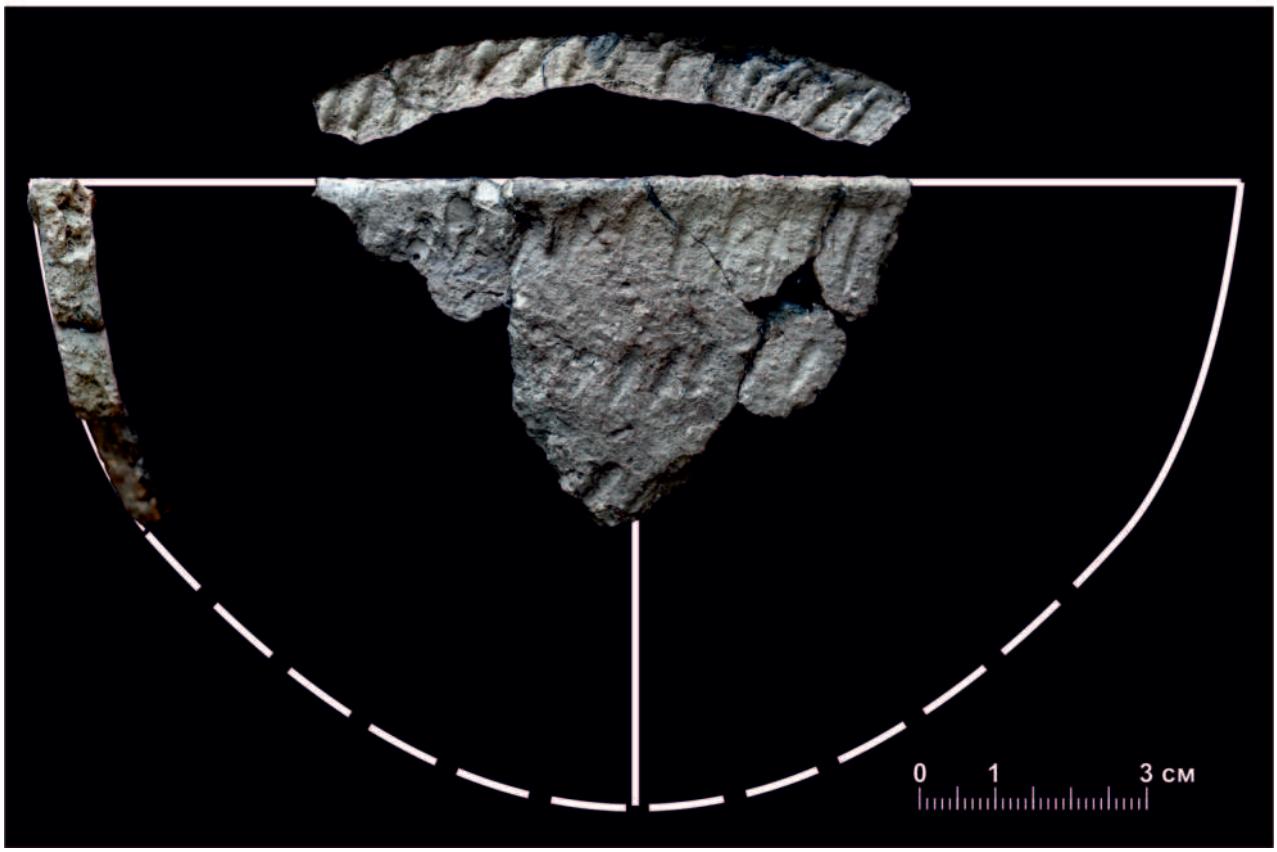


Рис. 7. Ласта VI. Керамический сосуд (графическая реконструкция).

Т.Ю.Туркина, В.Н. Карманов

МАРТЮШЕВСКОЕ II/1

Аннотация. В научный оборот в полном объеме вводятся материалы раскопок жилища № 1 на поселении Мартюшевское II. Памятник расположен в долине р. Печоры, на правом берегу ее левого притока – р. Северной Мылвы (Троицко-Печорский район Республики Коми). Раскопом 106 кв. м изучены следы и остатки жилого сооружения размерами 5,2 х 8,4 м с одним достоверным входом-выходом, и, возможно, с переходом, соединяющим его с тамбуром или камерой-пристройкой.

В жилище выявлены остатки двух мест кремнеобработки и место складирования отходов производства. Анализ продуктов расщепления и заготовок на разной стадии изготовления позволяет утверждать, что здесь функционировала домашняя кремнеобрабатывающая мастерская для изготовления наконечников стрел и символических изображений – лунниц. Находки двух украшений из меди или медьсодержащего сплава – еще одна редкая для северо-востока Европы особенность комплекса.

Технико-типологические показатели каменного инвентаря, керамической посуды и металлических изделий позволяют атрибутировать изученный комплекс как памятник позднего этапа гаринской культуры и датировать втор. пол. III – перв. пол. II тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, энеолит, поселение, жилище, очаг, кремнеобрабатывающая мастерская, каменный инвентарь, кремневая скульптура, бифас, наконечник стрелы, лунница, керамика, медные украшения

T.Yu.Turkina, V.N. Karmanov

MARTYUSHEVSKOE II/1

The materials of the excavations of dwelling 1 in the Martyushevskoye II settlement are to be fully published. The site is located in the valley of the Pechora River, on the right bank of its left tributary – the Severnaya Mylva River (Troitsk-Pechora region of the Komi Republic). At the excavation area of 106 sq.m, the traces and remains of a residential structure being 5.2 x 8.4 m with one reliable entrance, and possibly with a passage connecting it to a vestibule or an extension chamber, have been studied.

The remains of two flintstone knapping areas and the storage place of waste products were found in the dwelling. By the analysis of the knapping products and blanks at different stages of manufacture there was a domestic flint workshop for the manufacture of arrowheads and symbolic images – lunulas. The findings of two adornments made of copper or a copper-containing alloy are another rare feature of the complex for the North-East of Europe.

The technical and typological features of flint artefacts, ceramics and metal items allow to attribute the studied complex to a memory site of the late Garino culture and date it back to the second half of the IIIrd – first half of the IInd millennium B.C.

Keywords: archeology, Chalcolithic, settlement, dwelling, hearth, flint workshop, stone implements, flint sculpture, biface, arrowhead, lunula, ceramics, copper adornments

Введение

Раскопки углубленных жилищ эпохи раннего металла на северо-востоке Европы, как правило, предоставляют исследователям стандартные наборы данных: следы построек, керамическую посуду, остатки мест кремнеобработки, кремневые орудия труда и охотничье вооружение (Стоколос, 1986; 1988; 1997; Косинская, 1990; Семенов, Несанелене, 1997). Исключения редки и представлены специализированными местами производства наконечников стрел (Шомвуква II, Евдино III (Семенов, Несанелене, 1997. С. 63–65, 96–102), Юмиж I (статья И.В. Верещагиной в настоящем сборнике)), фигурными кремнями, найденными единично (напр.: Истомина, Макаров, 2018) или в комплектах (Карманов, Гиря, 2018). В этой связи выделяется участок поселения Мартюшевское II с впадиной № 1, исследованной авторами в 2018 г. В результате его раскопок в углубленном жилище изучены остатки места производства наконечников стрел и фигурного кремня; найдены керамическая посуда гаринской культуры и медные украшения. В настоящее время изученный памятник уникален не только для северо-востока Европы, но и Северной Евразии в целом.

Данные о памятнике как об особой кремнеобрабатывающей мастерской уже опубликованы (Карманов, Туркина, Гиря, 2021). Эта

статья нацелена на публикацию полного объема данных об изученных сооружениях, артефактах и результатах анализа условий их залегания.

История изучения

Памятник выявил в 1962 г. В.И. Канивец. На участках, разрушенных катищем, он собрал кремневые изделия (Канивец, Лузгин, 1963. С. 52–54). В 1988 г. поселение обследовал И.О. Васкул, выявивший жилищную впадину № 1 (Васкул, 1989). В 2013 г. В.Н. Карманов обнаружил еще две впадины – № 2 и 3, а также установил, что угрозу разрушения объекта № 1 представляют боковая эрозия р. Северной Мылвы, сеть действующих лесных дорог и траншей противопожарных разрывов; деятельность местного населения (Карманов, 2014). Это послужило поводом для проведения в 2018 г. аварийно-спасательных раскопок. Тогда Т.Ю. Туркина и В.Н. Карманов исследовали участок памятника с впадиной № 1, примыкающий к кромке абразионного уступа террасы (рис. 1, 2).

Характеристика памятника

Поселение Мартюшевское II расположено на правом берегу р. Северной Мылвы (левый приток р. Печоры) в 2,5 км к ЮЮВ от пос. Мылва Троицко-Печорского района Республики Коми. Оно занимает поверхность надпойменной террасы, измененную эоловыми процессами, и примыкающую в настоящее время на юго-востоке к современному руслу реки, на юге – к древнему сегменту ее поймы. Анализ сцен космической съемки (рис. 1) и топографических карт позволяет предположить, что современное русло р. Северной Мылвы заложено в пределах долины р. Печоры. До проведения палеогеографических исследований нельзя определить, когда произошла такая кардинальная перестройка рек на этом участке.

Впадина № 1 визуально определялась на современной поверхности и изначально была понята как остатки оплывшего котлована древней углубленной постройки. Она имела овальную в плане форму с неровной поверхностью; размеры 5 х 8 и глубину 0,4 м и ориентацию по длинной оси с незначительным склонением (18,5°) по линии запад-восток или параллельно древнему руслу р. Северной Мылвы (рис. 1, 2). Раскопом площадью 106 кв. м были изучены следы и остатки четырех или пяти древних искусственных объектов: одной двухкамерной постройки или двух однокамерных сооружений; двух ям за их пределами; одной неопределенной структуры, раскопанной частично (рис. 5).

Стратиграфия

Изученные в раскопе 2018 г. отложения (рис. 3, 4) характерны для памятников с углубленными жилищами, располагающихся в подзолистых почвах, слагающих надпойменные песчаные террасы, покрытые эоловыми песками (Косинская, 1990; Карманов, 2021). Находки залегали в белесом элювиальном песке и отложениях, формирование которых связано с деятельностью первобытных людей по использованию жилого пространства. Прежде всего, это рыхловатый песок неоднородный по цветности, преимущественно темно-желтый или коричневый, реже розоватый – результат разного рода воздействий: механического (утаптывание и подсыпки грунта, локальные земляные работы (рытье ям, углублений и т.п.)), геохимического (затеки в нижележащие слои органических и минеральных веществ, освобождающихся химических элементов) и термического (функционирование очагов). Особенностью участка, изученного в 2018 г., являлись отложения, образовавшиеся в результате некоторых аномальных естественных процессов и современной хозяйственной деятельности. К первым, помимо описанных более подробно ниже криогенных трещин (рис. 3, 1; кв. 18, 19/10), относятся ямы, образовавшиеся в результате выворота корней упавших деревьев (рис. 3, 4; кв. 20, 19, 13–11/17) – частое явление на открытых участках речных долин. В одном случае такое углубление было засыпано эоловым песком (рис. 3, 4; 4, 2; кв. 13, 12/17), а в другом (рис. 3, 4; кв. 20, 19/17) – использовано в первобытности для сооружения ямы № 2. К остаткам воздействия в современности относятся углистые линзы кострищ, выкиды из ям столбовых опор беседки и от вкопанной бочки для сбора мусора; переотложенные грунты лесных дорог (рис. 3, 2; кв. 21–25/14; 4: 3–6).

Планиграфия

Центральную часть исследованного участка занимал котлован размерами 5,2 х 8,4 м и углубленного в грунт на 0,3–0,35 м (рис. 5, 7, А). В целом он соответствовал впадине, видимой на поверхности. На сохранность его

западной части повлияли естественные воздействия, зафиксированные на современной поверхности в виде трех протяженных субпараллельных канавок. Установлено, что им соответствовали углубления с клиновидным поперечным сечением, заполненные белесым песком. На верхних уровнях они имели ширину около 0,4 м, а глубина заложения в отдельных частях (кв. 13, 14/11) достигала 0,6 м. С учетом природно-климатических условий наиболее вероятно, что это остатки мерзлотных трещин. Такие механические деформации в условиях промывного режима песчаных подзолистых почв ведут и к геохимическим изменениям окружающих грунтов, что может влиять на наше представление о структурах, которые оказываются в зоне такого воздействия. Это, возможно, явилось причиной того, что фиксируемые визуально границы котлована в этой части раскопа (кв. 11–14/11, 12) не согласованы с его общим контуром. О том, что трещины заложены после «археологизации» объекта свидетельствуют, в частности, их проявления на современной поверхности впадины и залегание в них находок. Они не могут являться остатками современных конструкций, например, канав для троса мертвяков при лесосплаве. На это указывает их заполнение белесым элювиальным песком, который формируется длительное время.

К торцевой западной стене (кв. 10/13, 14) котлована примыкало углубление шириной 0,9 м и протяженностью изученной части около 0,7 м – вероятно, остатки входа-выхода сооружения.

На сохранность северо-западного участка котлована могло повлиять и сооружение объекта, изученного частично в кв. 12, 13/10,11. Его исследованную часть представляли следы углубления размерами 2,1 х 0,8 и глубиной до 0,45 м (рис. 7В). Не исключено, что это вход-выход из другого сооружения, остатки которого располагаются севернее раскопа 2018 г. Допустимо также, что это особый объект, связанный с центральной постройкой, но его оконечность и прилегающие участки также деформированы криогенной трещиной (рис. 8В), и поэтому эта связь не очевидна. Но в низах заполнения этого углубления залегали обломки керамических сосудов, части которых найдены в заполнении котлована, что увеличивает вероятность связи этого компонента структуры с постройкой. Тогда это может быть еще один вход-выход или переход к объекту, остатки которого располагаются на неизученной площади.

На центральной длинной оси постройки на расстоянии 4,5 м друг от друга располагались два очага (рис. 8А, Б) – № 1 в западной части (кв. 11, 12/13, 14), № 2 – в восточной (17/13, 14). Они выявлены как следы открытых кострищ без признаков конструктивного оформления, выраженные в виде линз бурого или темно-коричневого песка с подовальной в плане формой. Размер первой – 0,92 х 0,64 м, второй – 0,84 х 0,96 м. К первой было приурочено большее число обломков керамического сосуда, а к западу от нее выявлено углубление, заполненное кремнем – более 7 тыс. предметов. Со следами очага № 2, возможно, было сопряжено кольцевидное скопление кремневого дебитажа и некремнистый валун (рис. 7Б), находка придонной части керамического горшка с примесью раковины.

Остатки второй постройки (кв. 21–23/14–16) на современной поверхности визуально не определялись из-за того, что она была снивелирована в результате современной хозяйственной деятельности (рис. 2Б). Изученная раскопом 2018 г. часть этого сооружения имела размеры 2 х 2,5 м (рис. 8Г). Частичное исследование и разрушение верхнего горизонта не позволяют достоверно восстановить его исходные размеры и форму. Также неоднозначным является его соотношение с первой постройкой. На плане (рис. 5) они, кажется, соединены углублением (кв. 20/13–15), но являлось ли оно переходом между ними или самостоятельным входом-выходом, сказать трудно. На информативность этого участка негативное воздействие оказали строительство современной беседки с ямами для ее опор, и корневая система деревьев (рис. 2Б, 5). Среди 250 предметов, которые с большей степенью вероятности были приурочены к этому объекту, наиболее информативны грузило, аналогичное найденному у очага № I, и обломки керамической посуды, фрагменты которой залегали также вблизи того же очага, т.е. в противоположной стороне жилища. Но такие связи – признак со слабым весом и в этой ситуации допустимы три варианта интерпретации: наложение на план двух разновременных построек; наличие единой структуры, состоящей из двух

камер или постройки с тамбуром и переходом между ними.

За пределами сооружений выявлены две искусственные ямы. Яма № 1 (кв. 14,15/12) округлой в плане формы диаметром около 0,4 и глубиной 0,16 м примыкала к северной стенке котлована и содержала грунт, насыщенный охрой (рис. 7Г). Предметы в ней не обнаружены, назначение не определено. Судя по планиграфии и стратиграфии, яма № 2 (кв. 19, 20/16–18), вероятно, была впущена в уже существовавшее в то время естественное углубление от упавшего дерева (рис. 3, 4). Это объясняет результаты радиоуглеродного анализа фрагментов углей (см. ниже), отобранных со дна естественного углубления и стенки искусственной ямы. Вероятно, изначально она имела округлую в плане форму диаметром 1,0–1,3 и глубину до 0,45–0,50 м. Среди сравнительно многочисленных находок (около 700 предметов*, включая примерно 400 чешуек и керамическую крошку) в заполнении ямы обнаружены информативные артефакты: фигурка водоплавающей птицы, наконечники стрел (два целых и два обломка) и фрагмент стенки керамического сосуда. Однако эти сведения и ничем не примечательный характер заполнения не позволяют определить ее функции.

На рис. 5 и 6 представлено распределение находок на плане. Учитывая преобладание кремневого дебитажа над прочими предметами коллекции (18 883 из 20 327 экз.), оно отражает преимущественно особенности залегания отходов камнеобработки. Их наибольшее количество выявлено в границах котлована постройки. Около 7 тыс. мелких отщепов и чешуек найдены в виде компактного скопления у западного выхода и очага № 1, что указывает на то, что эти отходы производства были складированы намеренно, после уборки места производства. Не исключено, что точок мог располагаться поблизости: на это указывают концентрации дебитажа за пределами упомянутого компактного скопления вокруг очага. Но естественные деформации грунта, исказившие в значительной мере исходное распределение кремня на этом участке, лишили нас уверенности в этом. Более достоверно определяется место производства в юго-восточном углу жилища (кв. 16–18/14–16), документированное кольцеобразным скоплением из около 4 тыс. кремневых артефактов и валуном некремнистой породы без видимых следов износа (рис. 7Б). Последний мог исполнять роль импровизированного сиденья мастера.

В целом, ситуация пространственного распределения находок в раскопе 2018 г. не типична, ведь для углубленных построек неолита и энеолита региона, за редким исключением, характерно ограниченное котлованом залегание культурных остатков. Предметы неравномерно распределены по всей площади раскопа. За пределами постройки найдено сравнительно большое число предметов, хотя такие концентрации и плотность, как в жилище, конечно, не характерны. Исключение составляют заполнения ямы № 2 и частично изученного объекта.

Для понимания условий формирования контекста важно объяснить такую нетипичную ситуацию. Пространственное соотношение отходов производства в жилище и за его пределами показывает отсутствие их концентраций вне постройки, но этот признак имеет слабый вес. Гораздо значительнее показатель соотношения специфических изделий – лунниц и наконечников стрел. Их распределение выглядит таким образом. К заполнению котлована приурочены заготовка, шесть близких к завершению или завершенных лунниц, два изделия по форме схожих с ними. К югу и северу от жилища найдено соответственно пять и три предмета в разном состоянии обработки и сохранности. По типам эти фигурные кремни также распределены равномерно.

Вместе с обломками к заполнению котлована приурочены 24 из 45 наконечников, что составляет более половины орудий этого типа; а за пределами жилища оказались преимущественно их обломки. Из 14 целых наконечников стрел и их заготовок лишь три найдены вне жилища: один к северу от него и два – в яме № 2. Показательны протяженные связи по ремонтажу обломков некоторых заготовок бифасов, части которых приурочены к котловану жилища и пространству за ним и залегающие на разных глубинах. Металлические изделия найдены у северной стенки жилища. Обломки керамической посуды в основном в

** Здесь и далее указано примерное число, поскольку в условиях тайги очевидны перемещения предметов в слое из-за деятельности корневой системы деревьев, и на пограничных участках происходит частичное перемешивание с находками из других функциональных зон.*

заполнении котлована. Исключение составили девять фрагментов, обнаруженных в частично исследованном объекте, 10 – на участке, деформированном углублением от упавшего дерева, один – в яме № 2.

Наличие переотложенных грунтов и потревоженных участков культуровмещающих отложений мощностью до 0,1–0,15 м, особенно в северо-восточной части впадины, свидетельствует о механическом воздействии на уже существовавшую впадину: это современная хозяйственная деятельность и естественные процессы. Их результатом стали ямы для столбовых опор беседки и неопределенных несохранившихся современных конструкций в восточной части раскопа; яма от вкопанной современной бочки для мусора (кв. 14, 15/10, 11), естественное углубление (кв. 11–13/16, 17), образовавшееся от упавшего дерева и заполненное эоловым песком (сохранилось непотревоженное переслаивание песков разной зернистости). Какие-то неопределенные воздействия оказывались на жилище и после «археологизации», о чем свидетельствуют неестественно неоднородное залегание элювиального песка и его деформации. Именно этими неблагоприятными факторами объясняется наличие предметов за пределами сооружения.

Коллекция

Включает 20 327 предметов: 19 905 – кремневых изделий, 111 – артефактов и манупортов из некремнистых пород (точнее не определялись), 209 обломков 10 керамических сосудов, неопределенное изделие из глины, два изделия из металла, 99 фрагментов кальцинированных костей (рис. 9–17; табл. 1).

Каменный инвентарь

Среди изделий из кремня преобладают отходы камнеобработки: чешуйки (10 247 экз.), отщепы (7084), пластинчатые сколы (302), куски (19), осколки и термические отщепы (1905). Обращает на себя внимание большое количество изделий с признаками намеренной тепловой обработки (1448) и разной степени термического воздействия (1787). Среди диагностируемых технологически значимых продуктов расщепления доминируют сколы оформления бифасов, преимущественно отщепы мелких размеров (от 1 до 3 см) – 4185 экз. Этому соответствует большое количество двусторонне обработанных кремней на разных стадиях расщепления – от отдельностей сырья с пробными снятиями до завершенных изделий – 217 экз. В 45 предметах распознаются наконечники стрел, в 15 – лунниц, а у 157 экз. целевая форма достоверно не определяется, но с наибольшей степенью вероятности – это заготовки наконечников.

Количественные и качественные характеристики коллекции каменного инвентаря свидетельствуют о производстве в изученной постройке Мартюшевской II двусторонне обработанных изделий – наконечников стрел и фигурного кремня (рис. 9–12). Все они сделаны из отдельностей кремня, исходные формы и характеристики которых часто неопределимы из-за намеренной термической обработки и изменения изначальных поверхностей в результате бифасиального расщепления.

Судя по целым изделиям, наконечники стрел представляют собой бифасы в основе листовидной в плане формы. Для определения размерности и описания форм использованы данные только по артефактам и их фрагментам, обработка которых завершена или близка к таковой: самый крупный наконечник имел размеры 14 х 63 мм (рис. 10, *9*), а самый мелкий – 12 х 26 мм (рис. 10, *1*). Показатель массивности – отношение максимальной ширины к наибольшей толщине – рассчитан также на основании измерений целых завершенных предметов и составляет в среднем 2,95.

Выделяются две группы наконечников – с прямым и вогнутым основаниями. Изделий с прямой базой – 13, включая шесть обломков (рис. 10, *4–7, 9*), с вогнутой – семь, в том числе три фрагмента. У двух наконечников прямое основание скошено (рис. 10, *4*). Выделяются три предмета, у которых шипы, образованные выемкой, имеют разную длину (рис. 10, *1–3*). На одном из фасов самого крупного наконечника с незначительно обломанным острием сохранились остатки клея для крепления к древку стрелы (рис. 10, *9*). Анализ этого вещества не проводился.

Коллекция наконечников стрел была изучена Е.Ю. Гирей. В результате определено, что они не имеют явных следов использования или неутилитарного износа. Исключение составило одно орудие, история которого сложна и пока непонятна (рис. 10, *3*). В настоящее время наиболее вероятное объяснение комплекса следов на нем – его необычное использование в качестве поперечно-лезвийного

наконечника (Карманов и др., 2021. С. 28, 29; рис. 6).

Не исключено, что три наконечника стрел могли быть изготовлены с применением ретушера с медной рабочей частью (рис. 10, *3, 6, 9*). Об этом может свидетельствовать так называемая «пильчатая» ретушь – субпараллельные фасетки равной ширины (в среднем 2,2 мм). В результате производства сколов со сравнительно массивным началом скалывающей образовывались высокие межнегативные ребра на поверхности и зубчатый край изделия. Однако специальный анализ на предмет поиска следов меди и эксперименты по расщеплению региональных видов сырья не проводились. Фактическая база по другим регионам также крайне ограничена (подробнее см.: Тарасов, 2002. С. 388–392), хотя утверждения о «пильчатой» ретуши как свидетельстве использования медных инструментов для расщепления встречаются еще в работах 1940-х гг. (напр.: Фосс, 1949. С. 42). В ходе трасологии наконечников стрел Мартюшевской II следы окислов меди не обнаружены, однако это не исключает вероятности использования медных орудий расщепления.

Фигурный кремень, найденный в жилище, представляют 15 бифасов серповидной формы, которые интерпретируются как символические изображения «молодой» или убывающей Луны – лунницы (рис. 11, *1–7*) и фигурки водоплавающей птицы (рис. 12, *11*). Большая часть изделий дошла до нас в обломках. Исключение составляют один целый, возможно, завершенный предмет (рис. 11, *3*); две заготовки в финальной (рис. 11, 7) и начальной (рис. 11, *8*) стадиях расщепления. Размеры восстановимых и близких к завершению форм колеблются от 2 до 3,9 см по ширине и от 1,3 до 2 см по высоте, а заготовок – 5 х 4,2 (рис. 11, *7*) и 2,7 х 5,3 см (рис. 11, *8*).

Согласно группировке, предложенной А.М. Жульниковым (Жульников, 2010. С. 304, 305; рис. 1), пять изделий без выемок в центральной части достоверно относятся к варианту А группы 1 – полные бифасы серповидной формы (рис. 11, *3–6*). Два предмета с треугольными выступами на выпуклой части (рис. 11, *1, 2*) принадлежат варианту А группы 2. Их отличает еще и то, что они изготовлены из сравнительно тонких отщепов с двусторонней обработкой контура изделий. Другие фигурные кремни в коллекции – обломки и их изначальная форма предположительна (рис. 12, *1–7*). Однако разница в обработке изделий разных групп позволяет отнести их с большей степенью вероятности к простейшим формам варианта А группы 1.

По аналогии с описанными выше символическими изображениями еще три предмета в обломках могли быть частями фигурных кремней или оригинальными формами орудий (рис. 12, *8–10*).

В коллекции также присутствуют два бифаса. Один из них, в завершающей стадии расщепления с уже легко узнаваемой формой варианта А группы 1 (рис. 11, *7*), скорее всего, был забракован мастером из-за серии сколов со ступенчатыми окончаниями на обеих поверхностях и/или поломки. Очертания второго предмета в плане близки сегменту и очевидны усилия по приданию ему формы лунницы (рис. 11, *8*), но серия неудачных снятий с заломами, вероятно, помешала дальнейшей обработке заготовки. Благодаря наличию такого брака можно предварительно судить о стадиях изготовления фигурного кремня, и, несомненно, это весомый аргумент в пользу их производства на изученном месте. Это подтвердил и трасологический анализ, показавший отсутствие каких-либо следов износа. Кроме символических изображений, на памятнике обнаружена частично обломанная орнитоморфная скульптура. Ее пространственное положение также отличается – она найдена в заполнении ямы № 2 за пределами постройки (рис. 12, *11*).

В коллекции 127 изделий из кремня использовались в качестве орудий. Прежде всего, это разнообразные сколы с краевой ретушью и признаками утилизации, которые использовались в разных насущных кратковременных трудовых операциях (60 экз.) (рис. 13). Среди морфологически выраженных орудий преобладают скребки (44) на отщепах, преимущественно концевые (рис. 14). Меньшим числом представлены ножи на сколах разных видов и форм (12 экз.), скобели (6), проколки (3), комбинированные орудия (3 экз.) (рис. 15). Все орудия сделаны на отщепах, среди которых как минимум 30 – сколы бифасиального утончения.

Некремнистые породы представляют преимущественно необработанные отдельности

сырья в виде галек, плиток и их обломков. Учитывая, что терраса и покрывающие ее эоловые пески не содержат такой крупный обломочный материал, можно утверждать, что в первобытности его намеренно принесли в жилище. Среди манупортов выделяется валун уплощенной формы размерами 0,24 х 0,36 м (рис. 7Б). Он не имел явных следов износа и залегал в углу сооружения, в окружении микроскоплений кремневого дебитажа, что позволяет предположить его использование первобытным мастером в качестве сиденья.

Орудия из некремнистых пород представляют четыре абразива – изделия с явными макроследами утилитарного износа на одной из поверхностей: два грузила – гальки с намеренно оформленными противоположными выемками по краям (рис. 16, *1, 2*), галька-отбойник, два неопределимых орудия. Из этого перечня особо следует отметить грузила на плоских гальках – крайне редкая категория находок на памятниках европейского Северо-Востока всех археологических периодов. Подобные изделия были ранее известны всего в двух комплексах эпохи раннего металла: Галово II/1 на р. Ижме (Лузгин, 1972. С. 46) и Нижние Вальды на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. С. 90; рис. 56, 2, 3). Кроме того, сведения о двух таких предметах памятника Пидж I публикуются в настоящем сборнике (см. статью О.А. Лыскова и др.).

Керамика

Керамическую коллекцию представляют 210 обломков от 10 емкостей и фрагмент неопределенного керамического изделия (рис. 17, *1–10*). По составу формовочной массы, определенной визуально и предварительно в самых общих чертах, и декоративному оформлению выделяются две группы посуды и обломок сосуда, не входящий ни в одну из них. Формы посуды и композиции орнаментов на них невосстановимы, поэтому корреляция технологических и декоративных признаков слаба и определяется только по характеристикам элементов орнамента. Изготовленные из разных составов формовочных масс горшки украшены оттисками разных зубчатых штампов.

Первую группу представляют по крайней мере четыре сосуда, сделанные из глины с растительной органической примесью. Структура стенок керамики пористая, фрагменты хрупкие. Наиболее информативен обломок верхней части сосуда с очень слабо выраженной шейкой. Его венчик скульптурно оформлен пальцевыми защипами (так называемый гофрированный венчик), а внешняя поверхность украшена наклоненными вправо оттисками зубчатого штампа, сгруппированными в неопределенном количестве в наклонный ряд (рис. 17, *4, 5*). Элемент орнамента – так называемая «пунктирная» гребенка длиной до 45 мм и средними размерами разреженных зубцов 1,6 х 2,0 мм. На обломке другой емкости сохранился фрагмент декора в виде двух горизонтальных рядов оттисков «гребенки» длиной до 25 мм со средними размерами плотных зубцов 1,8 х 2,5–2 х 3,5 мм. Единично мелкой частью представлена очень низкая емкость с плоским дном (рис. 17, *1*). В виде мелких обломков верхних частей сохранились сосуды с венчиком, имеющим в сечении простую форму с прямым торцом, украшенным оттисками гребенчатого штампа (рис. 17, *2, 3*).

Во вторую группу включены единичные обломки посуды, сделанные из глины с минеральными примесями, скорее всего, дробленой дресвы (рис. 17, *8–10*). Различия в орнаменте, сохранившемся частично на трех представленных на рисунке фрагментах, свидетельствуют о трех емкостях, формы которых не определяются. Один из них орнаментирован горизонтальным поясом из пунктирной «гребенки» и множественными горизонтальными рядами наклонных отпечатков личиночного штампа или вдавлениями углом зубчатого штампа. Другой сосуд, вероятно, декорирован оттисками гребенчатого штампа, образующими квадраты или ромбы. Третий отличают отпечатки штампа с широкими и короткими зубцами.

Единично в коллекции представлена часть основания круглодонного горшка, изготовленного из глины с примесью дробленой раковины (рис. 17, *7*). Декор сохранился фрагментом двух разнонаклонных оттисков гребенчатого штампа неопределенной длины с плотными зубцами средних размеров 2,5 х 4,5–5,0 мм.

Изделия из медьсодержащего сплава представляют накладка (?) округлой в плане формы, изготовленная из плоской витой проволоки, скрученной в спираль (рис. 17, *11*), и язычок пряжки или обломок браслета (рис. 17, *12*).

Фаунистические остатки представлены очень мелкими обломками и крошкой кальцинированных костей, в том числе рыб (судя по имеющимся позвонкам).

Культурная атрибуция

Для определения культурной атрибуции материалов раскопок 2018 г. поселения Мартюшевское II информативны наконечники стрел, фигурные кремни, керамическая посуда и металлические изделия.

Листовидные наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием широко распространены в культурах эпохи раннего металла от Урала до Балтики. На крайнем северо-востоке Европы они типичны для жилищных комплексов чойновтинской культуры – аналога гаринской культуры в этом регионе. По опубликованным данным, такие или очень близкие им формы присутствуют в коллекциях поселений Галово II (Лузгин, 1972; рис. 9, 1–12) и Ласта VIII (Истомина, Макаров, 2018; рис. 4, 1–10) в долине р. Ижмы, Чойновты II и Ошчой I на р. Мезени (Стоколос, 1986; рис. 85, 18–26; 92, 1–9; 101, 1, 2; 109, 1), Угдым IБ (Карманов, 2019; рис. 4–6) и Вад I (Королев, 1997; рис. 9, 9, 10) на р. Вычегде, Усть-Кедва I, Шомвуква II, Евдино II на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997; рис. 11, 1, 2, 6, 7; 15, 6–9; 22, 3–5; 32, 1, 5–7; 39, 4, 5; 45, 14; 63). В коллекции Мартюшевской II есть всего три наконечника формы, отсутствующей на этих памятниках: изделия с вогнутым основанием и шипами разной длины. Подобные вещи найдены преимущественно в комплексах позднего этапа гаринской культуры – Выстелишна (Бадер, 1961; рис. 43, 7, 8), Заюрчим I (Коренюк, Мельничук, 2010; рис. 4, 4, 8), Гагарская III (Денисов, Мельничук, 2014; рис. 6, 8). Остальные формы наконечников Мартюшевской II являются среди прочих определяющими признаками этой же культуры (напр.: Бадер, 1961. Рис. 17, 6–8, 14; 31, 1, 4, 6, 8; 43, 1, 4, 5, 7–9; Наговицын, 1990; табл. 5; Коренюк, Мельничук, 2010; рис. 4, 4, 8).

Описанные формы наконечников стрел известны и на памятниках за границами определенного ареала гаринской (чойновтинской) культуры к западу от него – это памятники энеолита и эпохи бронзы на территории современной Карелии (Тарасов, 2002; рис. 1, 1–14; Жульников, 2005; рис. 186, 1–5). Но их количество и состояние дебитажа при отсутствии кремнистых пород вынуждают исследователей объяснять ситуации нахождения кремневых бифасов, доказывая их спорадическое производство на месте или импорт в результате обмена или миграций (напр.: Manninen et al., 2002. P.161–179).

А.М. Жульников описал и проанализировал географию и культурно-хронологическую атрибуцию кремневых лунниц разных форм. Простейшие формы варианта А группы 1 распространены тремя ареалами на обширной территории Русской равнины: в ее центральной части, на севере в Прионежье и в низовьях Северной Двины, на крайнем северо-востоке Европы (Жульников, 2010; рис. 3, 4). В настоящее время последний ареал может быть расширен на восток за счет материалов поселения Мартюшевское II на р. Печоре, на юг – находок на памятниках бассейна р. Камы (Пермский край) – Чашкинское озеро VI (Мельничук, Пономарева, 1984; рис. 3, 9), Симониха 2 и Красное Плотбище (сообщение А.Ф. Мельничука), а на юго-восток – предметов из Муллино III, Полуденки II и 1-й Береговой стоянки (Сериков, 2014; рис. 9, 1, 3, 4). Правда, лунница с Полуденки II изготовлена из кварца, но при помощи полной бифасиальной обработки.

Однако достоверно культурная атрибуция большинства этих находок не определена, поскольку они выявлены в слоях поликультурных и многокомпонентных памятников. Имеющиеся достоверные ситуации позволяют связывать их с материалами волосовской культуры, с поселениями с асбестовой керамикой типа Оровнаволок и Войнаволок, с керамикой типа Тихманга–Модлона – памятниками энеолитического времени (Жульников, 2010. С. 309).

В этой связи более определенными являются контексты лунниц, найденных на современной территории Республики Коми – гомогенных жилищных комплексов Ласта VIII и Мартюшевское II, имеющих достоверную связь с гаринской (чойновтинской) культурой энеолита. С этим же культурным образованием связан и клад с зооморфными кремневыми скульптурами из жилища Угдым IБ (Карманов, Гиря, 2018) и набором кремневой пластики поселения Лопью на р. Локчим (Археологическая карта Республики Коми, 2014; рис. 23, 6, 10). Вместе они составляют

наиболее информативный фонд источников для изучения миниатюрной кремневой скульптуры на северо-востоке Европы.

Такие показатели, как примесь раковины в тесте; пористость керамики; гофрированный венчик и орнаментация длинными гребенчатыми оттисками позволяют предположить соответствие керамической посуды Мартюшевской II керамике памятников гаринской культуры на позднем этапе ее развития. Среди них поселения Заюрчим I (Коренюк, Мельничук, 2010; рис. 4, 26, 27), Рычино III (Денисов и др., 2012. С. 115, 116; рис. 3, 3, 4) и Большая Ока I (Шорин, 1999; рис. 37, 1, 2; 38, 1–3, 7–11). В их материалах есть посуда с плоскими днищами, гофрированными венчиками и украшенная длинными гребенчатыми оттисками. Одновременно некоторые сосуды отличают налепные, в том числе гофрированные валики, отсутствующие на посуде Мартюшевской II. Но это обстоятельство может быть объяснено малочисленностью и фрагментарностью керамической коллекции этого памятника. При этом полные соответствия в материалах других поселений рек Печоры, Вычегды с Вымью и Мезени отсутствуют. Единственное исключение, возможно, посуда с гофрированным венчиком и орнаментированная пунктирной гребенкой из построек поселения Даньдор на р. Вычегде (Паршуков, 2005. Рис. 3, 2–4) и незначительная часть керамических коллекций поселений Усть-Ворыква, Усть-Кедва и Усть-Комыс на р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 6: 1; 26: 11, 12; 29: 7; 68: 3).

Керамика группы 2 сопоставима с некоторыми сосудам поселения Галово II на р. Ижме (Лузгин, 1972; рис. 11, 17, 19, 20) и Шиховское II на р. Печоре (Васкул, 2011). В жилищных комплексах этих памятников выявлена посуда, изготовленная из глины с минеральной примесью и украшенная аналогично, в том числе редко – геометрическими узорами.

Из двух металлических предметов наиболее информативно изделие, изготовленное из медной плоской проволоки. Полные аналогии этому предмету не найдены, но в целом оно напоминает часть очковидной подвески – украшения, хоть и редко, но присутствующего в коллекциях памятников гаринской культуры. Это, например, поселения Старушка, Красное Плотбище и Басенький Бор (Бадер, 1961; рис. 110, 1). Однако наиболее распространены подобные изделия в разных регионах в эпоху бронзы, в частности, памятниках абашевской культуры (напр.: Крайнов, Уткин, 1991; Большов, 2003). До накопления новых материалов трудно сказать, является ли изделие Мартюшевской II оригинальным или это реплика распространенных в эпоху бронзы украшений, в основе которых спираль из проволоки.

Хронометрия

Возможности для инструментального датирования материалов поселения Мартюшевское II представляют намеренно нагретые кремни; клеящее вещество на наконечнике стрелы (рис. 10, *9*) при условии, что это не природный битум; фрагменты древесных углей из остатков очагов и ямы № 2.

В настоящее время датированы только угли из ямы № 2 и углубления, в которое она заложена (кв. 19, 20/16–18). Наибольшие концентрации углей залегали на двух уровнях, соответствующих последовательным событиям их формирования (см. выше). В результате получены даты 3790±40 (ГИН-15928) (верхний уровень) и 4680±60 (ГИН-15929) (придонная часть ямы) ^{14}C л.н. С учетом калибровки** радиоуглеродный возраст соответствует периодам 2403–2042 и 3631–3359 кал. л. до н.э. соответственно. С событием создания искусственной ямы с наибольшей степенью вероятности связан первый образец, который в пересчете на календарный возраст относится к перв. пол. II тыс. до н.э.

Если обратиться к данным о памятниках гаринской (чойновтинской) культуры, упомянутых в предыдущем разделе, то имеющиеся радиоуглеродные определения их комплексов имеют либо широкие доверительные интервалы, либо неоднозначны. Правомерно пока говорить о широком отрезке времени в пределах III – перв. пол. II тыс. до н.э. (Карманов, 2018). Однако с учетом выявленных особенных признаков в керамической посуде (слабая профилировка сосудов, плоскодонная посуда, гофрированные венчики и т.п.), наличия металлических украшений с большей вероятностью функционирование мастерской на Мартюшевском II поселении можно отнести ко втор. пол. III – перв. пол. II тыс. до н.э.

*** Произведена в программе OxCal, v.4.4, кривая Int Cal 20, вероятность 95,4 %.*

Заключение

В результате аварийно-спасательных раскопок поселения Мартюшевское II в 2018 г. получены новые материалы для изучения эпохи раннего металла. Изучены следы и остатки углубленного жилого сооружения размерами 5,2 х 8,4 м и площадью около 44 кв. м. Возможно, она была двухкамерной. Постройка имела по крайней мере один вход-выход, а на ее центральной оси располагались два очага. В ее разных частях изучены остатки одного, возможно, двух рабочих мест мастера и место складирования отходов производства.

Технико-типологические показатели керамической посуды и кремневого инвентаря, металлическое украшение позволяют предложить атрибуцию этого комплекса как памятника гаринской культуры с большей степенью вероятности позднего этапа ее существования. Согласно имеющимся датировкам и указанным аналогиям, наиболее вероятен период бытования комплекса во втор. пол. III – перв. пол. II тыс. до н.э. Наличие металлических изделий в самом жилище и разного рода свидетельств металлообработки в комплексах бассейнов рек Камы и Печоры, сопоставимых с ним, позволяют отнести материалы раскопок 2018 г. к энеолиту или эпохе раннего металла.

Анализ планиграфии, технологии расщепления камня, морфология кремневых артефактов и трасология указывают на то, что среди следов и остатков жилища № 1 поселения Мартюшевская II изучены остатки места производства наконечников стрел и миниатюрной скульптуры из кремня. Конечная продукция мастерской – наконечники стрел листовидной формы с вогнутым и прямым основаниями, подвески-лунницы и, возможно, другие изображения кремневой пластики, учитывая фигурку водоплавающей птицы. Их изготовление велось с применением технологии вторичного бифасиального утончения и тепловой подготовки сырья к дальнейшему расщеплению.

Изученная мастерская – первое и пока единственное достоверное место производства миниатюрной кремневой скульптуры в лесной зоне Восточной Европы. Кроме того, она представила наиболее многочисленную коллекцию символических изображений в этом регионе. Опубликованные данные смогут пополнить источниковую базу для изучения разных явлений первобытной культуры энеолитического населения.

Литература

Археологическая карта Республики Коми / под ред. В.Н. Карманова. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография»», 2014. –246 с.

Бадер, О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / О.Н. Бадер. – МИА, № 99. – Москва: Наука, 1961. – 199 с.

Большов, С.В. Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) / С.В. Большов. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. –184 с. – (Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. VIII).

Васкул, И.О. Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда в 1988 г. / И.О. Васкул – Сыктывкар, 1989 // НА ИА. Р-1. № 13349, 13350; НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.405.

Денисов, В.П. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья / В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2014. – Вып. 1(24). – С. 44–59.

Денисов, В.П. Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве / В.П. Денисов, А.Ф. Мельничук, С.А. Тресков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2012. – Вып. 8. – С. 115–121.

Жульников, А.М. Кремневая скульптура в культуре древнего населения Прибеломорья и соседних регионов / А.М. Жульников // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. – Москва: Гриф и К, 2010. – С. 303–316.

Истомина, Т.В. Ласта VIII – опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме / Т.В. Истомина, А.С. Макаров // Поволжская археология. – 2018. – № 3 (25). – С. 229–241.

Канивец, В.И. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища / В.И. Канивец, В.Е. Лузгин // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1963. – Вып. II. – С. 33–41.

Карманов, В.Н. Неолит европейского Северо-Востока / В.Н. Карманов. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 226 с.

Карманов, В.Н. Отчет о разведочных работах в Троицко-Печорском районе Республики Коми в 2013 г. / В.Н. Карманов. – Сыктывкар, 2014 // НА ИА. Р-1. № 40706; НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 820.

Карманов, В.Н. Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы / В.Н. Карманов // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 3. – С. 115–125. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-115-125.

Карманов, В.Н. Тепловая обработка кремня на крайнем северо-востоке Европы в эпоху раннего металла / В.Н. Карманов // Известия лаборатории древних технологий. – 2019. – № 3. – С. 28–45.

Карманов В.Н. Виды следов в отложениях памятников V–II тыс. до н.э., крайний северо-восток Европы // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10. – № 1. – С. 192–204. DOI 10.17816/snv2021101203.

Карманов, В.Н. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) / В.Н. Карманов, Е.Ю. Гиря // Поволжская археология. – 2018. – № 3 (25). – С. 139–55.

Карманов, В.Н. Особенная кремнеобрабатывающая мастерская энеолита на поселении Мартюшевское II (долина Печоры, Республика Коми) / В.Н. Карманов, Т.Ю. Туркина, Е.Ю. Гиря // РА. – 2021. – № 3. – С. 20–36. DOI: 10.31857/S086960630011480-7.

Кашина, Е.А. К вопросу о кремневых «лунницах» в энеолите лесной зоны Восточной Европы / Е.А. Кашина // Материалы по истории и археологии России. – Рязань: «Александрия», 2010. – Т. 1. – С. 88–97.

Коренюк, С.Н. Жилищные комплексы эпохи палеометалла поселения Заюрчим I (по материалам раскопок 2009 г.) / С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. – Ижевск, 2010. – С. 180–187. – (XIII Бадеровские чтения).

Королев, К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье / К.С. Королев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 194 с.

Косинская, Л.Л. Особенности исследования поселений с полуземляночными жилищами в таежной зоне Европейского Северо-Востока / Л.Л. Косинская // Полевая археология мезолита-неолита. – Ленинград: ЛОИА АН СССР, 1990. – С. 101–107.

Крайнов, Д.А. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере Д.А. Крайнов, А.В. Уткин // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. – С. 147–159.

Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.

Мельничук, А.Ф. Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI / А.Ф. Мельничук, Л.В. Пономарева // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. – Ижевск, 1984. – С. 44–57.

Наговицын, Л.А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья / Л.А. Наговицын // Энеолит лесного Урала и Поволжья / УИИЯЛ; отв. редактор Л.А. Наговицын. – Ижевск, 1990. – С. 82–96.

Паршуков, Ю.В. Дань-Дар – новый энеолитический памятник на Средней Вычегде / Ю.В. Паршуков // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2005. – С. 23–33. – (МАЕСВ; Вып. 17).

Семенов, В.А. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): учебное пособие / В.А. Семенов, В.Н. Несанелене. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. – 172 с.

Сериков, Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала / Ю.Б. Сериков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2014. – 268 с.

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986. – 192 с.

Тарасов, А.Ю. Об использовании медных инструментов для обработки кремня на поселениях бронзового века в Карелии / А.Ю. Тарасов // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2002. – С. 388–392.

Фосс, М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» / М.Е. Фосс // Краткие сообщения о

докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – Вып. XXIX. – Москва–Ленинград, 1949. – С. 33–47.

Шорин, А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза / А.Ф. Шорин. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 183 с.

Manninen M., Tallavaara M., Hertell E. Subneolithic Bifaces and Flint Assemblages in Finland – Outlining the History of Research and Future Questions // Uniting Sea, Stone Age Societies in the Baltic Sea Region. Proceedings from the First Uniting Sea Workshop at Uppsala University, Sweden, January 26–27, 2002. Occasional Papers in Archaeology 33. Pp. 161–179.

Таблица

Мартюшевское II/1. Состав коллекции

Предметы	Количество
Некремнистые породы (точнее не определились)	**111**
Отдельности пород и их обломки	85
Отщепы	17
Абразивы	4
Грузила	2
Орудия, ближе не определимые	2
Отбойник	1
Кремневый инвентарь	**19 905**
Дебитаж, в том числе	19 557
Куски	19
Осколки и отщепы термические	1905
Отщепы	7084
Пластины	302
Чешуйки	10 247
Двусторонне обработанные изделия, в том числе	217
Бифасы на разных стадиях расщепления (незавершенные) с неопределенной целевой формой	157
Наконечники стрел, в том числе незавершенные бифасы на финальной стадии обработки	45
Лунницы, в том числе незавершенные бифасы и унифасы на финальной стадии обработки; обломки	15
Морфологические невыраженные отщепы с ретушью и ретушью утилизации	60
Скребки	47
Ножи	12
Скобели	6
Комбинированные орудия (скребок+нож)	3
Проколки	3
Керамика	**210**
Обломки стенок	200
Обломки придонной части	5
Обломки венчиков	3
Обломок очень низкой емкости	1
Керамическое изделие	1
Медьсодержащие изделия	**2**
Кость калицинированная, обломки	**99**
Всего:	**20 327**

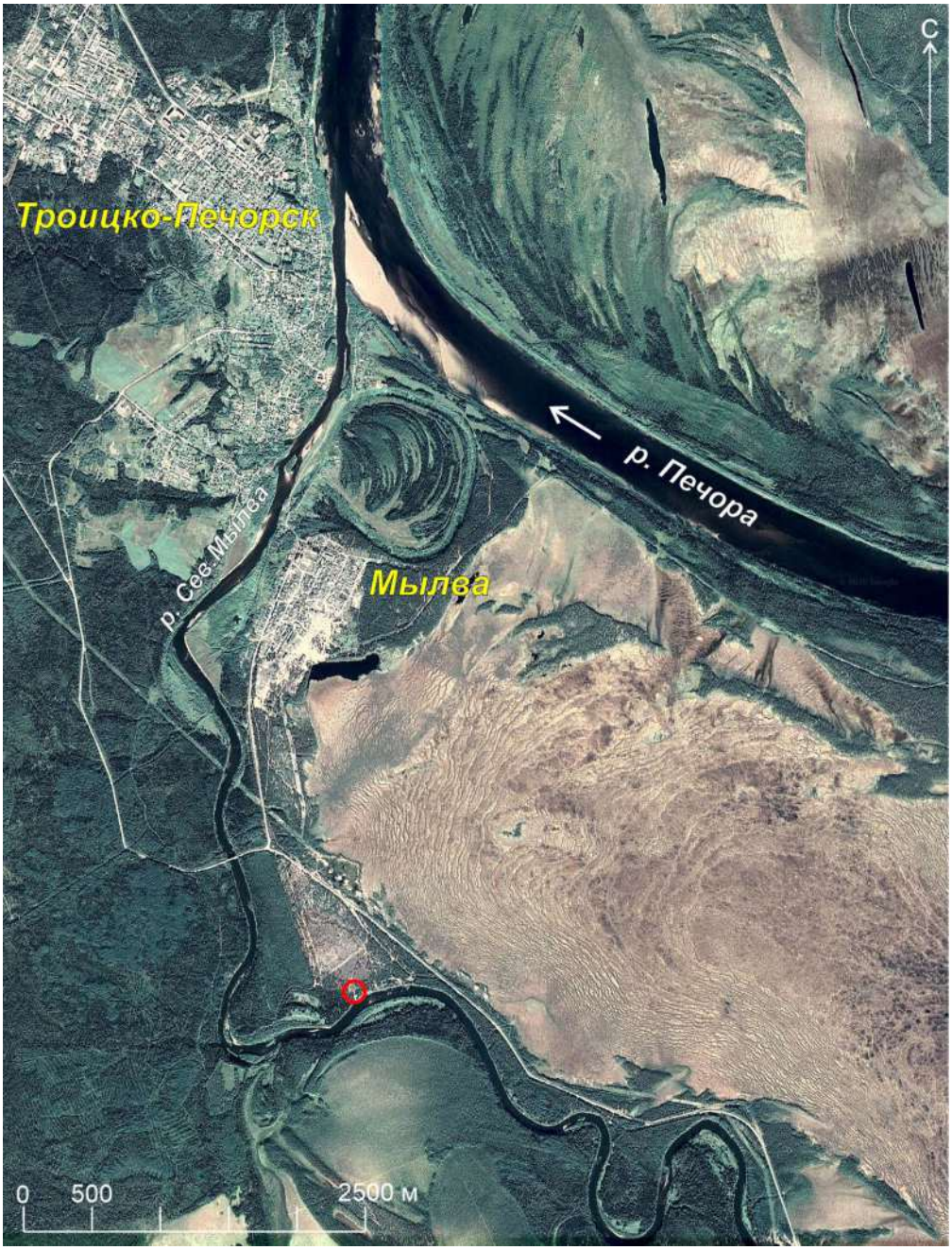


Рис. 1. Поселение Мартюшевское II. Местоположение на спутниковом снимке.

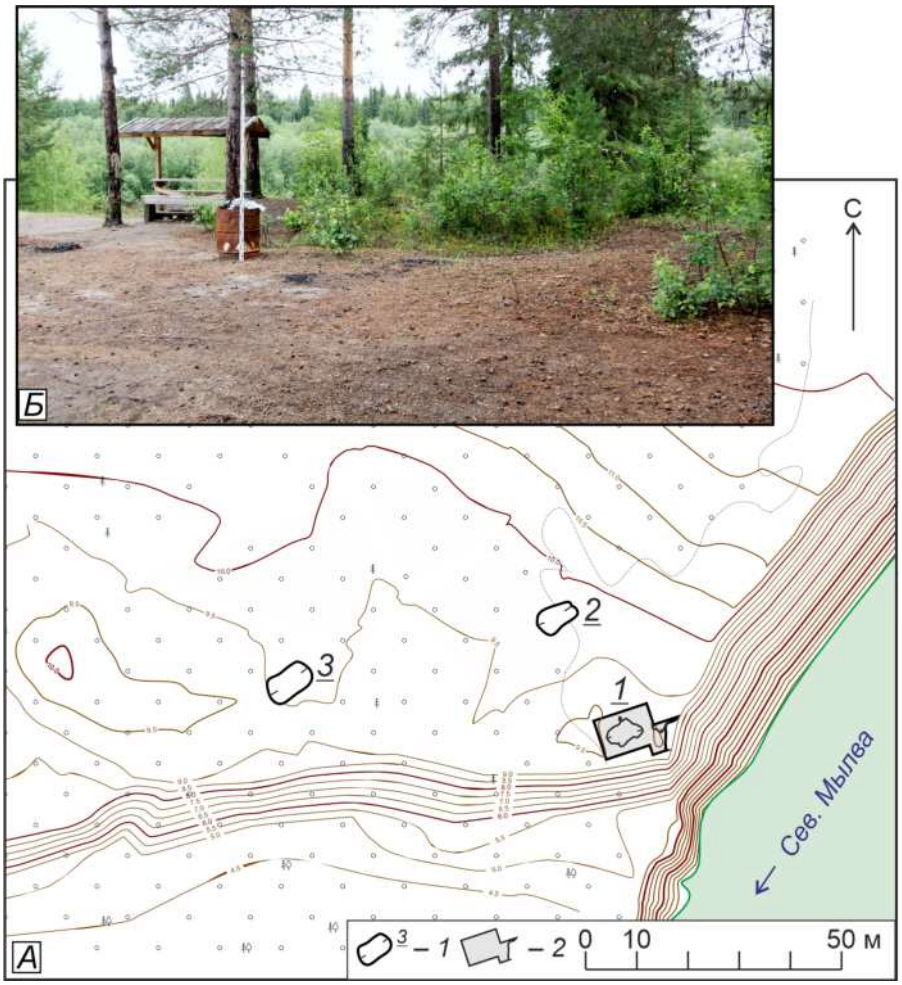


Рис. 2. Мартюшевское II/1. А – ситуационный план. 1 – жилищная впадина и ее номер; 2 – раскоп 2018 г. Б – вид на впадину № 1 с северо-запада.

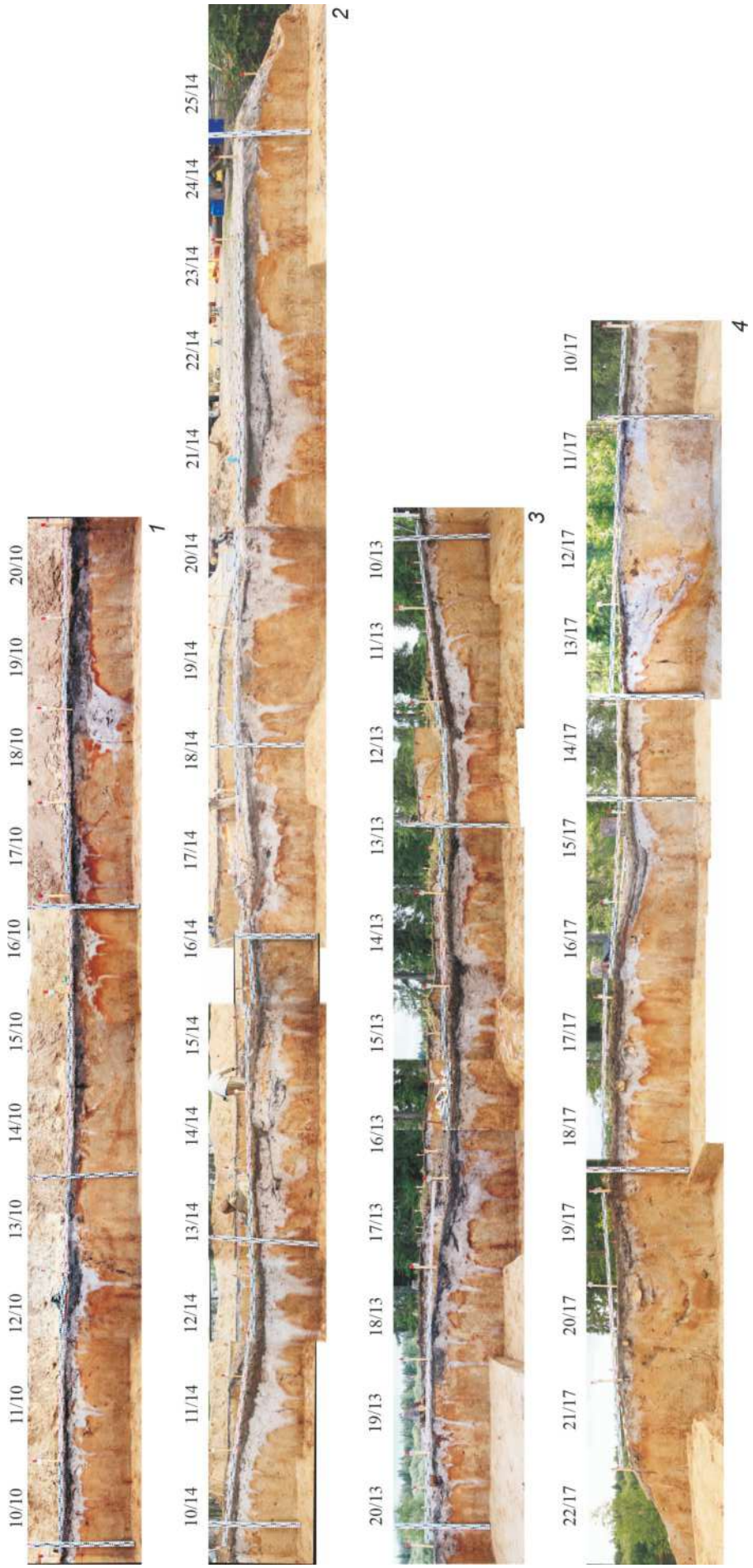


Рис. 3. Мартюшевское II/1. Стратиграфия. 1 – Северная стенка раскопа; вид с Ю; 2 – южный профиль продольного разреза; вид с С; 3 – северный профиль продольного разреза; вид с С; 4 – южная стенка раскопа и разрез ямы № 2; вид с С.

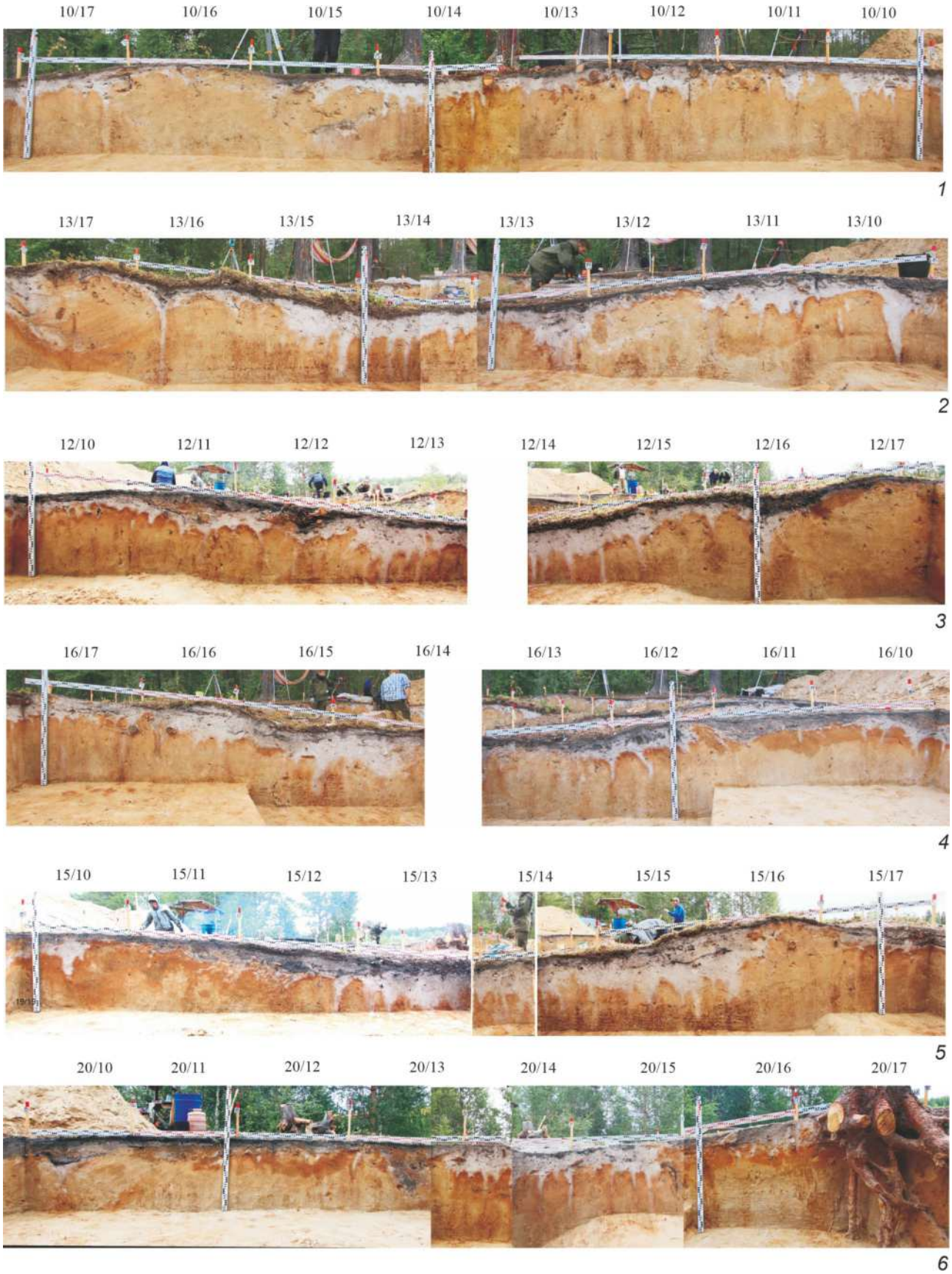


Рис. 4. Мартюшевское II/1. Стратиграфия. 1 – западная стенка раскопа; вид с В;
2 – восточный профиль поперечного разреза; вид с З; 3 – западный профиль поперечного разреза; вид с В;
4 – восточный профиль поперечного разреза; вид с З; 5 – западный профиль поперечного разреза; вид с В;
6 – восточный профиль поперечного разреза; вид с З.

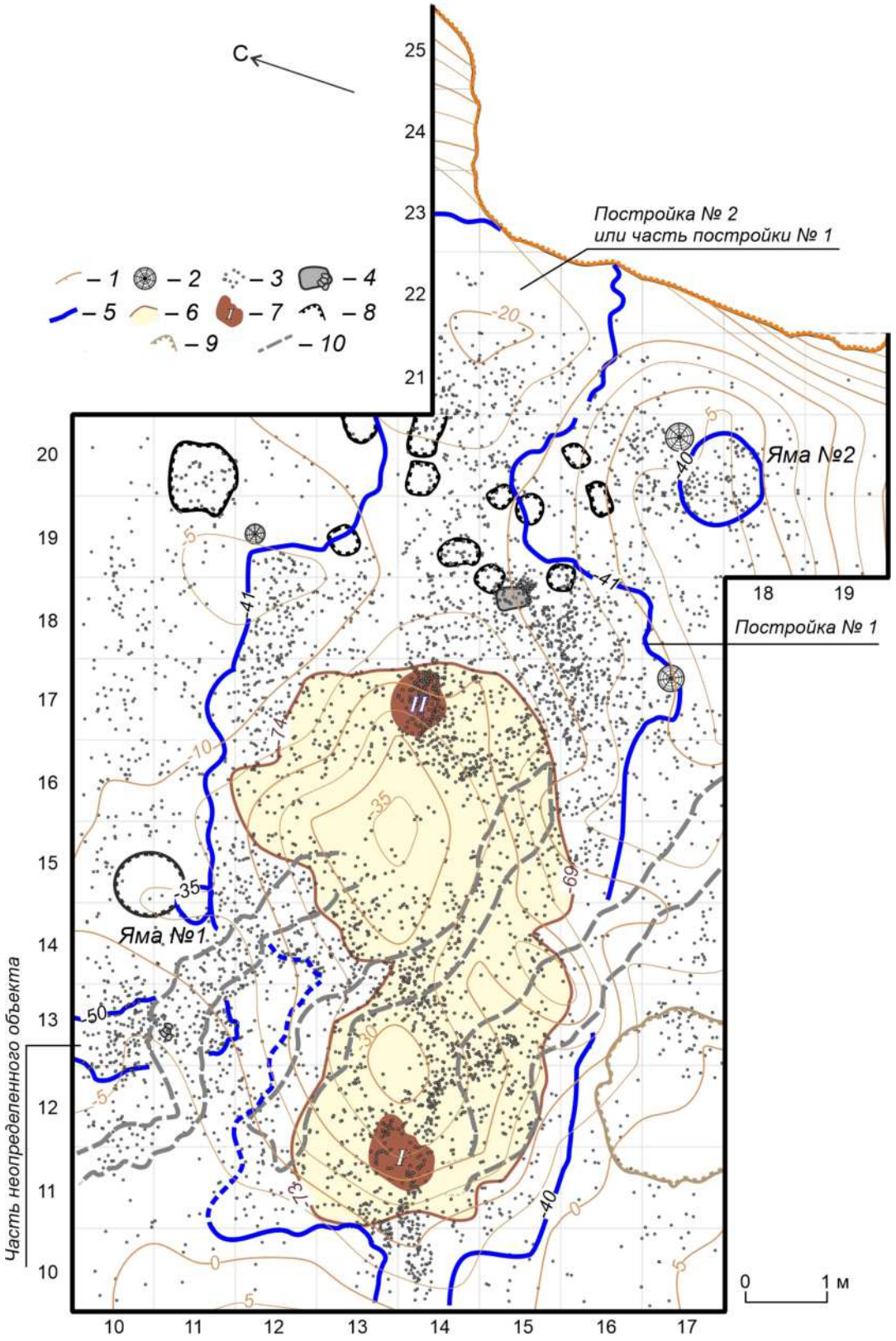


Рис. 5. Мартюшевское II/1. План раскопа. 1 – горизонтали рельефа современной поверхности, сечение 0,05 м; 2 – современные деревья; 3 – артефакты; 4 – гальки и валун некремнистых пород; 5 – границы искусственных объектов; 6 – наиболее выраженный участок культурного слоя; 7 – следы очагов; 8 – границы современных ям; 9 – яма, образовавшаяся от упавшего дерева; 10 – естественные деформации: криогенные трещины.

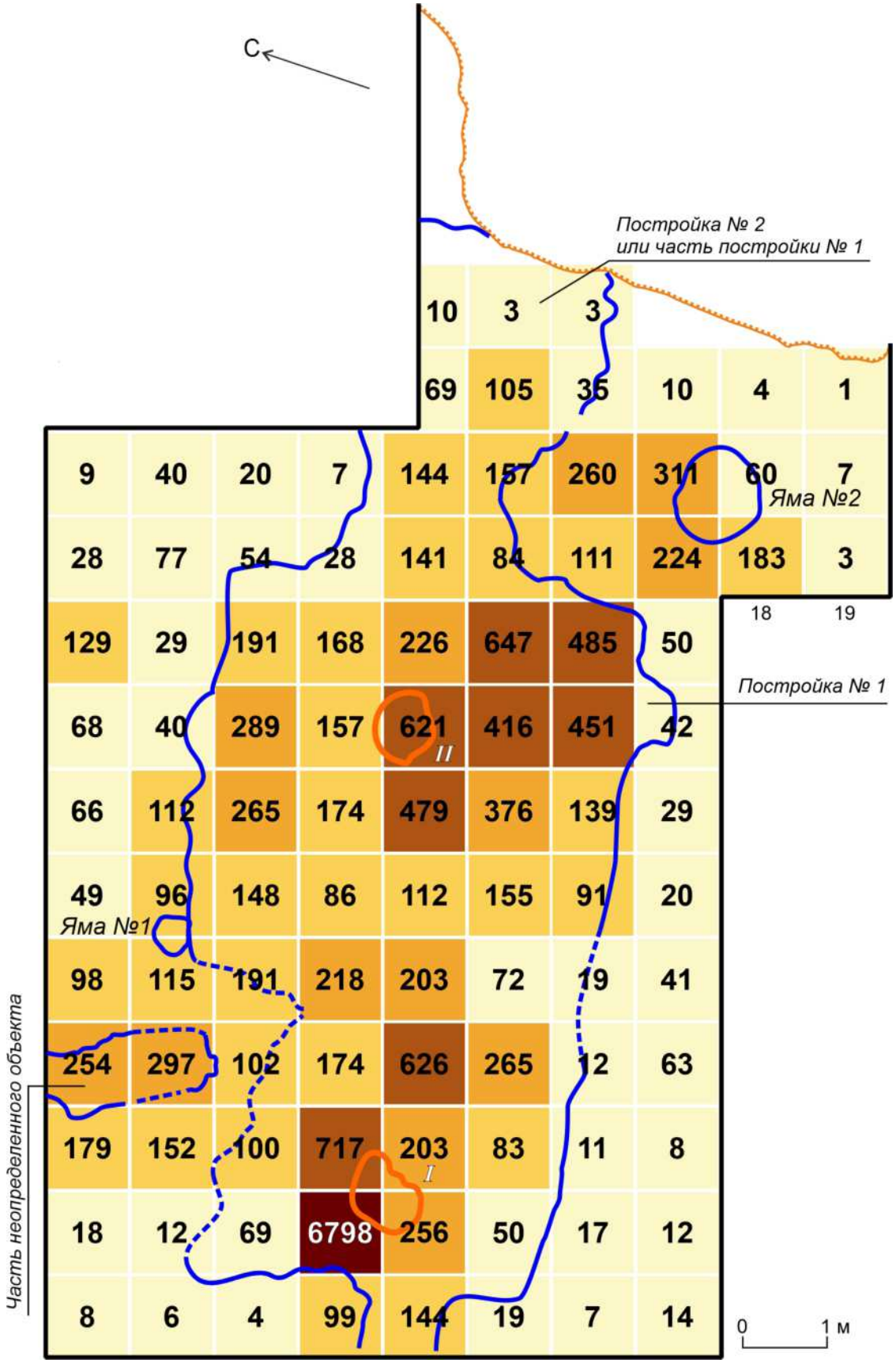


Рис. 6. Мартюшевское II/1. Количественное распределение культурных остатков на плане.

Рис. 7. Мартюшевское II/1. А – поверхность раскопа, вид с ЗЮЗ; Б – микроскопление кремня и валун в ЮВ части постройки (кв. 18/15), вид с ЮВ; В – следы неопределенного частично изученного объекта и скопление некремневой гальки (кв. 13/10–11), вид сверху; Г – яма № 1 (кв. 14–15/11), вид сверху.

Рис. 8. Мартюшевское II/1. Поверхность раскопа (детали, снимки сверху). А – следы и остатки очага № 1 (участок кв. 11,12/14, бровка); Б – следы и остатки очага № 2 (участок кв. 17/14, бровка); В – участок кв. 13–15/10–13 с ямой № 1 и криогенной трещиной (фрагмент); Г – постройка № 2 или вторая камера постройки № 1, кв. 10–25/14–16.

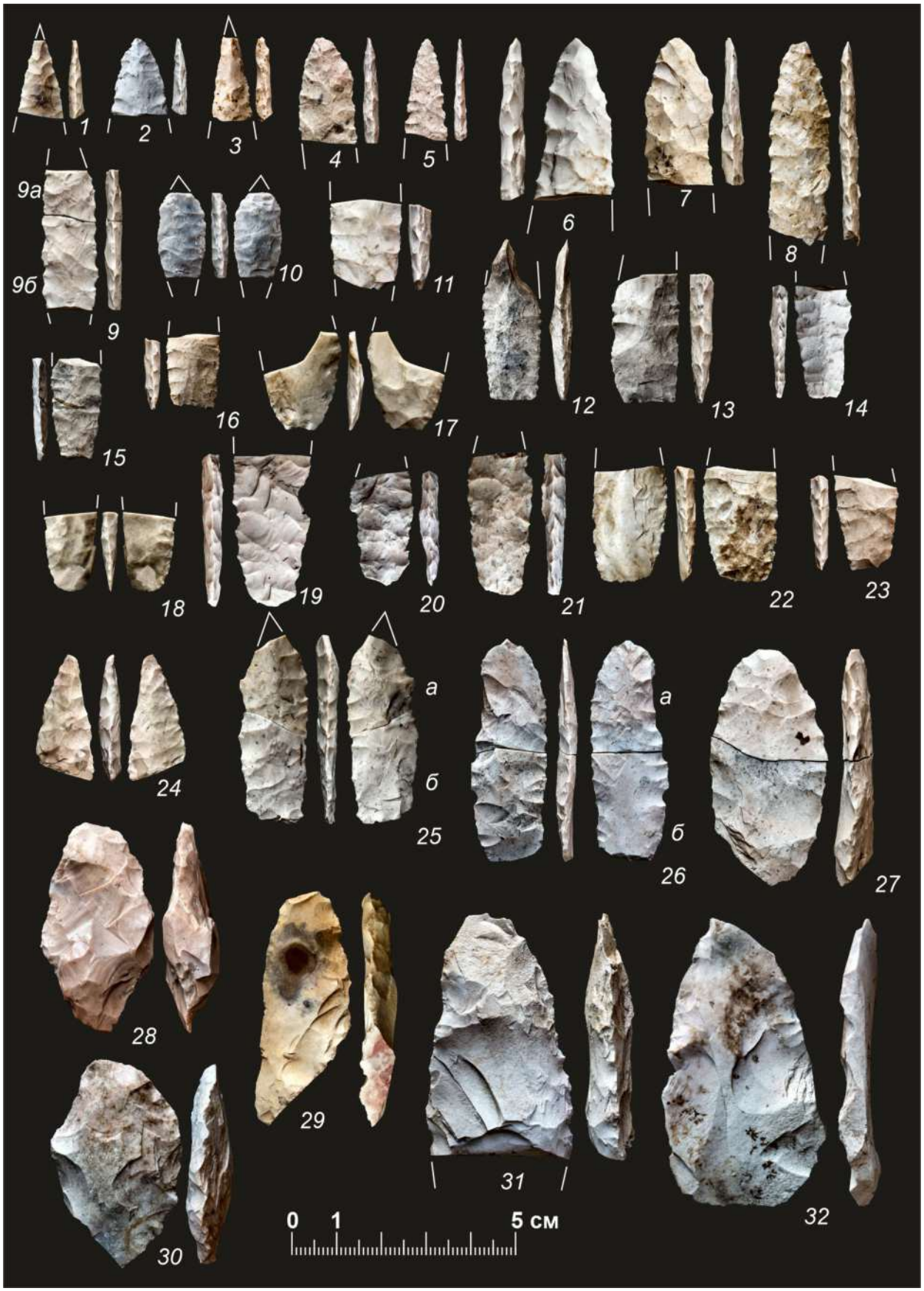


Рис. 9. Мартюшевское II/1. Обломки наконечников стрел и их заготовки.
1, 16 – яма № 2; 3, 4, 6, 9б, 12, 14, 15, 17, 20, 23, 25б, 28, 30, 32 – постройка № 1;
2, 13 – переход; 5, 7, 8, 9а, 10, 11, 18, 19, 21, 22, 24, 25а, 27, 29, 31 – вне объектов.

Рис. 10. Мартюшевское II/1. Кремневые наконечники стрел (1–9) и их заготовки (10–14).
1–5, 9–14 – постройка № 1; 6 – вне объектов; 7, 8 – яма № 2.

Рис. 11. Мартюшевское II/1. Кремневые лунницы (1–6) и их заготовки (7, 8).
1, 6, 8 – постройка № 1; 2–5, 7 – вне объектов.

Рис. 12. Мартюшевское II/1. Кремневые предметы: обломки лунниц (1–7) и изделий схожих им форм (8–10); орнитоморфное изображение (11). 2–5, 8–10 – постройка № 1; 1, 6, 7 – вне объектов; 9 – яма № 2.

Рис. 13. Мартюшевское II/1. Изделия из кремня.
1–9 – орудия на отщепах; 10–16 – отщепы с ретушью; 17–20 – ножи на пластинах.
1 – неопределенный объект; 2–9, 12–20 – постройка № 1; 10, 11 – вне объектов.

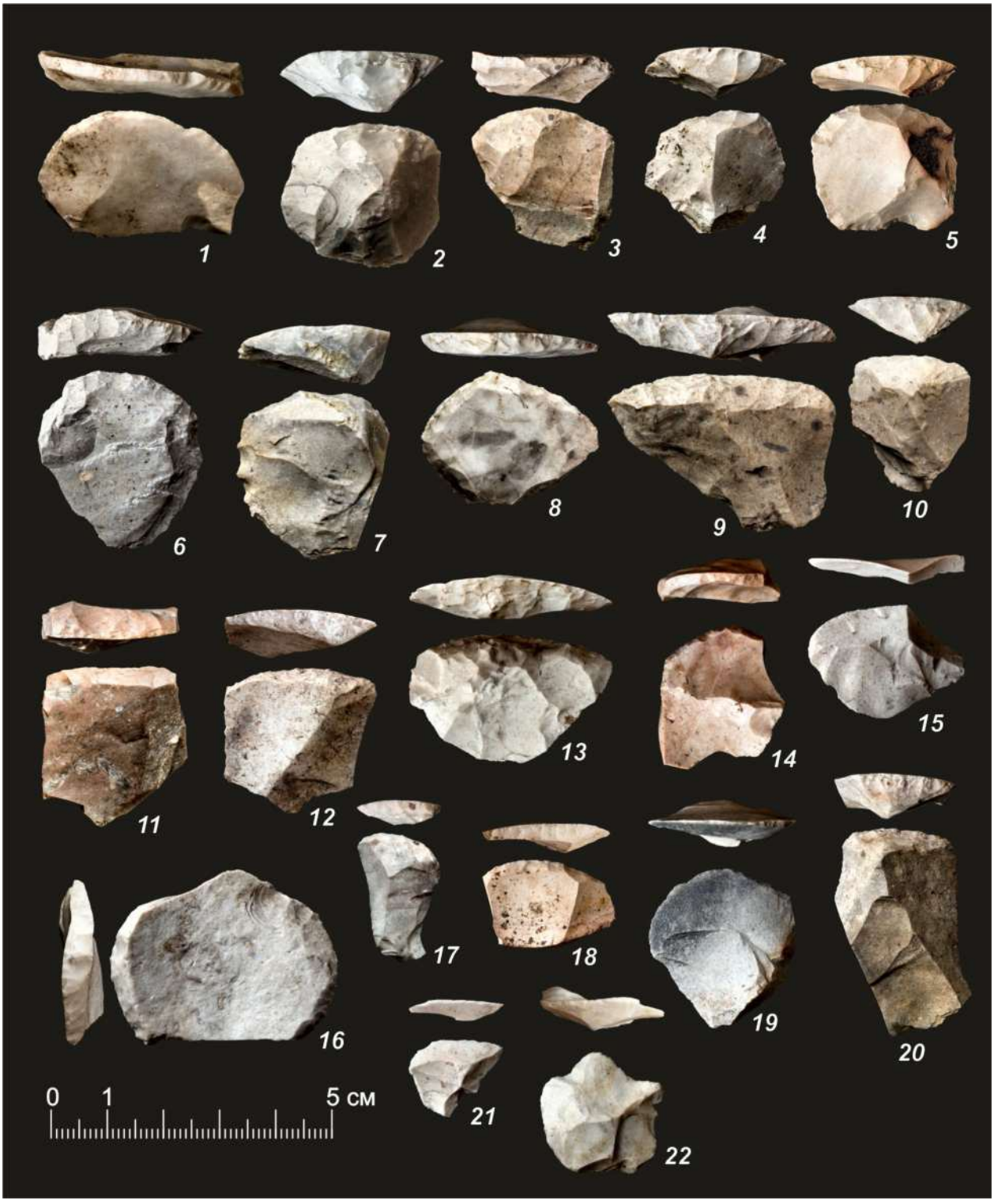


Рис. 14. Мартюшевское II/1. Кремневые скребки.
1–8, 10–12, 14–22 – жилище; 9, 13 – неопределенный объект.

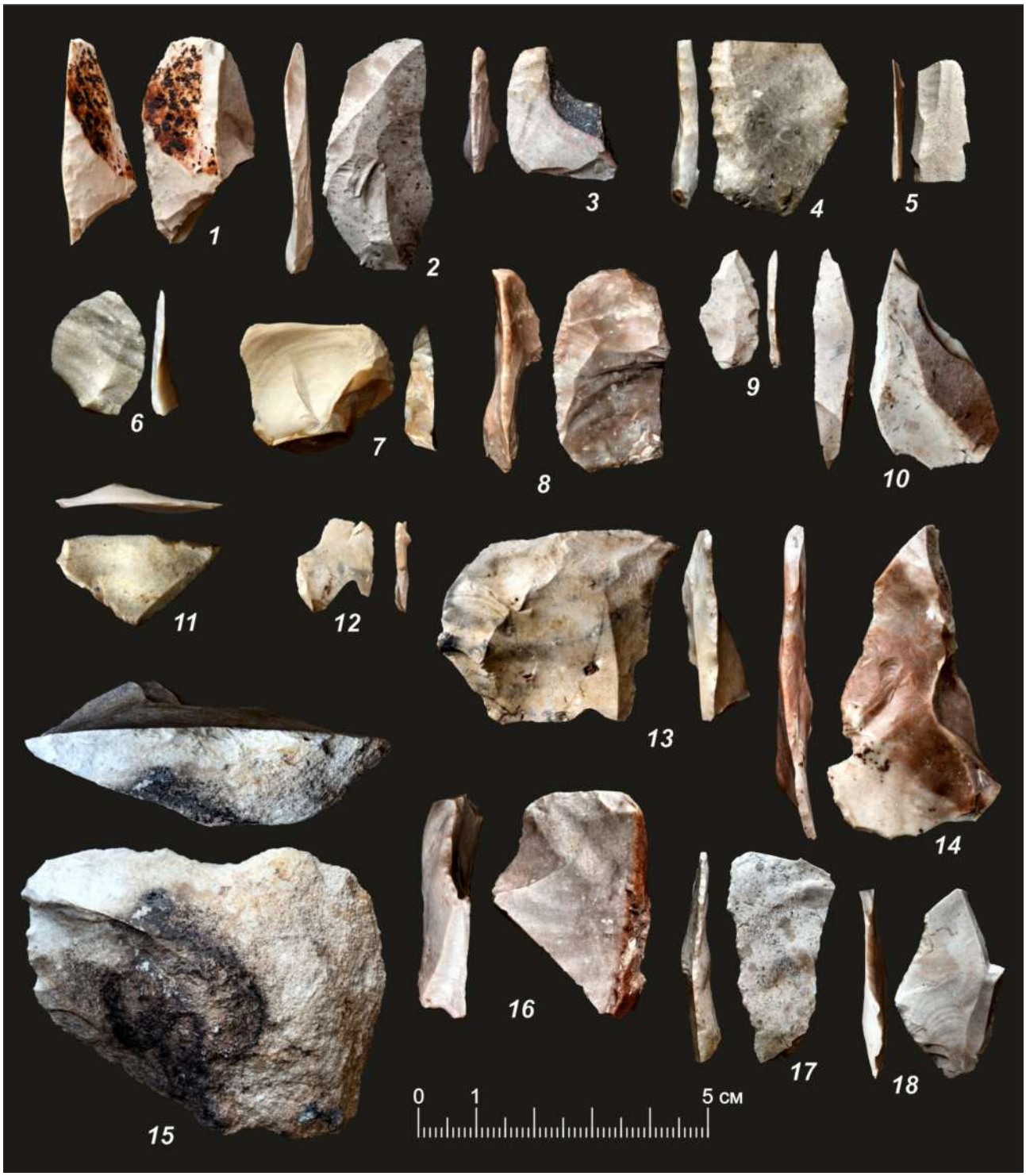
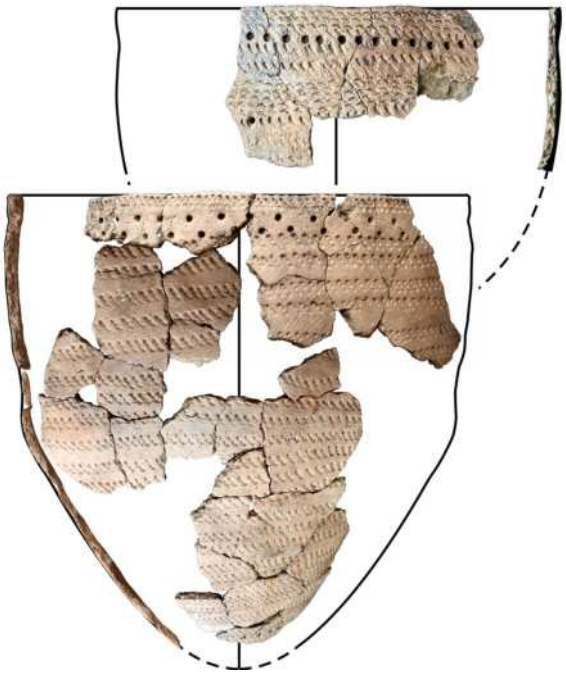


Рис. 15. Мартюшевское II/1. Кремневые изделия. 1–6 – ножи; 7–8 – комбинированное орудие (скребок и нож); 9–11 – проколки; 12–18 – скобели. 1–8, 11–14, 16–18 – постройка № 1; 9, 10 – вне объектов; 15 – постройка № 2.

Рис. 16. Мартюшевское II/1. Изделия из некремнистых пород. 1, 2 – грузила; 3 – заготовка бифаса; 4 – заготовка орудия. 1, 3, 4 – постройка № 1; 2 – постройка № 2.

Рис. 17. Мартюшевское II/1. 1–10 – фрагменты керамических сосудов;
11, 12 – медьсодержащие изделия. 1–9, 11, 12 – постройка № 1; 10 – яма № 2.

РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУР
CULTURES' DIVERSITY



О.А. Лысков, В.Н. Карманов, Е.В. Попов

ПИДЖ I/12

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот и анализируются материалы раскопок поселения Пидж I в 2003 г. (р. Печора, Троицко-Печорский район Республики Коми). На памятнике изучены остатки двух последовательных мест обитания, одно из которых представляют следы углубленного жилища площадью около 35 кв. м с одним входом-выходом и центральным очагом-кострищем (Пидж I/12А). Сооружение и функционирование этой постройки частично разрушило остатки стоянки предшествующего времени (Пидж I/12Б). Коллекцию представляют обломки керамических сосудов, кремневые орудия и сопутствующие их производству продукты расщепления; орудия из некремнистых пород. На основе анализа их технико-типологических показателей и пространственного распределения определено, что на первом этапе здесь существовало место обитания носителей ясунских или пернашорских традиций энеолита Западной Сибири, с которыми связана общим происхождением известная на европейском Северо-Востоке чужъяельская культура финального неолита – энеолита IV – перв. пол. III тыс. до н.э. На втором этапе, в период III – перв. пол. II тыс. до н.э., здесь было жилище людей гаринской (чойновтинской) культуры.

Ключевые слова: археология, гаринская культура, чойновтинская культура, чужъяельская культура, поселение, жилище, очаг, неолит, энеолит, каменный инвентарь, керамика

O.A. Lyskov, V.N. Karmanov, E.V. Popov

PIDZH I/12

The authors publish and analyze the materials of the excavations of the Pidzh I settlement in 2003 (the Pechora River, the Troitsk-Pechora region of the Komi Republic). The remains of two consecutive habitation areas have been studied in the site, one of them is traces of a semi-subterranean dwelling with an area of about 35 sq.m with one entrance and a central hearth-fire pit (Pidzh I/12A). The construction and utilization of this structure partially destroyed the remains of the previous residence (Pidzh I/12B). The collection includes potsherds, flintstone tools and the products of knapping accompanying their production; tools not made of flint. Based on the analysis of their technical and typological features and spatial distribution, it was determined that the site at the first stage was a habitat for bearers of the Yasun or Pernashor traditions of the Chalcolithic of Western Siberia.These traditions have a common origon with the Chuzhyayel' culture of the final Neolithic – Eneolithic of the IVth - first half of the IIIrd millennium B.C. known in the European North-East. At the second stage, in the period of the IIIrd – first half of the IInd millennium B.C., it was a dwelling of people of the Garino (Choynovty) culture.

Keywords: archeology, Garino culture, Choynovty culture, Chuzhyayel' culture, settlement, dwelling, hearth, Neolithic, Chalcolithic, stone artefacts, ceramics

Введение

Поселение Пидж I – один из немногих памятников энеолита в долине р. Печоры, изученных раскопками. Как и остальные комплексы, сведения о которых публикуются в настоящем сборнике (Шиховское II и Мартюшевское II) – это неординарная и потому интересная ситуация, расширяющая наше представление о первобытной культуре населения региона и позволяющая задать новые вопросы для ее дальнейшего изучения. Цель публикации – ввод в научный оборот и определение места материалов раскопок 2003 г. среди известных памятников энеолита европейского Северо-Востока и сопредельных территорий. Задачи исследования: изучение особенностей формирования археологического контекста и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря и керамической посуды. Для этого использованы анализ пространственного распределения артефактов и их признаков, а также сравнительно-типологический метод анализа керамической посуды и информативных орудий из камня.

Характеристика памятника

Поселение Пидж I расположено на правом берегу р. Печоры, 1,5 км от устья р. Верхний Пидж или 3,3 км к юго-востоку от пос. Русаново Троицко-Печорского района Республики Коми. Оно приурочено к поверхности рельефа, созданного эоловыми песками на надпойменной террасе реки, поэтому этот участок изобилует ложбинами и дюнами разной формы и ориентации.

Памятник открыл в 1962 г. В.И. Канивец, в 1963 г. он обследовал его повторно.

В результате этих разведок на разрушенной поверхности собраны кремневые изделия и фрагменты керамических сосудов (Канивец, Лузгин, 1963. С. 65–67; Канивец, 1965. С. 9). В 2001 г. поселение осмотрел И.О. Васкул. На протяжении 100 м вдоль края террасы он выявил восемь впадин, четыре из которых, по его мнению, являются остатками жилищ, а остальные – хозяйственных построек (Васкул, 2002). Один из этих объектов раскопом 112 кв. м исследовал в 2003 г. О.А. Лысков. С этого момента памятник обследовался лишь однажды – в ходе мониторинга 2013 г. Тогда В.Н. Карманов на участке 80 х 460 м вдоль края террасы, примыкающей здесь к современному руслу р. Печоры, зафиксировал на разных уровнях 21 впадину – остатки углубленных жилищ и, возможно, хозяйственных сооружений. Таким образом, с учетом изученного в 2003 г. объекта, в состав поселения входят 22 впадины, преимущественно округлой в плане формы диаметром от 3 до 12 м и глубиной от 0,15 до 0,9 м (рис. 1). Исключение составляет объект № 10 подпрямоугольных очертаний и размерами 9 х 16 м (Карманов, 2014).

В 2003 г. раскопками был исследован объект № 12 (нумерация 2013 г.), который был приурочен к участку, заключенному между пологими склонами эоловых дюн (рис. 1). Он на 100 м удален от современного русла реки и отделен от кромки берега дюной высотой 1,5 м. С учетом вероятной боковой эрозии р. Печоры расстояние до реки в моменты бытования памятника могло быть немногим больше.

Объект № 12 представлял собой впадину, выраженную на современной дневной поверхности в виде углубления овальной в плане формы с размерами 7 х 9 м и глубиной до 0,40 м (рис. 2–5). Раскоп размерами 8 х 14 м охватил саму впадину и небольшое пространство за ней. В результате изучены следы и остатки углубленной постройки, остатки двух ям за ее пределами. Следы котлована искусственного сооружения имели четырехугольную в плане форму размерами 5,7 х 6,2 м, частично деформированную (в кв. Б-4, 5) корневодами современных и несохранившихся деревьев. На юге к нему примыкало углубление, зафиксированные размеры которого – 2,4 х 1,1 м. Наиболее вероятно, что это остатки входа-выхода постройки. Следы очага (кв. В-4) выявлены в виде линзы бурого песка в форме неправильного овала в плане и размерами 0,7 х 0,9 м. Очаг располагался не строго по центру постройки, а был смещен от него на 0,7 м ближе к северо-западной стенке котлована.

Два искусственных объекта – ямы неопределенного назначения – были выявлены за пределами котлована (рис. 4А). Яма № 1 (кв. Б, В-7) овальной в плане формы и размерами 0,84 х 1,34 и глубиной до 0,15 м. Достоверно связать с нею какие-либо предметы затруднительно. Яма № 2 (кв. В-2) овальной в плане формы и размерами 0,52 х 0,98 и глубиной до 0,33 м. Заполнение – коричневый песок, насыщенный прокаленным песком или охрой. Содержала обломки сосуда № 1 в виде развала, единичные обломки емкостей № 2 и 3, немногочисленные каменные предметы.

Археологические предметы залегали по всей площади раскопа, но преимущественно найдены в котловане, где их плотность достигает 88 ед./кв.м (рис. 4Б). Наибольшие зоны концентрации приурочены к месту разведения огня, развалам трех сосудов № 7–9 (рис. 6) и скоплению кремневых артефактов. За пределами котлована плотность находок не превышает 25 ед/кв.м и выявлен всего один участок сосредоточения предметов – яма № 2, где залегали обломки керамических сосудов (преимущественно № 1) и каменные изделия.

Такая ситуация распределения культурных остатков, в целом, не типична для комплексов углубленных в грунт сооружений северо-востока Европы, в которых распространение находок ограничено котлованом. Это связывают преимущественно с функционированием жилищ такого типа в холодное время года, когда деятельность вне его стен не ведется или крайне ограничена. Планиграфию комплекса Пидж I/12 можно объяснить круглогодичным использованием жилища или многократностью освоения этого места. Второе, в свою очередь, предполагает варианты последовательностей событий истории этого участка: сооружение жилища на неосвоенном месте и, напротив, на ранее осваивавшемся. При этом количество событий, не повлекших создания фиксируемых археологически следов, может быть не ограничено, равно как и их соотношение с периодом сооружения и функционирования углубленной постройки. Для

решения этих вопросов необходимо обратиться к анализу самих археологических предметов и пространственного распределения качественных признаков и их соотношения друг с другом.

Основной метод для этого – технико-типологические показатели артефактов и связи их обломков в пространстве – так называемый метод «связей», традиционно используемый для доказательства одновременности или культурной гомогенности структур (например, опыт изучения керамических коллекций см.: Рыжкова, 1993. С. 170–180; Логинова, 2018. С. 26–38). Также этот метод может быть применен и для определения рода «движений» предметов в пространстве. Кроме того, состояние керамических сосудов также характеризует тафономию (напр., Сидоров, 2015. С. 213–218). Еще один традиционно применяемый способ различения/сходства разно залегающих комплексов относительно углубленной постройки – выборка по полу жилища (опыт изучения углубленных жилищ энеолита таежной зоны см., напр.: Жульников, 2005. С. 12).

В контексте Пидж I/12 керамическая посуда и ее обломки – ключевой источник для такого анализа, поскольку каменные орудия представляют крайне низкое число ситуаций (аппликированных предметов, краткость типологических серий и т.п.), по которым можно было достоверно оценить особенности их «миграций» по слою. Ремонтаж кремневых изделий по расщеплению возможен, но сопряжен со значительной затратой времени, такая работа может быть проведена в будущем.

Обратимся к характеристике керамической посуды. Сравнение орнаментов, декоративного оформления венчиков и визуальное определение примесей к глиняному тесту позволило определить 30 сосудов (рис. 7–11), получивших свои уникальные номера: № 1 – 30. В разной степени надежности удалось представить форму емкостей № 1, 3, 5, 7–9, 11. Наибольшее число обломков принадлежало № 1 и 7–9. Кроме того, возможности для планиграфии представляют аппликированные фрагменты сосудов № 10, 14, 20, 27. Остальные сосуды представлены малым числом не подобранных друг к другу или единичных обломков.

В результате пространственного анализа определено, что сосуды № 1, 7–9 залегали преимущественно в виде развалов – очень компактных скоплений фрагментов, что указывает на их положение *in situ*. Так, № 1 был приурочен к заполнению ямы № 2 за пределами котлована, а № 7–9 концентрировались в южной части котлована, вблизи входа-выхода. Емкость № 8 залегала к западу от него, а № 7 и 9 – к востоку. Разброс на плане фрагментов этих четырех сосудов незначителен: единичные обломки № 1 были выявлены также за пределами основной концентрации, но в пределах котлована отсутствовали вовсе. Из трех развалов, приуроченных к постройке, лишь единичные части № 9 были найдены к юго-востоку от нее. Именно эти данные являются опорными.

Помимо сосудов № 7–9, к заполнению котлована были приурочены части горшка № 6 и миниатюрной емкости № 12. Последняя найдена на месте очага. Большая часть обломков других сосудов была неравномерно распределена по всей площади раскопа, преимущественно за границами сооружения. Сравнительно мелкие фрагменты одних и тех же сосудов залегали по разным сторонам от сооружения. Такое пространственное распределение частей сосудов могут создать две ситуации: при рытье котлована углубленной постройки был разрушен участок более раннего места пребывания/обитания и уборка жилого помещения его обитателями. Второй вариант менее вероятен, поскольку в результате выноса из жилища бытового мусора скорее будут образовываться его компактные скопления, а не распределения на площади вокруг жилища. Для аргументации этого обратимся к сравнению технико-типологических показателей самой посуды.

Комплекс признаков – форма сосудов, а главное, элементы орнамента и сложность декора (количество элементов орнамента, их специфика, определяемая по региональным материалам, сложность и количество мотивов и образов, созданных ими) и скульптурное оформление венчиков – позволяет выделить две группы сосудов. Группа 1 включает горшки, украшенные простым зональным орнаментом, состоящим из чередования горизонтальных рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа и ямок (рис. 7, 8). Это, прежде всего, сосуды № 7–9 – крупные емкости открытой формы с округлым основанием,

средней низкой (№ 7) и средней (№ 8, 9) пропорциями. Их объемы – 24–25, 22–23 и 12–13 л соответственно. Венчики имеют простую прямоугольную в сечении форму и различаются очень незначительно: наличием/отсутствием скоса. Для украшения использованы всего два элемента – ямки и оттиски зубчатого штампа, но каждый сосуд орнаментирован тремя разными наборами инструментов. Об этом свидетельствуют различия отпечатков, которые обусловлены именно разными рабочими частями орнаментиров, а не деформациями от кинематики или обжига. Ямки на сосудах № 8 и 9 имеют плоское неровное дно и, возможно, нанесены торцом сломанной кости или белемнита, при этом их диаметры и глубина отличаются. Емкость № 7 украшена ямками с коническим дном и, в отличие от № 8 и 9, не техникой штампования, а накалывания. В результате нестабильной (неаккуратной?) кинематики излишки массы выдавливались, и гончар вынужден был выравнивать рельеф поверхности, придавливая их. Композиции этих трех горшков однообразны и характеризуют один стиль. Но есть и нюансы, которые выражаются в разных комбинациях ямок и разном наклоне оттисков «гребенки» в рядах. Также по-разному выдержана горизонтальная зональность орнамента: № 7 отличается тем, что пояса «гребенки» неровные и местами сливаются в разной степени друг с другом.

Техника орнаментации варьирует между накалыванием и штампованием. Признаки применения разных технологий очевидны на основе визуальных характеристик без специальных исследований, которые, однако, в будущем позволят выявить их на более строгой методической основе. Прежде всего, это разный состав формовочной массы: № 7 изготовлен из глины с органикой (ближе не определена) (рис. 7, 9А); № 8 и 9 – с минеральной примесью (скорее, дресва) (рис. 8, 1А, 2А). Совокупность этих данных указывает на то, что три сосуда, найденные в жилище, сделаны по разным технологиям и украшены разными гончарами, но в одном стиле. Создается впечатление, что сосуд № 7 орнаментирован неуверенно или небрежно. Его также отличают более низкая пропорция и иной состав формовочной массы.

В материалах памятников северо-востока Европы такая керамика подобна некоторым сосудам среднего неолита (напр.: Карманов, 2008. Рис. 75; 77; 80, 6; 87; 101), но это только кажущееся сходство из-за использования простейшего орнамента из ямок и «гребенки». Значительны отличия технологических признаков состава формовочной массы, толщины стенок, обработки поверхности, декоративного оформления венчиков и техники нанесения орнамента. Забегая вперед, отметим, что технико-типологические показатели каменного инвентаря также не соответствуют характеристикам индустрии среднего неолита. Они сужают круг поисков гаринской (чойновтинской) культурой, включая памятники типа Галово II (Лузгин, 1972. С. 41–72; Стоколос, 1986. С. 113–183;). Однако в коллекциях этих памятников энеолита как в регионе, так и за его пределами полные соответствия отсутствуют и их посуду в большей мере характеризует гребенчатый орнамент. Например, ямки присутствуют достоверно лишь на девяти из 256 емкостей однократно отложенных комплексов: Галово II/1 (1 сосуд), Галово II/5 (1) (Лузгин, 1972. Рис. 12, 1; 6); Вад I/2 (1) (Королев, 1997. Рис. 8, 7); Угдым IГ (5); Усть-Кедва, жилище № 7 (1) (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 36, 2). Остальная посуда, как правило, декорирована монотонными узорами из горизонтальных поясов наклонных оттисков разнообразных зубчатых штампов, реже наколов. Но в этой связи показательна коллекция Галово II/1, в которой присутствует сосуд, вся поверхность которого украшена ямками и лишь бордюрная зона и торец венчика – «гребенкой». При этом остальная посуда комплекса орнаментирована только гребенчатым штампом. В комплексе Галово II/5 присутствует сосуд, орнаментированный гребенчатым штампом, но с рядом ямок в верхней части. Эти примеры показывают широкую вариацию традиций орнаментации, и поэтому допустимо возникновение разных комбинаций простейших схем декора, которые часто интерпретируются как архаичные.

Среди остальных обломков керамики к сосудам № 7–9 наиболее близка по декору емкость № 15 (рис. 7, 8), скорее всего, миска, представленная одним обломком. Две части миниатюрного сосуда № 12 (рис. 7, 3, 4), найденные на месте очага, также могут быть включены в эту группу. Они украшены ямками разной глубины и гребенчатым штампом.

Упомянутый выше горшок № 6 (рис. 7, 1, 2), обломки которого залегали только в жилище, отличает орнамент из парных горизонтальных рядов округлых наколов, присутствующих и на торце венчика. При этом не исключено, что наколы на № 6 и ямчатые вдавления на № 12 сделаны одним инструментом. По аналогии с № 12, с ним типологически могут быть сопряжены фрагменты очень малых емкостей № 14 (рис. 7, 6, 7) и 18 (рис. 7, 5). Судя по керамическим коллекциям неолита и энеолита, орнаментация миниатюрных сосудов редко соответствует таковой средних и крупных емкостей, часто специфична и вариативна. Округлые наколы, тычки или ямчатые вдавления по сравнению с «гребенкой» – редкий элемент орнаментации на посуде опорных памятников гаринской (чойновтинской) культуры или памятниках типа Галово II. Определено всего четыре сосуда из 256, где такой элемент составляет простые горизонтальные ряды и используется только в комбинации с другими видами оттисков, но никогда самостоятельно: Галово II/5 (1) и II/6 (1) (Лузгин, 1972. Рис. 12, 7; 17, 6); Ошчой I/7 (1) (Стоколос, 1986. Рис. 111, 35); Ниремка I/11 (1) (Косинская, 1986. Рис. 2, 3). Это, казалось бы, отличает сосуд № 6, но он представлен небольшими частями и полного представления о его декоре мы не имеем, что не исключает вероятности использования других способов его украшения.

За основу определения специфики второй группы посуды был принят сосуд № 1 (рис. 9, 3), основная масса обломков которого была приурочена к яме № 2. Удалось восстановить его открытую форму с очень слабой профилировкой в верхней части, вероятно, с округлым основанием и со средней пропорцией. Примерный объем емкости – 9–10 л. Тонкостенный сосуд изготовлен из глины с минеральными примесями, среди которых уверенно определяются включения шамота. Венчик имеет простую в сечении прямоугольную форму. Емкость по крайней мере однажды ремонтировалась – сохранились части с просверленными отверстиями.

Сосуд отличает плотный горизонтальный зональный орнамент, покрывающий его снаружи полностью, торец венчика и самую верхнюю часть внутренней поверхности. Для его украшения использовались специфические для региона элементы орнамента и техники его выполнения. Прежде всего, это арочные (дуговидные) отпечатки зубчатого штампа и «гребенка», нанесенная в техниках шагания и шагания с протаскиванием. Последние образуют не сплошной ряд, а отдельные парные оттиски. Этот элемент орнамента В.С. Стоколос обозначает как «дуговидные (расщепленные) отпечатки зубчатого штампа» (Стоколос, 1986. С. 147. Рис. 102), а Е.А. Васильев – «полушагающей гребенкой» (Васильев, Глызин, 2008. С. 112).

Керамику, украшенную арочным штампом, исследователи включают в материалы чужъяельской культуры, изученной в большей мере в долинах рек Мезени (Стоколос, 1986. С. 100, 101;) и Выми (Семенов, Несанелене, 1997. С. 144), а также в Большеземельской тундре (Стоколос, 1988. С. 25–47). Среди 192 сосудов однократно отложенных комплексов определяются по крайней мере 14 горшков (или около 7 %), в орнаментации которых используется этот элемент (Стоколос, 1986. Рис. 7 ,4; 10, 1; 27, 29; 31; 57, 2, 3; 71; 79; 1995. Рис. 2, 9; 3, 1; Косинская, 1986. Рис. 2, 10; Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 20, 2). Большим числом (27 экз.) она представлена на стоянках тундрового варианта чужъяельской культуры в правобережной части бассейна р. Печоры (Стоколос, 1988. Рис. 16 1; табл. 3–7), включая стоянку Ортино (Пядышев, Хлобыстин, 1962. Рис. 24, 1–3). Незначительно арочный штамп представлен среди 342 сосудов синдорского типа (по Г.М. Бурову) поселений Вис I и II (Буров, 1967. Рис. 17, 17; Табл. XII – 2, 6, 9), на поселении Юванаяг (Логинова, 1995. Рис. 3, 2; 5, 5). Отдельные оттиски шагающей гребенки и в особенности с протаскиванием – крайне редкий элемент декора на посуде региона, присутствующий всего на трех сосудах чужъяельской культуры: Чойновты II/11 (Стоколос, 1986. Рис. 102); Шомвуква II/3 (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 50, 3) и Нерчей II (Стоколос, 1988. Рис. 16, 2).

Сведения о керамике северо-запада Сибири с арочным зубчатым штампом обобщил С.Ф. Кокшаров (Кокшаров, 2009. С. 226. Карта 6). Большее число памятников – 17 из 21 – приурочено к левобережным притокам бассейна р. Оби, соответственно, находится близко к Уралу и правобережным притокам р. Печоры, в долине которой и располагается поселение Пидж I. Например, в комплексах

Геологического III и Амня IA доля таких сосудов достигает 35 и 47 %, в меньшей степени Еныя 12 – 7 % (Кокшаров, 2009. С. 218. Рис. 93). Тем более, что в коллекциях западно-сибирских памятников могут быть найдены удивительные соответствия сосуду № 1 Пидж I/12. По опубликованным данным, это керамика поселений Сартынья I (Чернецов, 1953. Табл. V-8) и Геологическое III (раскоп III, жилище 2) (Кокшаров, 2009. Рис. 20, 11).

На роль «чистых» опорных памятников претендуют комплексы жилища Ясунского поселения и Лов-санг-хум II. Наиболее полно опубликованы материалы первого памятника, на котором обнаружены обломки 150 сосудов. Материалы Пидж I/12, конечно, несопоставимы по информативности и численности с этой коллекцией, но на ясунской посуде можно найти упомянутые специфические элементы и мотивы орнамента, хотя полные аналогии композициям отсутствуют. Это и неудивительно, учитывая разнообразие ее декора и численное превосходство емкостей.

Обратив внимание на более полно опубликованные материалы Ясунского поселения, Геологического III, Лов-санг-хум II (Васильев, Глызин, 2008. Рис. 5–7; Кокшаров, 2009. Рис. 20, 21; История Ямала, 2010. С. 135), можно найти в них и другие параллели керамике Пидж I/12, а именно сосудам № 10 (рис. 10, 16) и 11 (рис. 9, 1), № 27–30 (рис. 10, 10–15). С ними также сопряжена емкость очень малого объема (0,2 л) № 3 (рис. 9, 2), украшенная зигзагами из гладких отпечатков, ямками и горизонтальными поясами косопоставленных оттисков «гребенки». Возможно, ей же принадлежит обломок основания (рис. 9, 2). Близок к ней мотивом и единственный мелкий фрагмент сосуда № 25 (рис. 11, 1). Этой керамике также найдена аналогия в Западной Сибири, а именно, среди материалов поселения Честыйяг (Чернецов, 1953. Табл. II-5).

Еще два вида орнаментации определяются в контексте Пидж I/12. Это обломки по крайней мере трех сосудов, украшенных дуговидными отпечатками челюстей. № 2 (рис. 10, 1, 2) имеет слегка отогнутый наружу приостренный венчик, орнаментированный глубокими наколами и горизонтальным поясом вертикально поставленных оттисков челюстей, нанесенных в техниках штампования и шагания. Сосуд № 16 (рис. 10, 3) отличает штампованная ямка и оттиски узкого зубчатого штампа на внутренней и внешней поверхностях. Емкость № 16 представлена одним обломком, найденным за пределами жилища, а сосуду № 2 принадлежит большее число черепков, часть из которых найдена в яме № 2 с сосудом № 1. Эта ситуация и техника нанесения этих специфических для региона отпечатков позволяют объединить № 2, 16 и 26 с сосудом № 1 в один комплекс. В европейской части России такие элементы орнамента крайне редки и украшают в основном сосуды многокомпонентных памятников Усть-Комыс I (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 79), Вис I и II (синдорская культура, по Г.М. Бурову, или II тип керамики раннего периода эпохи бронзы (Буров, 1967. Рис. 17, 14; Табл. VIII – 4; табл. XI – 6, 8; табл. XII – 2)). И лишь один сосуд представлен на стоянке Нерчей II Большеземельской тундры (Стоколос, 1988. Рис. 16, 2). Поэтому их позиция в регионе пока не определена, хотя и связывается с чужъяельской (по В.С. Стоколосу) или синдорской (по Г.М. Бурову) культурами. На памятниках Западной Сибири этот элемент отмечен в коллекции Ясунского поселения по крайней мере на трех емкостях (Васильев, Глызин, 2008. С. 110). На остальных памятниках этого региона он рассматривается в общей массе зубчатых, гребенчатых штампов и не выделяется в особый элемент орнамента. А иллюстрации в публикациях не дают возможности распознать их, поэтому судить о частоте этого признака пока затруднительно.

Отпечатки челюстей животного присутствуют и на единичном в коллекции фрагменте малого сосуда № 17 (рис. 11, 6). На небольшом фрагменте определяются отпечатки по крайней мере четырех элементов орнамента, нанесенных в двух разных техниках: штампованных оттисков гребенчатого штампа, ямок, упомянутых отпечатков челюстей и отступающей палочки. Полного представления об орнаменте мы не имеем, но вышеописанное позволяет утверждать об отсутствии аналогий такому декору в материалах опорных памятников неолита и эпохи раннего металла европейского Северо-Востока.

Отдельного внимания заслуживают обломки, украшенные более распространенным на европейском Северо-Востоке мотивом наклонного ряда из оттисков углом длинной

«гребенки» или гладкого штампа – № 4 и 5 (рис. 11, 8–11). Его атрибуция затруднена, поскольку он встречается в комплексах чужъяельской, гаринской (чойновтинской) культур, памятниках с ниремкским типом керамики. Примеры таких мотивов, составленных в разные образы: Гыркасъель (три сосуда) (Стоколос, 1988. Рис. 5, 6); Чужъяель I/1 (1), I/2 (1) и I/5 (1), Ниремка I (2) (Косинская, 1986. Рис. 2, 6; 3, 1), Усть-Комыс I (1), Эньты VII (2) (Логинова, статья в сборнике), Ваднюр I/5 (Карманов, 2018а). Чойновты II/2 (1) (Стоколос, 1986. Рис. 88), Чойнтовты II/6 (3) (Стоколос, 1986. Рис. 93, 6, 8; 95), Усть-Кедва VII (4) (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 36, 1; 37, 1–3), Вад I/2 (1) и Шойнаты I (1) (Королев, 1997. Рис. 8, 3; 10, 1), Вис I и II (Буров, 1967. Табл. XIV – 5, 7, 8). Т-образное сечение венчика сосуда № 4, вроде бы, склоняет чашу весов в сторону гаринской атрибуции, но условия обнаружения его обломков, залегающих по всей периферии раскопа и в самом незначительном объеме в жилище, не позволяет достоверно связать его с жилым комплексом.

С вышеописанными сопрягается сосуд № 20 (рис. 10, 5–7). Его представляет верхняя часть с округлым в сечении торцом венчика, украшенная горизонтальными рядами штампованной гребенки и рядом ямок, нанесенных поверх наклонных рядов зубчатых оттисков в технике шагания с протаскиванием. К сожалению, представлены лишь фрагменты мотивов, не позволяющие представить полную композицию декора. В известных материалах неолита и энеолита европейских памятников такие мотивы и образы отсутствуют, но они представлены в комплексах Западной Сибири. Это поселение Ясунское (Васильев, Глызин, 2008. С. 112) и памятники атымьинского типа (Кокшаров, 2009. Рис. 5, 14, 38, 47), где они входят в состав разнообразных простых и сложных композиций.

Также фрагментарно представлена емкость № 24 (рис. 10, 8), на которой можно предположить наличие довольно сложных образов, составленных из рядов треугольников из зубчатых оттисков, поле которых заполнено округлыми вдавлениями. Мотив треугольника с пустым полем или заполненным – своеобразие керамики чужъяельской культуры на европейском Северо-Востоке. Отметим по крайней мере 18 емкостей, в орнаментации которых он использован: Чойновты I (2), Чужъяель I/1 (1), I/2 (1), I/4 (1) и I/5 (2), Ошчой V/3 (5), Ошчой V/5 (1), Усть-Комыс I (1), Ваднюр I/7А (1), Колва-вис 25 (2) (Стоколос, 1988. Табл. 5-14; 6-1, 6), Мучкас-1 (статья В.Н. Карманова и А.Л. Белицкой в настоящем сборнике), в том числе одна с заполнением из наколов – Чужъяель I/5. Встречается он и в материалах многокомпонентных памятников: Ружникова (1), Пижма II (1) (Стоколос, 1988. Табл. 3–1; 4–11). Несмотря на специфичность образа в региональном контексте, он никогда не повторяется в точности и поэтому ожидается, что каждый выявляемый случай будет уникален. Это касается и западносибирских аналогий (Васильев, Глызин, 2008. Рис. 5-1, 7-3; Кокшаров, 2009. Рис. 3, 11; 14, 2, 3; 21, 14; 23, 10, 15; 25, 1, 4; 26, 13; 31, 10; 32, 2, 6, 7; 35, 7; 48, 1; 55, 4; 58, 6; 59, 1; 67, 12; 71, 5, 8; 72, 2; 82, 4; 87, 5; 94, 3) и подобий со Среднего Зауралья (Чаиркина, 2005. Рис. 49, 50, 57–59). Приведенные данные указывают на большую частоту встречаемости разнообразных мотивов «треугольника» в сибирских материалах по сравнению с известными европейскими коллекциями.

Анализ пространственного распределения обломков керамической посуды и их состояния позволил выделить в пределах раскопа три разных по своей информативности участка, которые для дальнейшей работы с материалами поселения и их публикации следует обозначить особо. Центральную и основную части занимают следы и остатки жилища – комплекс Пидж I/12А. К северу от него находится часть с ямой № 2 – объекта, не затронутого или поврежденного незначительно при строительстве углубленного сооружения – Пидж I/12Б. Остальные участки, которые могут содержать материалы непотревоженного культурного слоя, связанного с предыдущим комплексом; культурные остатки, перемещенные с грунтом – выкидом из котлована; артефакты, связанные с функционированием жилища – Пидж I/12В.

Далее важно определить, как с этими данными соотносятся планиграфия каменного инвентаря и его технико-типологические показатели. В таблице представлены количественные и качественные характеристики коллекции кремневых изделий и предметов из

некремнистых пород, согласно их распределению по трем частям (таблица, рис. 12–19). Эти данные показывают значительное преобладание числа находок в жилище. Качественные различия заключаются в том, что в жилище представлено большое число бифасов на разных стадиях расщепления, в том числе наконечников стрел. Этому соответствует наличие среди остатков Пидж I/12А скопления отходов камнеобработки: отщепов преимущественно мелких размеров, чешуек и осколков. Среди них значительную часть составляют сколы оформления бифасов, доля которых среди отщепов – не менее 45,4 %.

Для определения атрибуции Пидж I/12А информативна вся совокупность дебитажа, формы бифасов на завершающей стадии расщепления (рис. 12, 1; 13, 5, 7–9) и готовых изделий – наконечников стрел и единично – обломка кинжала или наконечника копья/дротика (рис. 13, 1–9). Это два листовидных (ближе к треугольным) бифаса с вогнутыми основаниями (рис. 13, 2, 3), один листовидный с узкой прямой (ближе к округлой) базой (рис. 13, 4). Еще в трех незавершенных изделиях распознаются заготовки наконечников стрел, но их актуальные очертания в плане могут быть как промежуточными, так и целевыми (рис. 13, 1, 5). Это же касается и обломка более крупного предмета – кинжала или наконечника дротика/копья с выпуклым основанием (рис. 13, 8). Детально аналогии этим формам рассмотрены в статье Т.Ю. Туркиной и В.Н. Карманова о результатах исследования поселения Мартюшевское II в настоящем сборнике. Они позволяют атрибутировать каменный инвентарь жилищного комплекса как принадлежащий носителям гаринской (чойновтинской) культуры и датировать III – перв. пол. II тыс. до н.э. (Карманов, 2018б).

Орудийный набор из кремня Пидж I/12А представлен, в основном, орудиями на отщепах, реже пластинчатых отщепах (рис. 13, 10–18; 14, 15; 16, 1–4). Это ножи, оформленные разными типами ретуши, преимущественно мелкой регулярной (рис. 13, 10–18); скребки (рис. 14), в основном, одинарные концевые, но с присутствием боковых, а также орудий с двумя-тремя рабочими краями; орудия комбинированные (скребки в сочетании с ножами) (рис. 15, 1–3); скобели (рис. 15, 4–10), в том числе зубчато-выемчатое орудие (рис. 15, 5); орудия оригинальных форм (рис. 16, 1–4). Единственным типом орудий, образующим серию, являются скобели – отщепы или пластинчатые отщепы, по краям которых оформлены одна-две сравнительно широкие выемки (рис. 15, 6–10).

Орудия из некремнистых пород представляют два абразива на плитках (рис. 16, 5, 6), один из которых – желобчатый (рис. 16, 5).

За пределами котлована найдено всего 16 % кремневых изделий от совокупности всего каменного инвентаря раскопа. Преобладают режущие орудия и скребки, все на отщепах (рис. 17; 18, 1, 2; 19). У южной стенки раскопа найден всего один завершенный бифас (рис. 19, 2), а двусторонне обработанные изделия (рис. 18, 2; 19, 1) не позволяют определить их целевую форму. Типы орудий, которые найдены здесь, но отсутствующие в жилище: два грузила на гальках некремнистых пород (рис. 18, 3) и кремневый вкладыш тесла (рис. 19, 8). Такая информативность не позволяет атрибутировать каменный инвентарь Пидж I/12Б и Пидж I/12В, определенный за границами котлована.

Вернемся к атрибуции керамической посуды, найденной в этих частях раскопа, и, прежде всего, вспомним про гомологии с керамикой чужъяельской и ясунской культур, пернашорского типа. Даже гомогенные и целостные, неразрушенные участки этих памятников представляют нам немногочисленный и малоинформативный каменный инвентарь. Например, среди всей совокупности каменных изделий 20 комплексов чужъяельской культуры найдено всего восемь наконечников стрел из кремня при отсутствии признаков использования составных вкладышевых орудий по типу мезолитических. В целом, такое состояние каменного инвентаря – «визитная карточка» чужъяельских комплексов (Стоколос, 1986. С. 93, 95; Карманов, 2018а), которые характеризуются конкретно-ситуационным и избирательным расщеплением. Это означает большую долю умений в обработке кремня, что, в свою очередь, определяет значительную степень вариативности морфологических и количественных характеристик каменных инвентарей, и, следовательно, отсутствие серий орудий, специфических для этой традиции. В этой связи, для атрибуции таких материалов информативна

вся коллекция инвентаря с условием его непотревоженного состояния. Не помогают в решении проблемы атрибуции и материалы упомянутых гомологий Западной Сибири. Комплексы пернашорского типа Западной Сибири не дают достоверных сведений о каменной индустрии из-за отсутствия однократно отложенных комплексов (Кокшаров, 2009. С. 215). Кроме того, в связи с особенностями региона значительно варьирует состав пород, использовавшихся для изготовления каменных орудий. Так, комплекс Амня IA содержит кварцевые изделия (История Ямала, 2010. С. 50); Лов-санг-хум II – преимущественно шлифованные орудия (Рудковский, Глызин, 2007. С. 511). Более информативны для сравнения материалы Ясунского поселения, коллекция которого содержит всего 193 предмета, в том числе 75 орудий. Морфологически выраженные изделия изготовлены из некремнистых пород, а орудия из кремня представляют, преимущественно, скребки на отщепах и отщепы с ретушью. На этом фоне выделяются бифасы – четыре наконечника стрел и частично обломанное незавершенное изделие (Васильев, Глызин, 2008. Рис. 2, 5–7, 12). Эта группа изделий заслуживает дополнительного комментария. Наконечники стрел, представленные в публикации, имеют разные формы и пропорции, а свидетельства их изготовления на памятнике не обнаружены, хотя оно должно сопровождаться большим количеством мелкого дебитажа и брака. Это указывает на то, что они сделаны на другом участке памятника или принесены обитателями жилища с другого места. Разница в формах и пропорциях наряду с отсутствием симметрии двух из них указывает на то, что их очертания в плане – вторичны по отношению к исходной форме. Но это предположение, требующее подтверждения изучением самих артефактов.

Каменный инвентарь – традиционно незначительная часть коллекций памятников энеолита Западной Сибири. Напомним, что в комплексе Ясунского поселения на 150 сосудов приходится 193 каменных предмета (Васильев, Глызин, 2008). На других памятниках его численность колеблется от 8 до 581 экз. (Кокшаров, 2009. С. 73. Табл. 1). Отсюда закономерно предположение об использовании орудий из органических материалов. Для примера обратимся к раскопанному на большой площади (328 кв. м) поселению Горный Самотнел 1, культуровмещающие отложения которого приурочены к мерзлоте и сохранность органических материалов значительнее. Его инвентарь представляют всего 1382 предмета из камня, среди которых из кремня сделан всего 31 артефакт или 2,2 %. Подавляющее число в орудийном наборе представляют шлифованные наконечники стрел из некремнистых пород. При этом, орудий из кости всего три (Тупахина, Тупахин, 2018. С. 25; С. 42; Табл. 6; С. 118; Табл. 15). Керамическая посуда этого памятника типологически отлична от комплексов Пидж I/12, но количественные данные об остальной части коллекции дают представление об использовании орудий из минерального сырья и их соотношении с костяными изделиями. Это служит дополнительным аргументом в пользу особенных свойств каменных инвентарей памятников этого времени на севере Западной Сибири и европейских комплексов, связанных с ними и/или синхронных им. Такие ситуации вынуждают также искать другие объяснения, почему комплексы чужъяельской культуры содержат малочисленный каменный инвентарь без наконечников стрел, в том числе шлифованных. Ведь, при их использовании, они должны были сохраниться в песчаных грунтах памятников этой культуры.

Таким образом, малочисленность и слабая информативность кремневого инвентаря комплекса Пидж I/12Б и связанного с ним Пидж I/12В могли быть и при его полной сохранности. Поэтому его случайные примеси в многочисленном по составу каменного инвентаря комплексе Пидж I/12А будут незначительными. Отделить их по качеству и цветности кремня затруднительно: в коллекции жилища присутствуют явные признаки применения намеренного нагрева кремня, меняющего структуру и цвет сырья. А судя по сырью индустрии чужъяельской культуры, отбиралась разнообразная сравнительно мелкая галька, и поэтому вариация видов кремнистого сырья широка. Определенность можно было бы увидеть в серии предметов, изготовленных из коричневого полосатого кремня (рис. 21, 5, 8), но они малочисленны.

Результаты и обсуждение

В результате раскопок объекта № 12 поселения Пидж I и последующего анализа его

материалов выделено три комплекса разной информативности – Пидж I/12А, Б и В. Первый из них связан с сооружением и функционированием углубленной в грунт жилой постройки площадью около 35 кв. м с очагом и входом-выходом. Жилищный комплекс включал развалы трех керамических сосудов, скопления кремневых предметов и рассеянные в разной степени изделия из камня и обломки керамики. Во время постройки этого жилища были частично разрушены остатки предшествующего ему места обитания – комплекс Пидж I/12Б. На его наиболее сохранившейся площади около 24 кв. м выявлена яма № 2, содержавшая развал керамического сосуда, отдельные обломки керамики, небольшое число каменных изделий. Остальная территория исследованной площади за пределами углубленной постройки – Пидж I/12В – наименее информативна. Она содержала или может содержать культурные остатки, связанные с первым этапом заселения, перемещенные при сооружении жилища; артефакты, лежавшие здесь *in situ* и/или следы и остатки жизнедеятельности обитателей жилища Пидж I/12А.

Технико-типологические показатели каменного инвентаря и керамической посуды позволили атрибутировать комплекс Пидж I/12А как памятник гаринской (чойновтинской) культуры с широким возможным периодом его бытования в пределах III – перв. пол. II тыс. до н.э. Каменный инвентарь комплекса типичен для памятников этой культуры и лишь дополняет географию распространения бифасиальных индустрий в энеолите. Особого внимания заслуживает керамическая коллекция, а именно результаты сравнительной характеристики сосудов № 7–9, залегавших на небольшой площади в виде развалов. Определено, что они изготовлены по крайней мере в рамках двух культурных традиций. При общем гребенчато-ямочном стиле с простейшим декором очевидны различия в технологии их производства, техниках нанесения орнамента и применяемых для этого инструментах. Выделяется сравнительно небрежно украшенная емкость № 7 с непериодическим использованием накалывания, штампования и наложением орнаментальных поясов. Она может свидетельствовать об умении сделать сосуд, но при этом указывает на слабые навыки гончара в его орнаментации в определенном стиле. Поэтому возникает вопрос, кто пытался освоить этот вариант декора. Самый общий ответ – принятый в коллектив человек в результате брака (невестка), отношений свойства или по какой-то другой неопределенной, возможно, случайной причине.

Менее информативны, в силу последующего частичного разрушения, остатки комплекса Пидж I/12Б. Технико-типологические характеристики сосуда № 1 из ямы № 2 и результаты поиска подобий ему на сопредельных территориях позволяют утверждать, что более полные и вероятные соответствия рассматриваемой посуды Пидж I находятся в керамике ясунских (Васильев, 2008; История Ямала, 2010) и/или пернашорских (Кокшаров, 2009) традиций. В меньшей степени они сопоставимы с чужъяельскими комплексами рек Мезени, Выми или низовьев р. Печоры. Малочисленность и фрагментарность посуды Пидж I/12Б не позволяет в полной мере характеризовать соотношение европейских и сибирских комплексов, но уже своим наличием она документирует возможные пути связей населения, обитавшего по обеим сторонам Урала. Учитывая общую специфику сочетания описанных элементов орнамента и техники нанесения некоторых из них, эти соответствия правомерно объяснять общим источником их происхождения. Поэтому мы можем рассматривать такие явления как чужъяельская и ясунская культуры, пернашорский тип и остальные материалы, сопряженные с ними, как гомологии. Но это не обязательно означает прямые генетические связи в виде горизонтального родства или связи предок–потомок, а следует говорить о том, что у них есть общий предок, сведения о котором либо уже утеряны, либо еще не выявлены.

До 2017 г. данные по хронологии чужъяельских комплексов были неоднозначны (Карманов, 2018б); большую определенность внесли сведения, полученные в результате исследования комплексов Ваднюр I/5 и I/7А на р. Вычегде (Карманов, 2018а). Они позволяют датировать время бытования чужъяельских традиций в регионе широким периодом времени 3870–2910 кал. л. до н.э., или нач. IV – нач. III тыс. до н.э., что согласуется с имеющимися данными по хронологии зауральских памятников (Шорин, 1999. С. 84. Табл. 5;

Чаиркина, 2005. С. 289; Кокшаров, 2009. С. 214, 225, 229; Васильев, Глызин, 2010. С. 123).

Материалы Западной Сибири содержат незначительно посуду с гребенчато-ямочным орнаментом, аналогичную жилому комплексу Пидж I/12А. Это Ясунское поселение (Васильев, Глызин, 2008. Рис. 4, 4) и Сартынья I (Васильев, 1983. Рис. 4, 9, 10). В связи с этим интересен вопрос об их соотношении с сосудами другого типа. Смешанные материалы Сартыньи I не позволяют его решить, а жилой комплекс Ясунского поселения как будто бы указывает на возможность совместного обитания пользователей посуды, украшенной в разных традициях. Материалы Пидж I/12 не дают пока оснований утверждать подобное, но в материалах чужъяельской культуры на реках Мезени и Вычегде содержатся такие сочетания, что позволяет допустить это и для зауральских памятников. Но для решения этого вопроса нужно накопление новых данных и для начала перспективно сравнение керамики с «монотонной» (по Е.А. Васильеву) орнаментацией Западной Сибири и Пидж I на сопоставимом уровне, хотя бы по качественным фотографиям.

Заключение

Материалы Пидж I/12А расширяют наши представления о традициях гаринской (чойновтинской) культуры и социальной организации ее носителей. Они еще раз показывают, насколько по-разному могут проявляться традиции изготовления и орнаментации керамической посуды в рамках одного места обитания и, следовательно, культуры в целом.

Пидж I/12Б предоставляет новые сведения о связях людей энеолита, живших по обеим сторонам Урала. Этот промежуточный в географическом отношении комплекс дает возможность определить один из путей формирования чужъяельской культуры на европейском Северо-Востоке. И, конечно, его выявление указывает на перспективы открытия новых, более надежных информативных источников о пребывании в долине р. Печоры западносибирского населения. Что документируют такие связи – брачные контакты или миграции семей и/или каких-либо надсемейных образований в обоих направлениях – вопрос, на который можно попытаться ответить в будущем.

Литература

Буров, Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.) / Г.М. Буров. – Москва: Наука, 1967. – 220 с.

Васильев, Е.А. Ясунское поселение – памятник энеолитического времени на севере Западной Сибири / Е.А. Васильев, И.П. Глызин // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Вып. 2. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – С. 97–117.

Васильев, Е.А. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири / Е.А. Васильев, И.П. Глызин // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции; отв. ред. М.П. Черная. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 121–124.

Васильев, Е.А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы / Е.А. Васильев // Этнокультурные процессы в Западной Сибири: сб. статей. – Томск: Томский государственный университет, 1983. – С. 40–62.

Васкул, И.О. Отчет о полевых исследованиях Усть-Цилемского археологического отряда в 2001 г. / И.О. Васкул. – Сыктывкар, 2002 // Научно-отраслевой архив Института археологии. Р-1. № 26137; Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 587.

Жульников, А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья / А.М. Жульников. – Петрозаводск: «Паритет», 2005. – 310 с.

История Ямала: в 2-х томах / под общ. ред. В.В. Алексеева. Т. I: Ямал традиционный. Кн. I. Древние культуры и коренные народы / под ред. Н.В. Федоровой, А.П. Зенько и др. – Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. – 416 с.

Канивец, В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины / В.И. Канивец // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ.

– Сыктывкар, 1965. – С. 3–100. – (МАЕСВ; Вып. III).

Канивец, В.И. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища / В.И. Канивец, В.Е. Лузгин // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1963. – С. 33–41. – (МАЕСВ; Вып. II).

Карманов, В.Н. Неолит европейского Северо-Востока / В.Н. Карманов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 226 с.

Карманов, В.Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года) / В.Н. Карманов // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018а. – С. 55–85. – (МАЕСВ; Вып. 20).

Карманов, В.Н. Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы / В.Н. Карманов // Уральский исторический вестник. – 2018б. – № 3. – С. 115–125.

Кокшаров, С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири / С.Ф. Кокшаров. – Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009. – 272 с.

Королев, К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье / К.С. Королев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 194 с.

Косинская, Л.Л. Керамика поселения Ниремка I / Л.Л. Косинская // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / отв. ред. Э.А. Савельева. – Сыктывкар, 1986. – С. 35–44. – (МАЕСВ; Вып. 10).

Логинова, Э.С. Опыт выделения раннеэнеолитического жилища на поселении Эньты I (Средняя Вычегда, Республика Коми) / Э.С. Логинова // Проблемы археологического изучения северо-востока Европы. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. – С. 26–38. – (МАЕСВ; Вып. XX).

Логинова, Э.С. Поселение Юванаяг на Нившере / Э.С. Логинова // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / отв. ред. Э.А. Савельева. – Сыктывкар, 1995. – С. 43–58. – (МАЕСВ; Вып. 13).

Лузгин, В.Е. Древние культуры Ижмы / В.Е. Лузгин. – Москва: Наука, 1972. – 128 с.

Пядышев, Н.П. Новая стоянка в Печорском Заполярье / Н.П. Пядышев, Л.П. Хлобыстин // КСИА. – 1962. – № 92. – С. 71–75.

Рудковский, С.И. Раскопки поселения Ловсанг-хум II / С.И. Рудковский, И.П. Глызин // Археологические открытия 2005 года. – Москва: Наука, 2007. – С. 509–511.

Рыжкова, О.В. Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) / О.В. Рыжкова // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993.– С. 170–180.

Семенов, В.А. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета) / Семенов В.А., Несанелене В.Н.: учебное пособие. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. – 172 с.

Сидоров, В.В. «Эфемерная керамика» и особенности ее учета / В.В. Сидоров // Тверской археологический сборник: мат-лы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Изд-во «Триада», 2015. – Вып. 10. – Т. I. – С. 213–218.

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986. – 192 с.

Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.

Стоколос, В.С. Поселение Мучкас на Мезени / В.С. Стоколос // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / отв. ред. Э.А. Савельева. – Сыктывкар, 1995. – С. 59–64. – (МАЕСВ; Вып. 13).

Стоколос, В.С. Энеолит и бронзовый век / В.С. Стоколос // Археология Республики Коми. – Москва: ДиК, 1997. – С. 213–246.

Тупахина, О.С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования / О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин. – Омск: Омскбланкиздат, 2018. – 136 с.

Чаиркина, Н.М. Энеолит Среднего Зауралья / Н.М. Чаиркина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.

Чернецов, В.Н. Древняя история Нижнего Приобья / В.Н. Чернецов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1953. – (МИА; № 35).

Таблица

Пидж I/12. Состав коллекции

Предметы	Пидж I/12А	Пидж I/12Б	Пидж I/12В	Всего
Отщепы	1596	79	264	1939
Крупные	123	1	3	127
Средние	193	13	31	237
Мелкие	1286	64	222	1572
Сколы оформления бифасов	726	39	127	892
Пластины неправильные	39	5	11	55
Чешуйки	164	0	2	166
Осколки	388	4	8	400
Осколки и отщепы термические	259	16	40	315
Куски и крупные обломки	11	3	5	19
Щебенка и гальки	5	2	3	10
Бифасы на разных стадиях расщепления	79	6	19	104
Наконечники стрел и их заготовки	8	0	1	9
Наконечник копья/дротика, обломок кинжала	1	0	0	1
Плитки	0	0	1	1
Орудия на отщепах	9	2	1	12
Ножи	17	5	5	27
Орудие зубчато-выемчатое	1	0	1	2
Орудие комбинированное	3	0	2	5
Орудие на пластине	1	0	0	1
Перфораторы на отщепах	3	0	1	4
Скобели на отщепах	6	0	3	9
Скобель на пластине неправильной	1	0	0	1
Скребки	13	2	4	19
Рубящие	0	0	1	1
Всего изделий из кремня	2595	124	371	3090
Абразивы	2	0	0	2
Гальки и их обломки	9	8	2	19
Плитки	2	0	1	3
Отщепы	3	1	0	4
Бифас в начальной стадии	1	0	0	1
Грузила	0	1	1	2
Всего предметов из некремнистых пород	17	10	4	31
Керамические сосуды, обломки	616	61	243	920
Керамическое изделие неопределимое	1	1	0	2
Кость	1	1	0	2
ВСЕГО	3230	197	618	4045

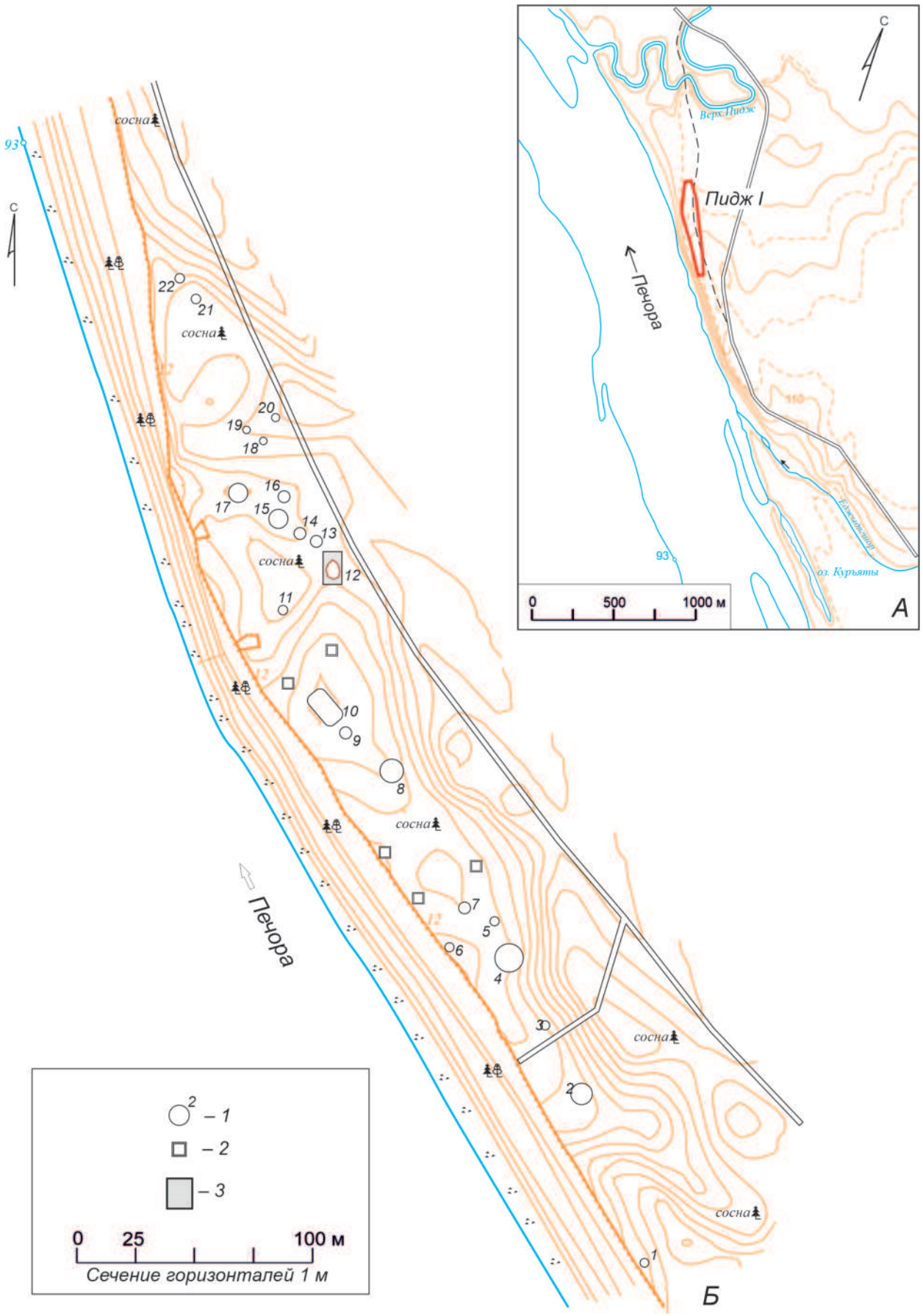


Рис. 1. Поселение Пидж I.
А – обзорная схема расположения; Б – ситуационный план 2013 г.: 1 – впадина и ее номер;
2 – остатки построек сплавного участка; 3 – раскоп 2003 г.

Рис. 2. Пидж I/12 до начала раскопок 2003 г. Снимок с СВ.

Рис. 3. Пидж I/12 до начала раскопок 2003 г. Снимок с ЮЮЗ.

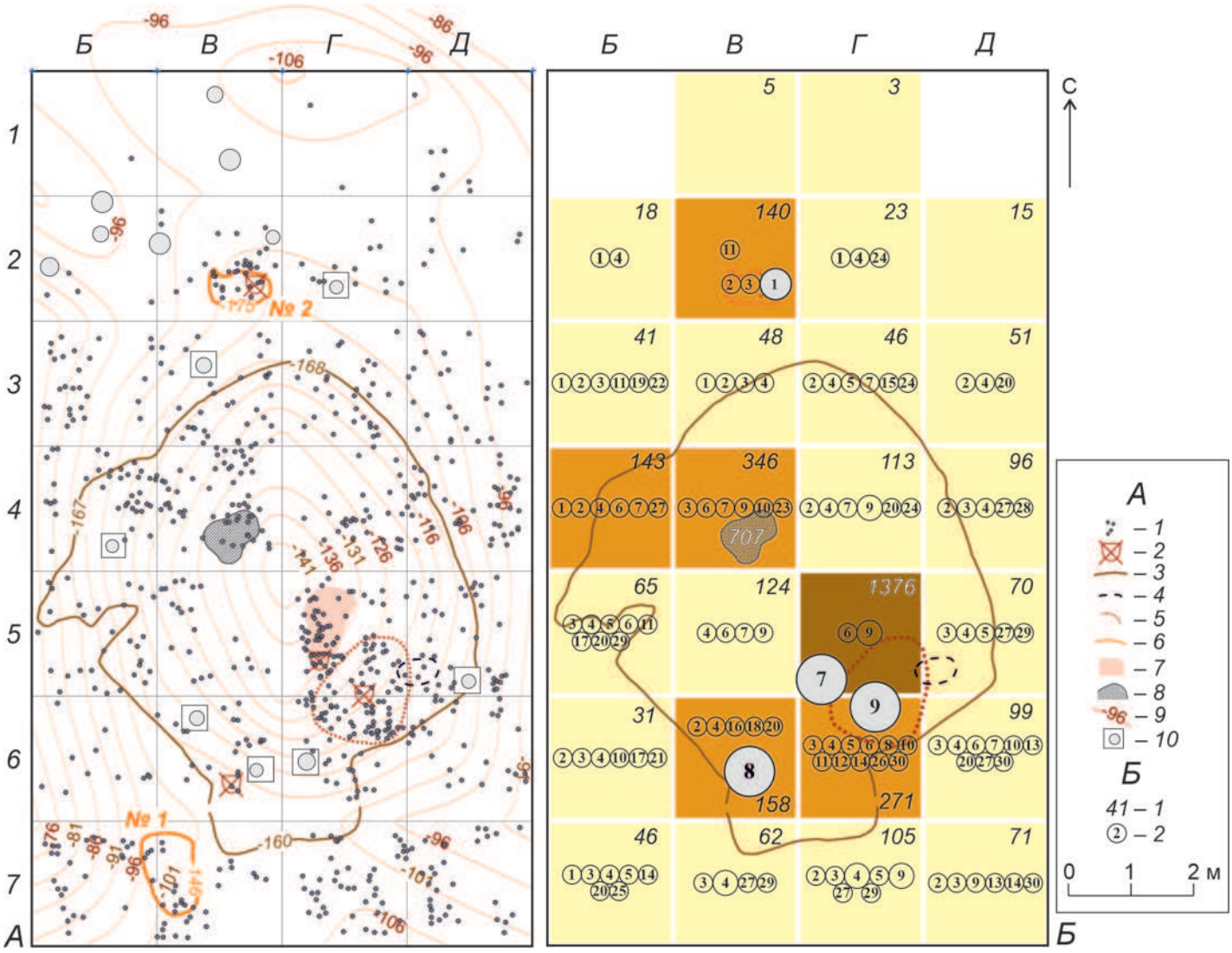


Рис. 4. Пидж I/12.

А – план раскопа: 1 – артефакты; 2 – развалы керамических сосудов; 3 – границы котлована углубленного жилища; 4 – скопления кремневых изделий; 5 – скопления обломков керамики; 6 – контуры ям; 7 – пятно прокаленного песка; 8 – следы очага; 9 – рельеф современной поверхности, сечение горизонталей 0,05 м; 10 – современные деревья.

Б – количественное распределение находок: 1 – число предметов; 2 – номер сосуда.

Рис. 5. Пидж I/12. Поверхность раскопа. Снимок с ЮЗ.

Рис. 6. Пидж I/12А. Развал керамического сосуда № 8 (кв. В-6). Снимок сверху.

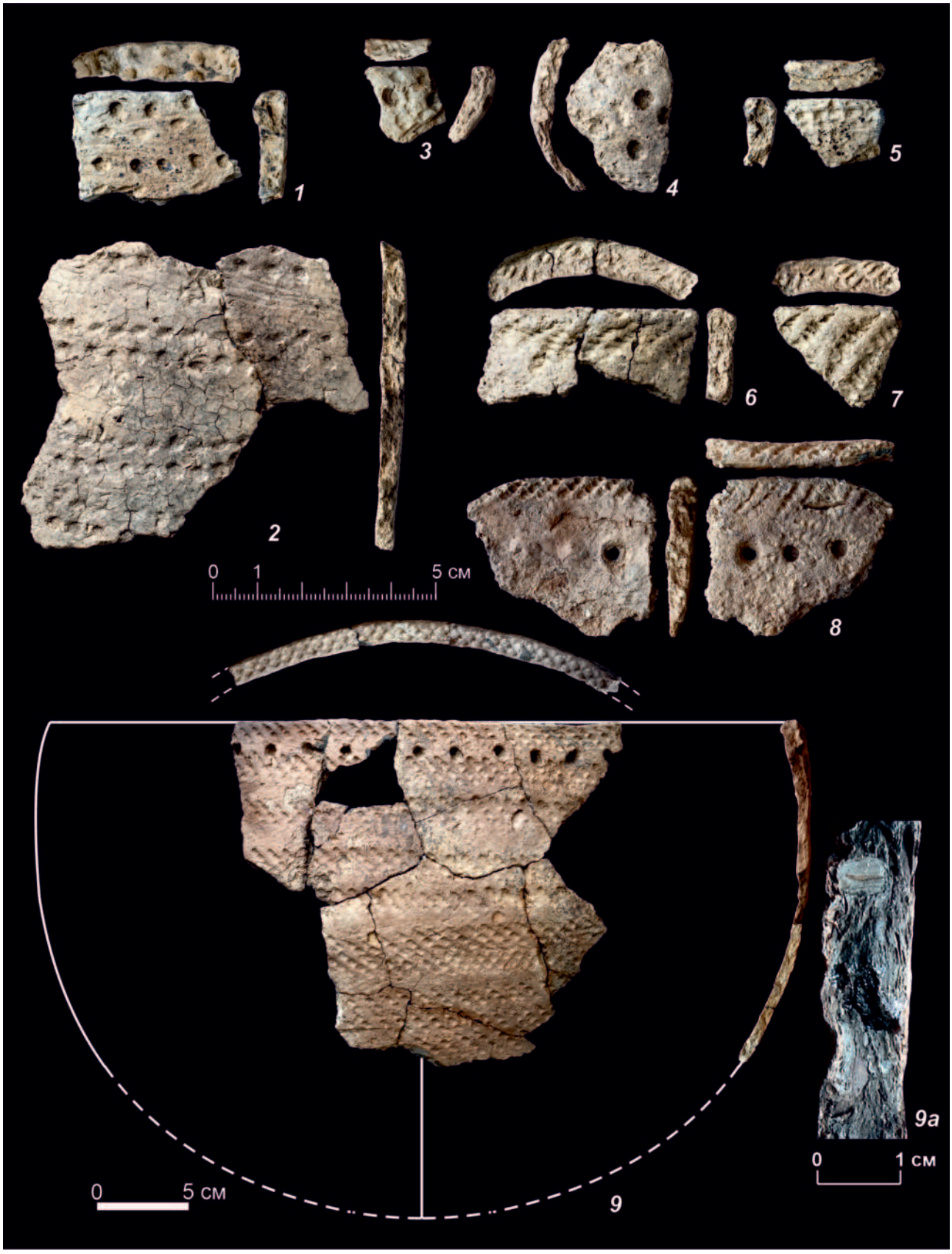


Рис. 7. Пидж I/12А. Обломки керамических сосудов: 1, 2 – № 6; 3, 4 – № 12; 5 – № 18; 6, 7 – № 14; 8 – № 15; 9 – № 7, графическая реконструкция, 9а – стенка сосуда № 7.

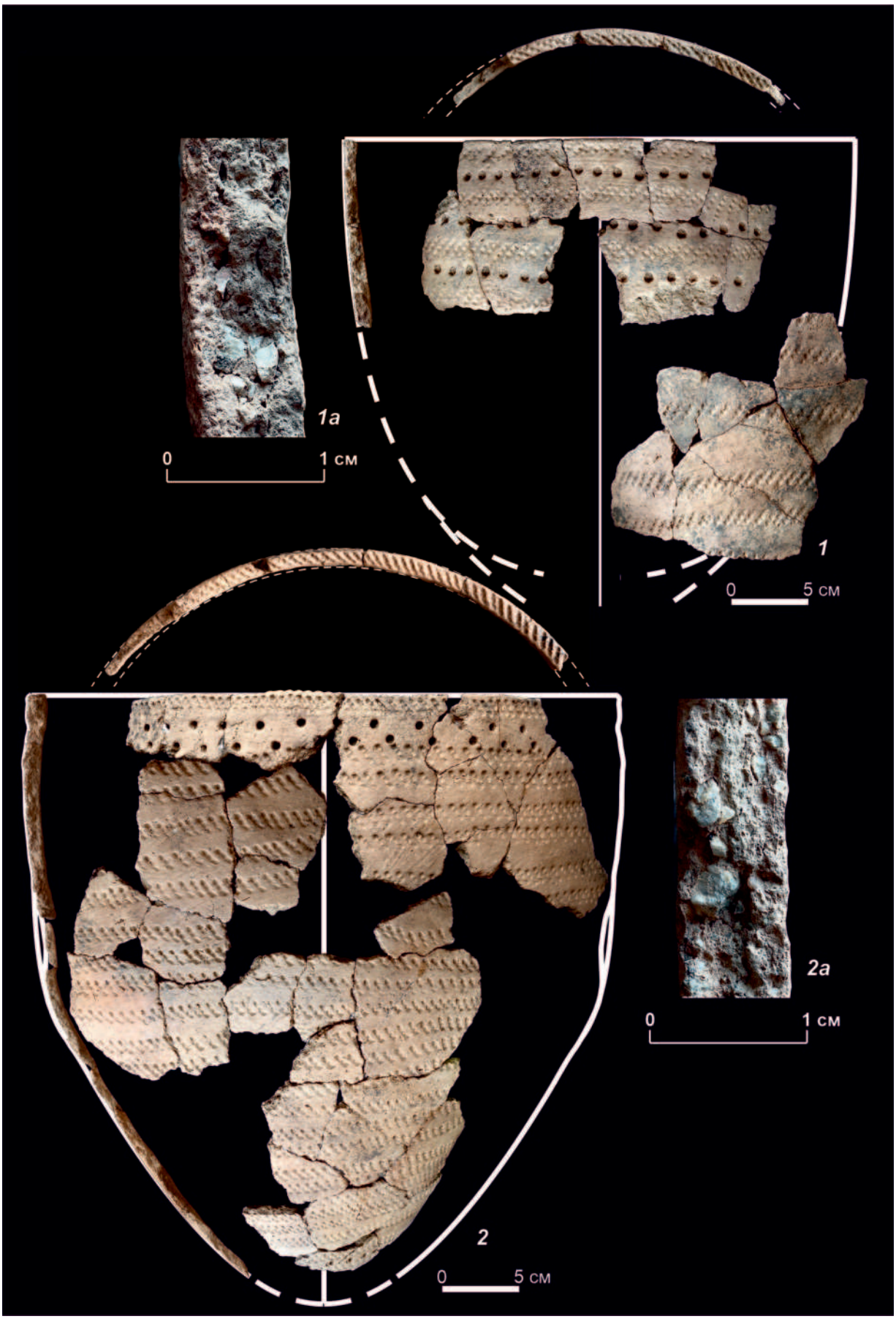


Рис. 8. Пидж I/12А. Керамические сосуды. Графическая реконструкция.
1 – № 9 и 1а – его стенка; 2 – № 8 и 2а – его стенка.

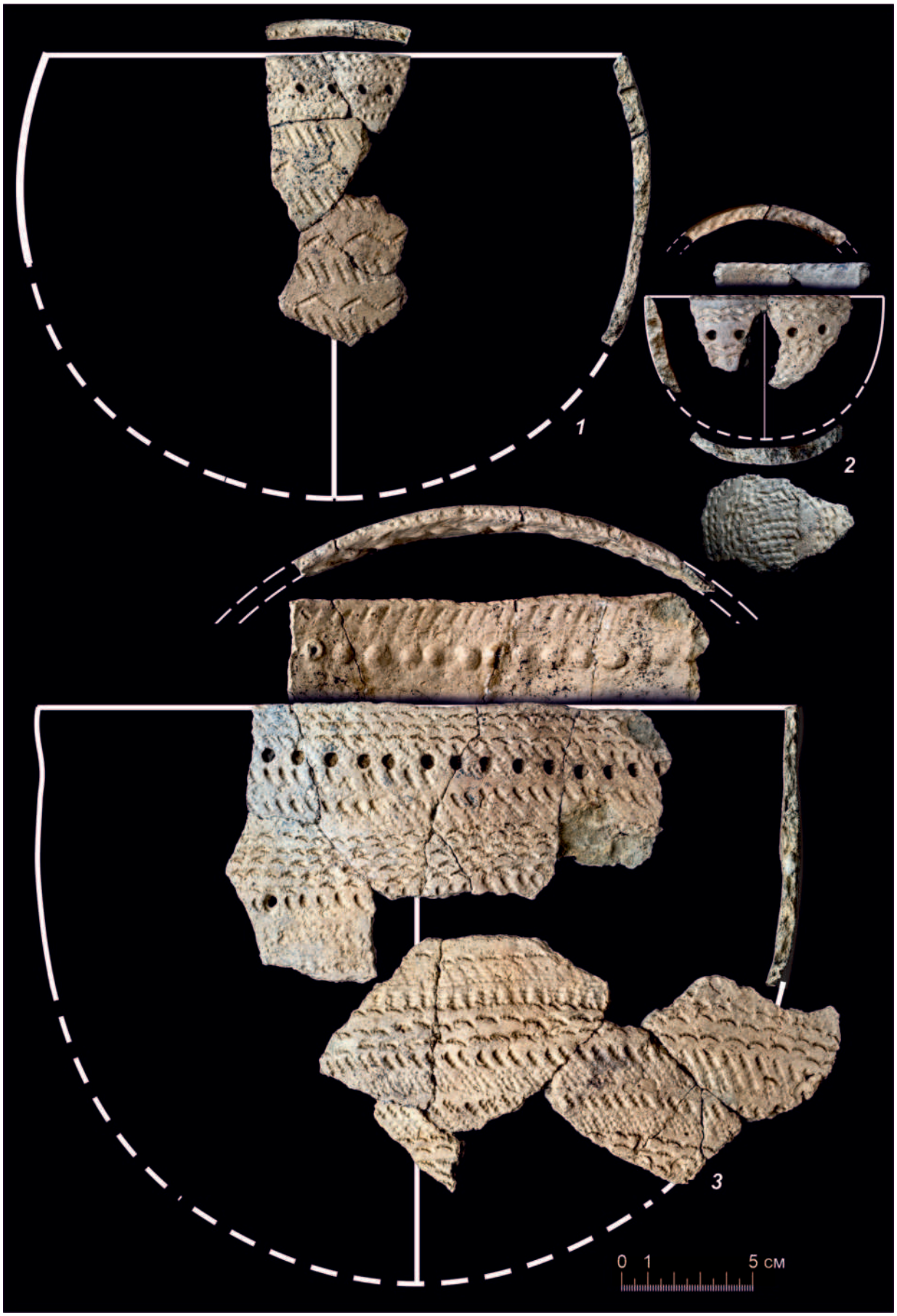


Рис. 9. Пидж I/12Б. Керамические сосуды. Графическая реконструкция.
1 – № 11; 2 – № 3; 3 – № 1.

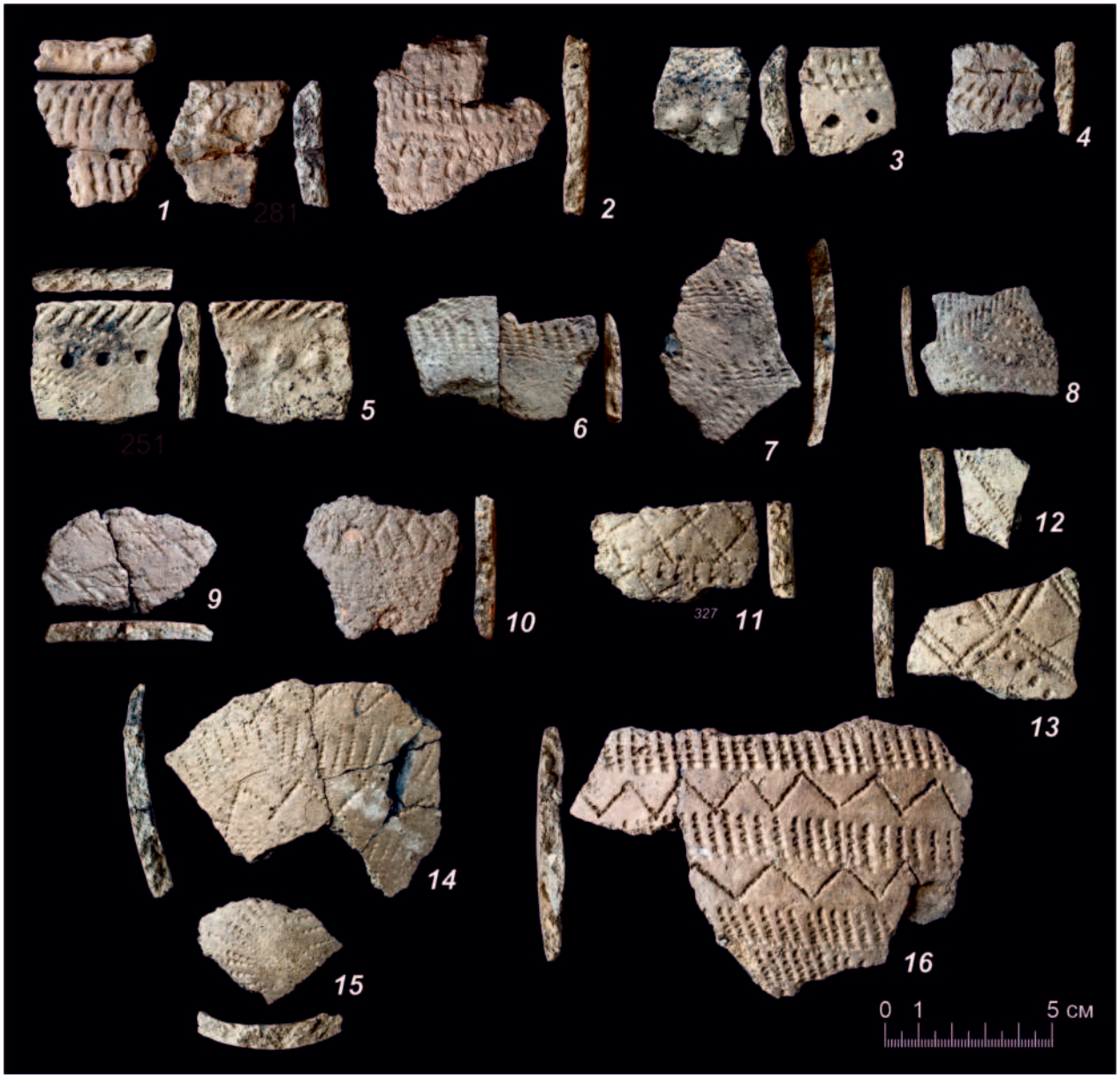


Рис. 10. Пидж I/12Б. Обломки керамических сосудов: 1, 2 – № 2; 3 – № 16; 4 – № 26; 5–7 – № 20; 8 – № 24; 9, 10 – № 27; 11 – № 28; 12, 13 – № 29; 14, 15 – № 30; 16 – № 10.

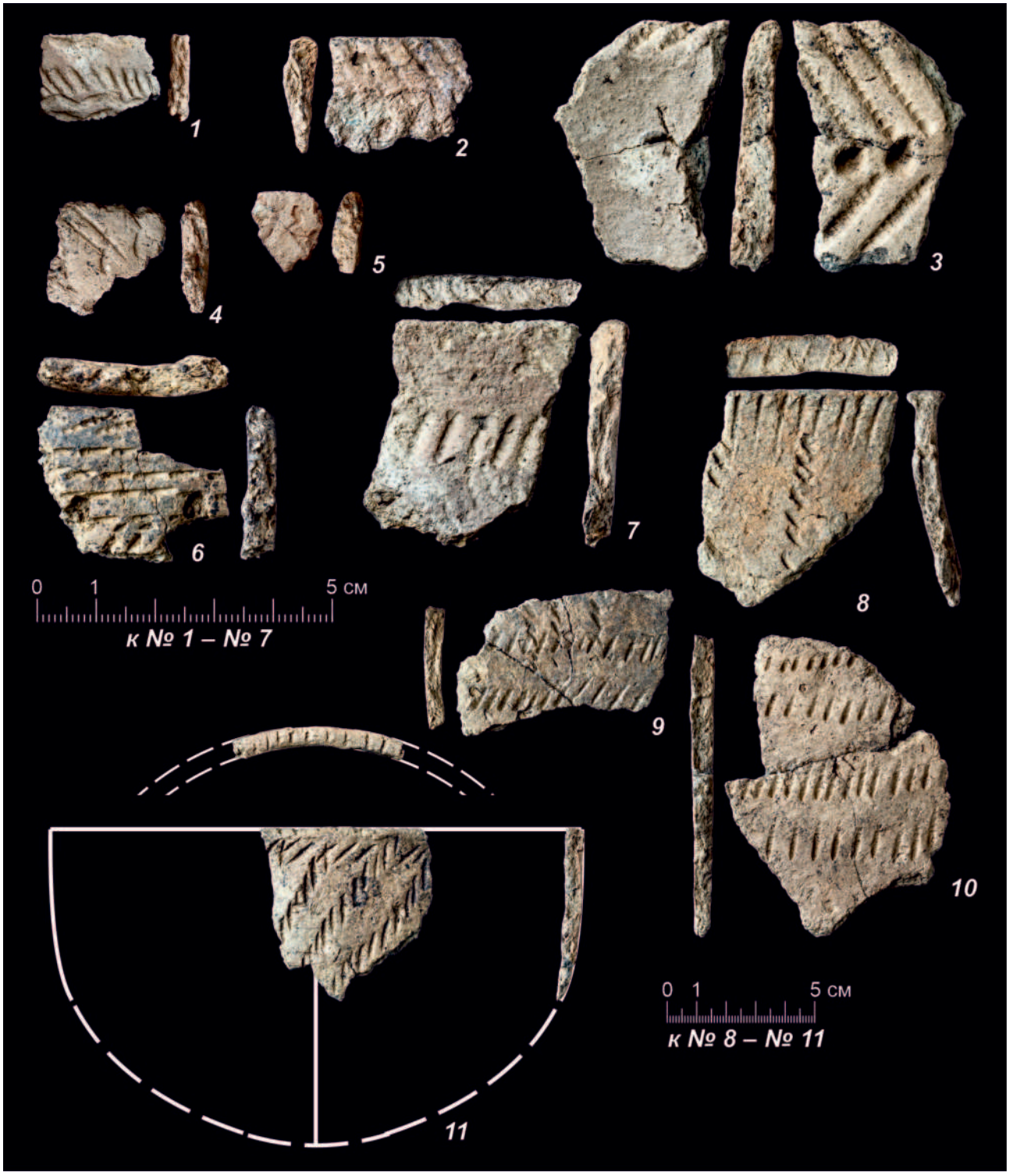


Рис. 11. Пидж I/12B. Обломки керамических сосудов:
1 – № 25; 2 – № 19; 3 – № 13; 4 – № 23; 5 – № 22; 6 – № 17; 7 – № 21; 8-10 – № 4; 11 – № 5.

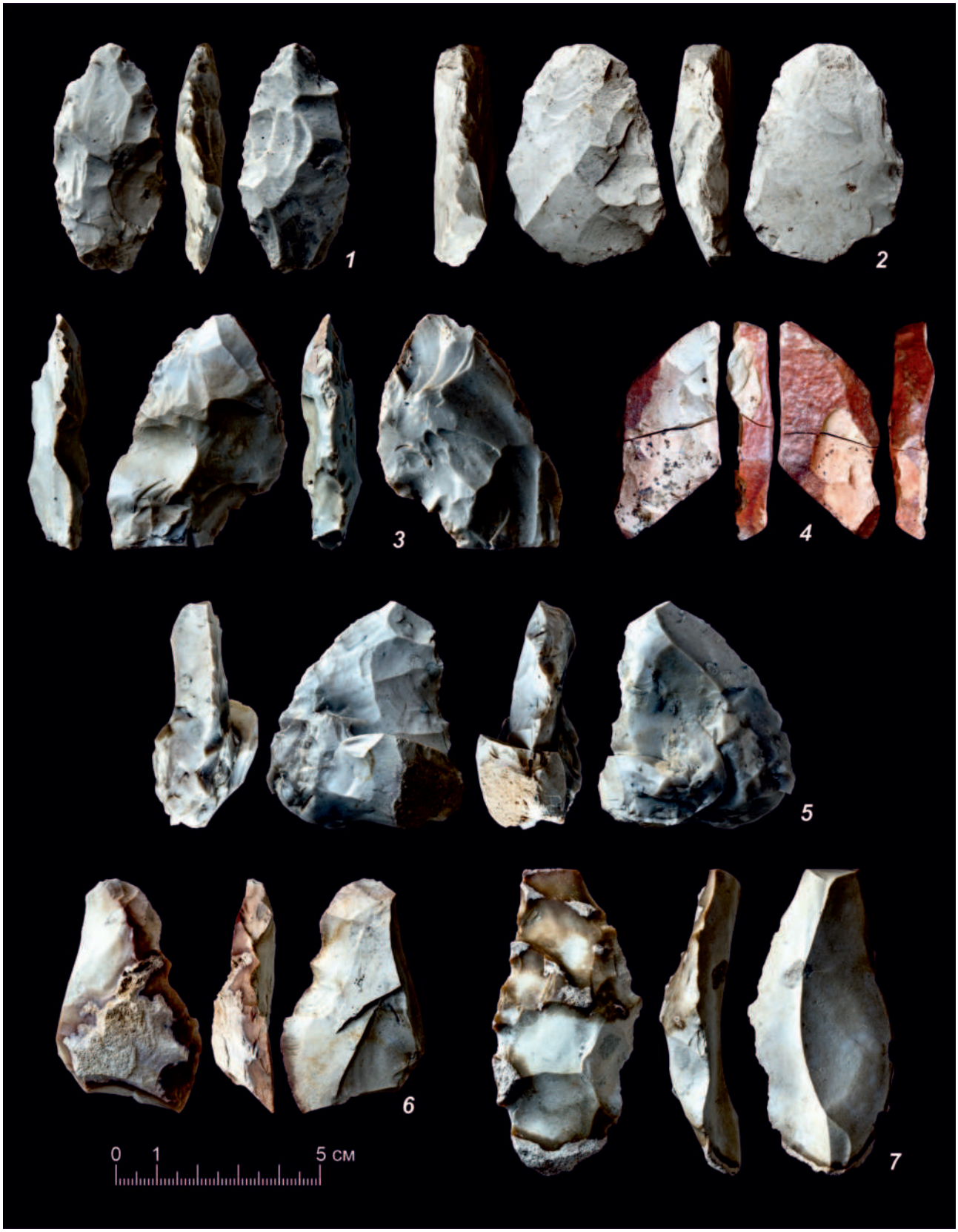


Рис. 12. Пидж I/12A. Кремневые бифасы на разных стадиях расщепления.

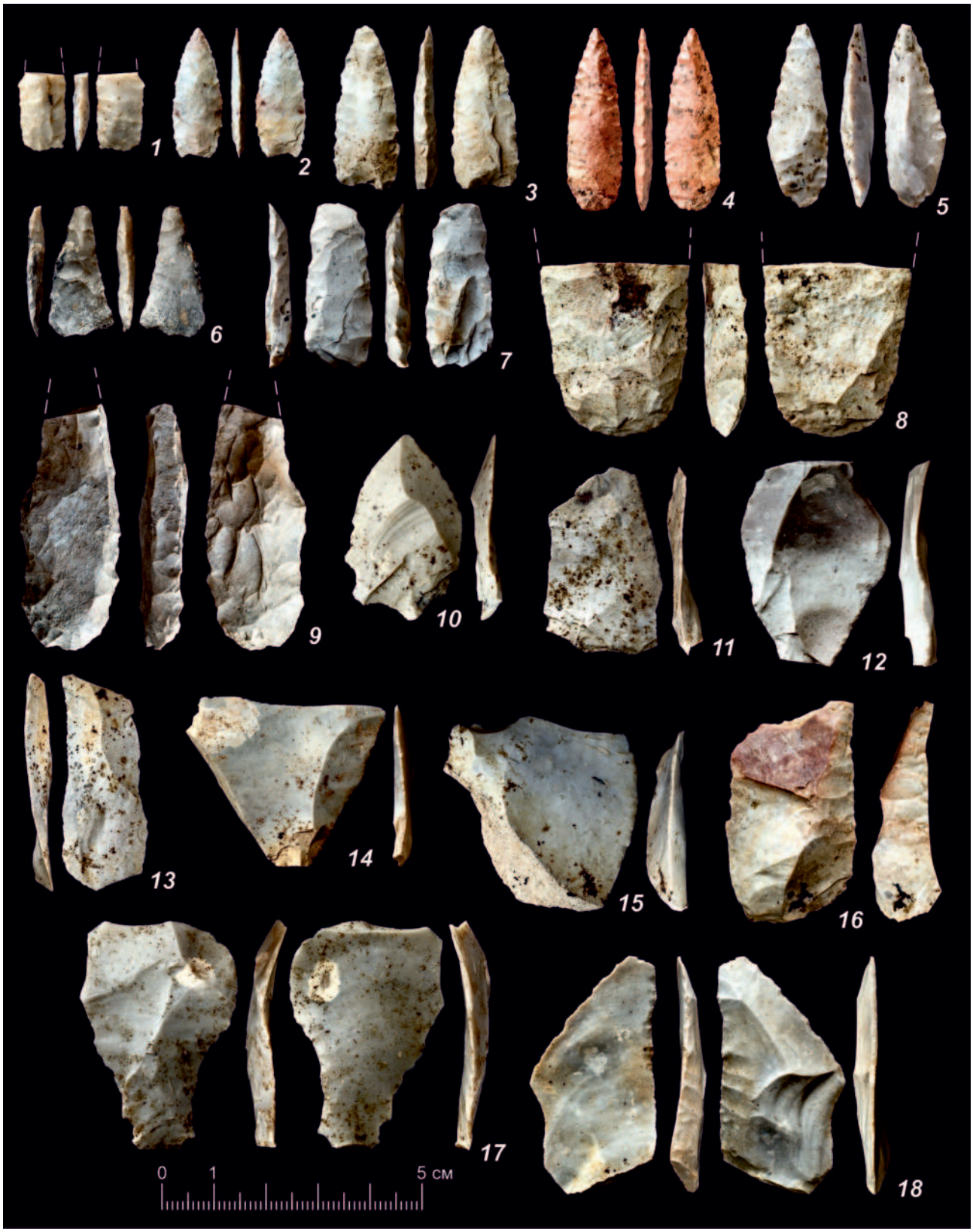


Рис. 13. Пидж I/12A. Кремневые изделия.
1–5, 7, 9 – наконечники стрел и их заготовки; 6 – перфоратор; 8 – обломок заготовки кинжала или наконечника копья/дротика; 10–18 – ножи. 4, 1, 6, 7 – очаг; 8 – пятно; 10–18 – ножи.

Рис. 14. Пидж I/12A. Кремневые скребки.

Рис. 15. Пидж I/12A. Кремневые изделия: 1–3 – комбинированные орудия; 4–10 – скобели.

Рис. 16. Пидж I/12A.
1–4 – кремневые орудия оригинальных форм; 5–6 – абразивы из некремнистых пород.

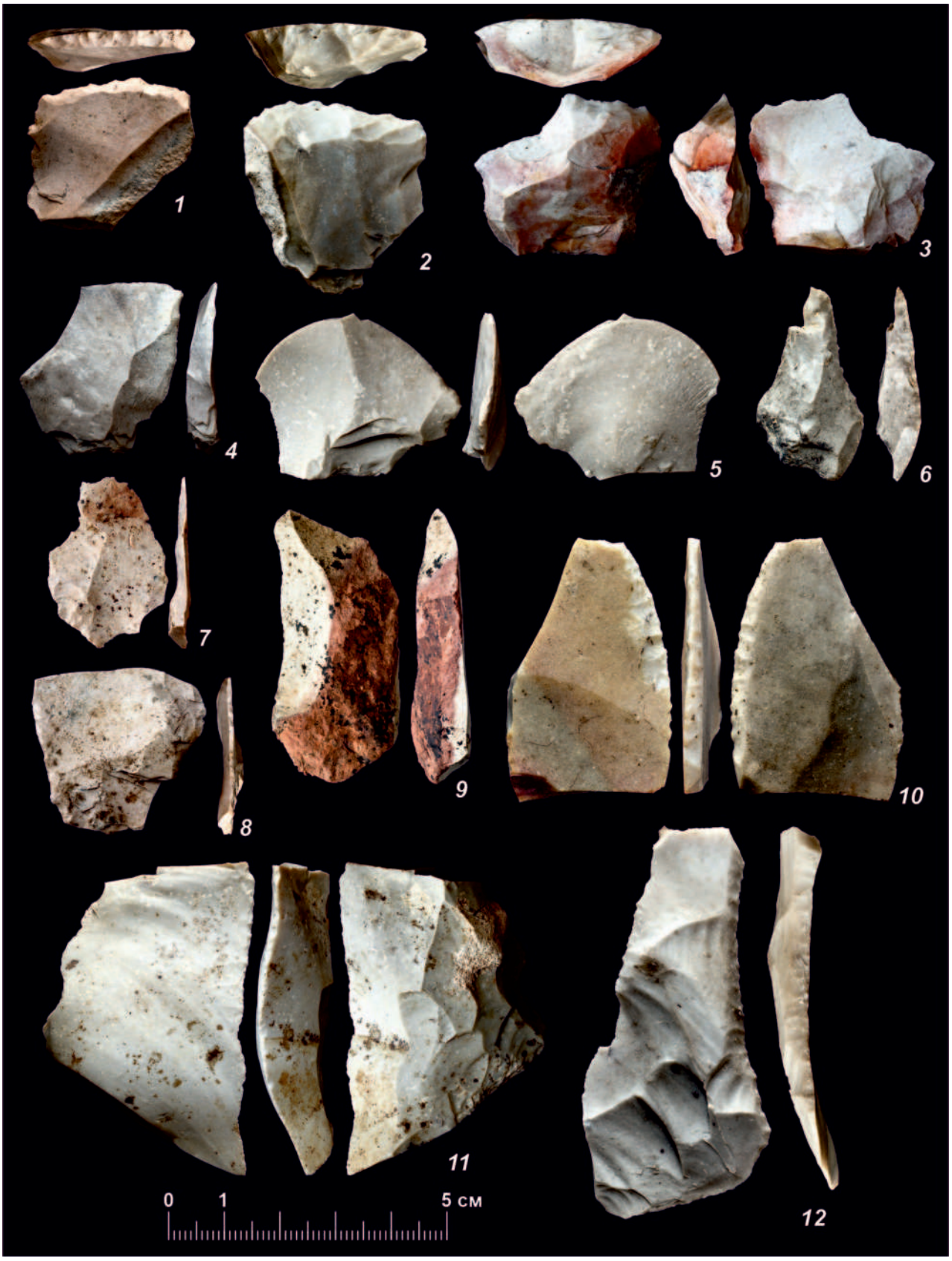


Рис. 17. Пидж I/12Б. Кремневые изделия.
1–5 – скребки; 6, 12 – скобели; 7–11 – ножи. 1, 8, 9 – яма № 2.

Рис. 18. Пидж I/12Б. 1, 2 – кремневые ядрища (?); 3 – грузило из некремнистой породы.

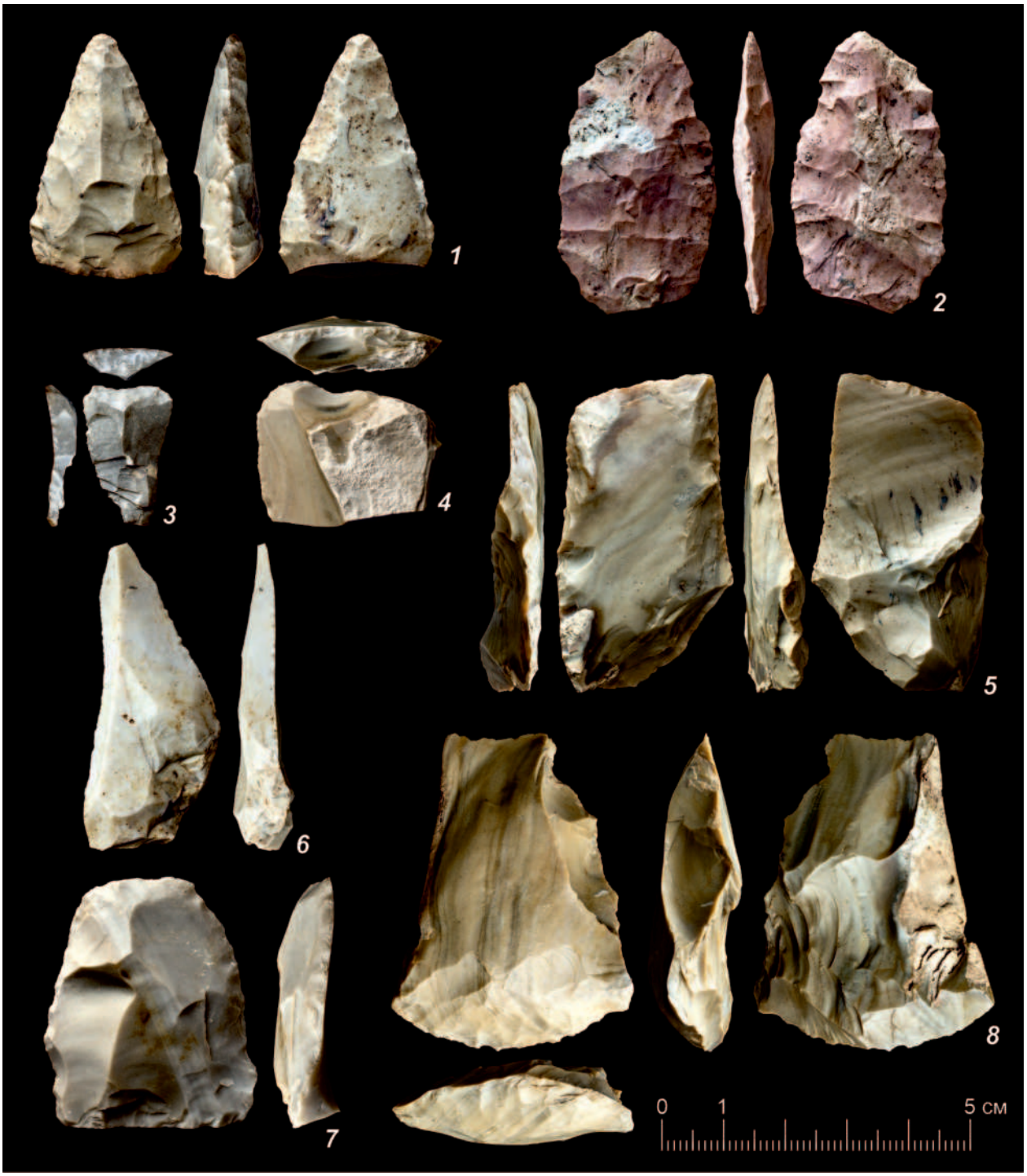


Рис. 19. Пидж I/12B. Кремневые изделия.
1, 2 – бифасы; 3, 4 – скребки; 5, 6 – ножи; 7 – орудие комбинированное; 8 – тесло.

Л.Л. Косинская

НИРЕМКА I, ПУНКТЫ № 2, 4–5*

Аннотация. Вблизи поселения Ниремка I (Княжпогостский район Республики Коми) были обнаружены три сезонные стоянки, обозначенные как Ниремка I, пункты № 2, 4–5. На двух из них зафиксированы следы легких наземных жилищ с очагами, а на всех трех – группы небольших ям. Число сосудов на каждой из стоянок от одного до пяти, кремневый инвентарь немногочислен, орудийный набор включает в основном режущие орудия, а также скребки, наконечники стрел, острия-перфораторы. Керамика с гребенчатым орнаментом находит аналогии в комплексах чужьяельского, конецборского и ниремкского типов. Памятники определены как кратковременные сезонные промысловые стоянки. Предварительная датировка по аналогиям – втор. пол. IV – перв. пол. III тыс. до н.э.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, бассейн р. Вычегды, энеолит, сезонные стоянки, гребенчатая керамика

L.L. Kosinskaya

NIREMKA I, LOCATIONS NO. 2, 4–5

Near the settlement of Niremka I (the Knyazhpogost region of the Komi Republic), three seasonal campsites were found, designated as Niremka I, Locations 2, 4-5. There are traces of light ground dwellings with hearths in two of them, and groups of small pits in every three. The number of pots in each of the sites is from one to five, flint implements are few, tool kit includes mainly cutting tools, as well as scrapers, arrowheads, puncher points. Ceramics with a comb ornament finds analogies in the complexes of the Chuzhyayel', Konetsbor and Niremka types. The sites are defined as short-term seasonal campsites. Preliminary dating by analogies is the second half of the IVth – first half of the IIIrd millennium B.C.

Keywords: European North-East, Vychegda River basin, Chalcolithic, seasonal sites, comb ceramics

В конце 1970-х гг. при обследовании окрестностей поселения Ниремка I (Княжпогостский район Республики Коми, 2 км к югу от с. Серегово) были обнаружены пункты подъемного материала, залегавшего в бороздах противопожарной вспашки (рис. 1). В пунктах № 2, 4 и 5, расположенных в нескольких десятках метров друг от друга, была найдена сходная энеолитическая керамика, поэтому встал вопрос, не являются ли они единым памятником. Раскопки, проведенные археологической экспедицией Коми Республиканского краеведческого музея под руководством автора в 1984–1987 гг., показали, что это остатки трех небольших стоянок.

Стоянка Ниремка I, пункт № 2 расположена в 100 м к юго-западу от поселения Ниремка I, на 4-метровой боровой террасе правого берега р. Выми, в 10 м от бровки террасы. Площадь распространения подъемного материала составила около 150 кв. м, площадь раскопа – 104 кв. м (рис. 2). На большей части раскопа культурный слой представлял собой горизонт залегания находок, приуроченный к подошве подзола и иллювиальному темно-желтому песку (10–20 см от поверхности). Культурные остатки располагались 15-метровой полосой, параллельно краю террасы. На северном конце этой полосы подзол и иллювий разделяла прослойка желто-серого/желто-коричневого песка с мелкими углистыми вкраплениями. Ее мощность колебалась от 2 до 12 см. В центре раскопа прослежен объект в виде углубления, заполненного темно-желтым иллювиальным песком. В плане оно имело вид пятна неправильной формы с нечеткими контурами, длинной осью вытянутого с запада на восток, размерами примерно 6 х 4 м. В западной части объекта зафиксировано овальное очажное пятно размерами 1,5 х 0,8 м, с ямой 10 в основании. Яма корытообразная в профиле, врезана на 0,2 м в светло-желтый материковый песок. В очажном пятне с серым золисто-углистым заполнением найдены фрагменты керамических сосудов, кремневые отщепы и обломки обожженных камней. В восточной части объекта располагалась яма 9 без находок, по его продольной оси – три столбовые ямки (№ 11, 15, 16). Эти объекты допустимо интерпретировать как следы наземной каркасной постройки, вероятно, легкого наземного жилища.

* *Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», тема № FEUZ-2020-0056.*

Рядом с ним и в 7 м к юго-западу располагались две группы неглубоких ям округлой и овальной форм, заполненных желто-серым или желто-коричневым песком с угольками. В двух из них залегали скопления керамики. Основная часть находок обнаружена вне жилища вокруг ям.

Найденные 245 фрагментов керамики принадлежат пяти сосудам (рис. 3–5). Тесто плотное, с примесью дресвы, поверхность с обеих сторон тщательно заглажена. Три сосуда горшковидные, с намеченной шейкой, диаметром 27–30 см, два – непрофилированные конусовидные с открытой горловиной, диаметром 20 и 12 см. Уплощенные венчики скошены внутрь. Орнамент плотный, покрывает всю наружную поверхность сосудов, включая верхнюю часть, в двух случаях нанесен под венчиком изнутри. Он состоит из горизонтальных рядов прямых и дуговидных оттисков гребенчатого штампа с прямоугольными и фигурными зубцами, дополняемыми однорядным зигзагом и рядом ямок под венчиком. На двух сосудах ямки нанесены поверх гребенчатых оттисков. Особенность дуговидных оттисков с фигурными зубцами – раздвоение в нижней части – объясняется манерой нанесения с частичным протаскиванием или шаганием нижним концом штампа («расщепленная гребенка»). Кремневый инвентарь насчитывает 206 предметов (табл. 1) из галечного и валунного материалов. Большинство продуктов расщепления принадлежит двум-трем желвакам качественного сероватого и коричневатого крапчатого кремня. С одного крупного желвака снят лишь один первичный скол. Ядрища представляют остаточный аморфный двухплощадочный нуклеус (рис. 6, *1*) и обломок плоского двустороннего предмета расщепления с двумя смежными площадками. Они использовались для получения отщепов. Из восьми пластин только одна имеет правильную огранку. Орудий со вторичной обработкой насчитывается 28, из них четыре изготовлены из неправильных пластин, одно – из продольного скола с нуклеуса, остальные – из отщепов. Преобладают ножевидные орудия на тонких отщепах и пластинчатых отщепах с краевой дорсальной ретушью (рис. 6, *5, 6, 9*). Также представлены концевые скребки (рис. 6, *2–4*), комбинированные орудия с крутой краевой ретушью по двум-трем граням, в том числе долотовидное орудие (рис. 6, *7, 8, 10, 11*), обломок сверла без плечиков, проколка с плечиками (рис. 6, *14, 15*). Сплошной двусторонней ретушью обработаны листовидные наконечники стрел с приостренным и усеченным основанием (рис. 6, *12, 13*). Коллекцию дополняют два отбойника и два ретушера из галек, а также плитка сланца без следов использования.

Стоянка Ниремка I, пункты № 4–5, расположена в 60 м к западу от предыдущего памятника, в 110 м от бровки террасы. Подъемный материал залегал в отвалах противопожарных борозд двумя пятнами, соответствующими пунктам № 4 и 5. Раскоп площадью 108 кв. м охватил оба пятна находок (рис. 7).

Стратиграфия ничем не отличается от прослеженной в пункте 2. Основная часть находок залегала в основании прослойки желто-серого с угольками песка и в верхней части подстилающего ее иллювиального горизонта, на глубине 10–15 см от поверхности. В западной, центральной и восточной частях раскопа зафиксированы три скопления ям и пятен, заполненных сероватым, с оттенками, углистым песком.

Объекты пункта № 4. Центральная группа ям образовала овальное кольцо размерами 6 х 6 м (рис. 7, Б). В южной части кольца расположена очажная яма 14 овальной формы, размерами 1,5 х 0,7 м, с пологими стенками и округлым дном. Яма заполнена светло-серым песком с углистыми вкраплениями, южная стенка прокалена. Заполнение насыщено обожженным кремнем и мелкими фрагментами кальцинированных костей. Находки (керамика и кремневый инвентарь) концентрировались между очагом и продолговатой ямой 1 в центре площадки. Квадратная ямка 10 между очагом и ямой 1 и небольшие округлые ямки по периметру, очевидно, являются следами опорных столбов. Описанные остатки, вероятно, принадлежат недолговременному наземному жилищу площадью около 30 кв. м.

Вторая группа ям отстоит от него на 4 м к северо-западу. Яму 16 отличает овальная форма и более крупные размеры (1 х 0,6 м). Две округлые ямы 17 и 18 диаметром около 0,5 м, заполненные темно-серым песком с углями, возможно, были очажными, яма 19 содержала зольное заполнение с белыми примазками от пережженных костей.

Находки концентрировались вокруг ям и в их заполнении.

Объекты пункта № 5 расположены в 6 м к востоку от жилища (рис. 7, В). Пять небольших ям (25–28, 37) овальной и округлой формы образуют цепочку длиной 6,5 м, протянувшуюся с запада на восток, две (29, 36) отстоят к северу и к югу от нее. Ямы заполнены серым и желто-серым песком с угольками. Фрагменты керамики и единичные каменные предметы залегали в восточной части комплекса и в трех более крупных (0,3–0,5 м в поперечнике) ямах 27, 28, 37 и вокруг них.

Коллекция

Вся керамика из пункта № 4 принадлежит одному сосуду (рис. 8) с гладкой поверхностью и плотным тестом с примесью дресвы, диаметром по венчику 42 см. Форма близка полуяйцевидной с округлым дном, венчик плавно скошен внутрь и слегка отогнут наружу, образуя намечающуюся шейку. Орнамент нанесен оттисками гребенчатого штампа и покрывает всю наружную поверхность, а также скос венчика изнутри. Композиция горизонтально-зональная, без разделителей: пояса горизонтальной елочки перемежаются рядами вертикальных оттисков, под венчиком поверх гребенки нанесен ряд ямок. Манера постановки штампа меняется сверху вниз, разнообразя монотонную композицию; не исключено, что применялись два инструмента, один из которых дал дуговидные оттиски с фигурными зубцами. Днище этого сосуда, лежавшее орнаментом вверх, найдено в жилище между очагом и ямой 1, а фрагменты верхней части обнаружены в ямах 17 и 18 в западной части раскопа. Таким образом, принадлежность этих ям к комплексу жилища достоверна.

Каменный инвентарь из пункта № 4, сконцентрированный в пределах жилища, включает 55 предметов (табл. 2; рис. 10, *2–7*). Преобладают отщепы и осколки серого и серовато-белого пятнистого кремня, снятые с двух-трех желваков. 10 орудий сделаны с помощью мелкой краевой ретуши. Большинство служили ножами (рис. 10, *2–5*), одно изделие определено как сверло (рис. 10, *7*). Найден также осколок абразивной плитки из мелкозернистого песчаника.

В пункте № 5 найдены фрагменты трех сосудов, два из которых частично реконструированы. Оба имеют плотное тесто с примесью дресвы, а их поверхности заглажены. Один из них имеет профилированную горловину диаметром 39 см и загнутый внутрь фигурный венчик (рис. 9). Сосуд орнаментирован короткими и длинными оттисками гребенчатого штампа: горизонтальной елочкой по горловине, поясами параллелограммов с «ресничками», разделенными одинарными рядами коротких вертикальных оттисков – по тулову. Второй сосуд с прикрытым устьем, с утолщенным приплюснутым венчиком, орнаментирован горизонтальными поясами и косыми столбцами из наклонных оттисков короткого гребенчатого штампа (рис. 10, *1*). Третий сосуд, представленный единичными фрагментами стенок, отличается штриховой зачисткой внутренней поверхности и разреженным орнаментом из оттисков короткого гребенчатого штампа. Небольшой фрагмент второго сосуда обнаружен в западной части раскопа (уч. ОЕ/10) между жилищем и группой ям пункта № 4.

Каменный инвентарь пункта № 5 ограничен пластинчатым отщепом красного кремня и сланцевой галькой без видимых следов использования.

Примечательно, что сосуд из пункта № 4 схож с посудой пункта № 2 по форме венчика и орнаментации (типы орнаментиров, мотивы и композиции). Аналогичные сосуды (за исключением дуговидного штампа), как более крупные, так и небольшие открытые чаши происходят из жилищ № 9, 12 с гребенчатой керамикой поселения Ниремка I. Профилированный сосуд из пункта № 5 по всем признакам близок керамике чужьяельского типа из жилищ № 2, 4–5, 9 того же поселения (Косинская, 1986. С. 88–42).

Возникает вопрос о связи всех трех пунктов культурных остатков, т.е. представляют они единую стоянку или два-три самостоятельных эпизода посещения изученного участка? Второй вопрос – их соотношение с поселением Ниремка I. В пользу самостоятельности каждого из пунктов говорит, в первую очередь, отсутствие каких-либо «связей» как по керамике (за исключением малозначимого факта присутствия фрагмента сосуда из пункта № 5 вблизи объектов пункта № 4), так и по кремневому сырью. Крайне малочисленный каменный инвентарь и ограниченный по составу орудийный набор с преобладанием

режущих орудий обусловлен узкой хозяйственной специализацией и кратковременностью обитания. Жилые постройки относятся к категории легких наземных сооружений, вероятно, летних. Судя по всему, перед нами остатки кратковременных сезонных промысловых стоянок, оставленных минимальными по численности производственными коллективами. Вряд ли организация таких стойбищ всего в 100 м от базового поселения Ниремка I имела смысл. Скорее всего, они могли появиться в те периоды, когда поселение было необитаемо, и ни одно из стационарных жилищ не функционировало.

Если обратиться к более отдаленным аналогиям, то по отношению к керамике пунктов № 2 и № 4 они обнаруживаются в комплексах чужьяельской культуры. Это касается, в частности, характерной орнаментации дуговидным штампом на поселениях Чойновты II, жилища № 11 и 14 на Мезени (Стоколос, 1986. С. 148; рис. 102. С. 150; рис. 108) и Нерчей II в Большеземельской тундре (Стоколос, 1988. С. 46; рис. 16, *2*), а также на поселении Шомвуква II, жилище № 3 в верховьях Выми (Семенов, Несанелене, 1997. С. 79. Рис. 50, *3*). Примечательно, что эта же особенность характеризует керамику ряда памятников ясунской культуры Северного Зауралья, в частности, поселения Лов-санг-хум II, где оттиски фигурнозубого дуговидного штампа с раздвоенным концом названы полушагающей гребенкой (Васильев, Глызин, 2010, С. 122). С другой стороны, сосуды с монотонным гребенчатым орнаментом напоминают керамику конецборского типа (Канивец, 1974. С. 12–17). К сожалению, степень самостоятельности этой группы древностей и ее возраст до сих пор не определены. Но и в составе чужьяельских комплексов встречаются сосуды конецборского типа (Стоколос, 1986. С. 57–61).

Профилированный сосуд из пункта № 5, как указано, близок чужьяельской керамике. Второй сосуд по форме венчика напоминает керамику чойновтинского типа, а мотив наклонных столбцов из оттисков короткого штампа – черта обеих культурных традиций. Кроме того, оба сосуда лишены ямок под венчиком, что более характерно для чойновтинской посуды. Проявления той и другой традиций фиксируются на Вычегде (Карманов, Косинская, 2021. С. 248).

Таким образом, возникает два варианта культурно-хронологической атрибуции рассматриваемых памятников. Либо стоянки следует отнести к самостоятельным, но разным (и разновременным?) комплексам чужьяельской культуры, либо они оставлены группами, близкими в культурном отношении обитателям поселения Ниремка I – носителям ниремкского типа гребенчатой керамики, выделенного Г.М. Буровым (1986. С. 16–17) и сопровождаемого керамикой чужьяельского типа. Если опираться на дату жилища № 12 этого поселения, стоянки могут относиться ко втор. пол. IV – перв. пол. III тыс. до н.э. (Карманов, Зарецкая, 2021. С. 62, 65, рис. 5, I).

Литература

Буров, Г.М. Рецензия на книги: Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. Москва: Наука, 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. Москва: Наука, 1988 / Г.М. Бурова // РА. – 1992. – № 3. – С. 236–246.

Васильев, Е.А. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири / Е.А. Васильев, И.П. Глызин // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / отв. ред. М.П. Черная. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 121–124.

Канивец, В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла / В.И. Канивец. – Москва: Наука, 1974. – 149 с.

Карманов, В.Н. Радиоуглеродная хронология чужъяельской культуры / В.Н. Карманов, Н.Е. Зарецкая // Поволжская археология. – 2021. – № 3. – С. 55–69.

Карманов, В.Н. Чужъяельская культура на Европейском Северо-Востоке / В.Н. Карманов, Л.Л. Косинская // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – С. 236–249.

Косинская, Л.Л. Керамика поселения Ниремка I / Л.Л. Косинская // Памятники материальной культуры Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 1986. – С. 35–44. – (МАЕСВ. Вып. 10).

Семенов, В.А. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета) / В.А. Семенов, В.Н. Несанелене: учебное пособие. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. – 169 с.

Стоколос, В.С. Древние поселения Мезенской долины / В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1986. – 191 с.

Стоколос, В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья/ В.С. Стоколос. – Москва: Наука, 1988. – 256 с.

Таблица 1

Стоянка Ниремка I, п. 2. Состав кремневого инвентаря

Группа	**Категория**	**Неутилизированные**	**Со сработанностью**	**Со вторичной обработкой**	Всего
Сырье и продукты первичного расщепления	Гальки, желваки и их обломки с негативами сколов	6	0	0	6
	Аморфные куски	2	0	0	2
	Первичные отщепы	0	0	1	1
	Первичные пластины	0	0	0	0
Нуклеусы и технические сколы	Нуклеусы	1	0	0	1
	Обломки нуклеусов	3	0	0	3
	Продольные сколы с нуклеусов	0	0	1	1
	Поперечные сколы с нуклеусов	0	0	0	0
	Краевые, боковые, продольные сколы	3	0	0	3
	Ребристые пластины и сколы	1	0	0	1
Прочие продукты расщепления	**Пластины правильные**				
	Целые	0	0	0	0
	Проксимальные и дистальные части	1	0	0	1
	Сечения	0	0	0	0
	Пластины неправильного огранения				
	Целые	0	1	1	2
	Проксимальные и дистальные части	1	0	2	3
	Сечения	0	0	0	0
	Обломки пластин	1	0	1	2
	Пластинчатые отщепы	7	2	4	13
	Отщепы	54	2	6	62
	Осколки	36	5	8	49
	Обломки	0	0	4	4
	Чешуйки	52	0	0	52
ВСЕГО		168	10	28	206

Таблица 2

Стоянка Ниремка I, п. 4–5. Состав кремневого инвентаря

Группа	**Категория**	**Неутилизированные**	**Со сработанностью**	**Со вторичной обработкой**	Всего
Сырье и продукты первичного расщепления	Гальки, желваки	1 (п.5)	0	0	1
	Аморфные куски	0	0	0	0
	Первичные отщепы	2	0	0	2
	Первичные пластины	0	0	0	0
Нуклеусы и технические сколы	Нуклеусы	0	0	0	0
	Обломки нуклеусов	0	0	0	0
	Продольные сколы с нуклеусов	0	0	0	0
	Поперечные сколы с нуклеусов	0	0	0	0
	Краевые, боковые, продольные сколы	0	0	0	0
	Ребристые пластины и сколы	0	0	0	0
Прочие продукты расщепления	**Пластины правильные**	0	0	0	0
	Целые	0	0	0	0
	Проксимальные и дистальные части	0	0	0	0
	Сечения	0	0	0	0
	Пластины неправильного огранения	3	0	0	0
	Целые	0	0	0	0
	Проксимальные и дистальные части	3	0	0	3
	Сечения	0	0	0	0
	Обломки пластин	0	0	1	1
	Пластинчатые отщепы	3 (1 – п.5)	0	2	5
	Отщепы	8	4	4	16
	Осколки	14	1	3	18
	Обломки	0	0	0	0
	Чешуйки	11	0	0	11
ВСЕГО		42	5	10	57

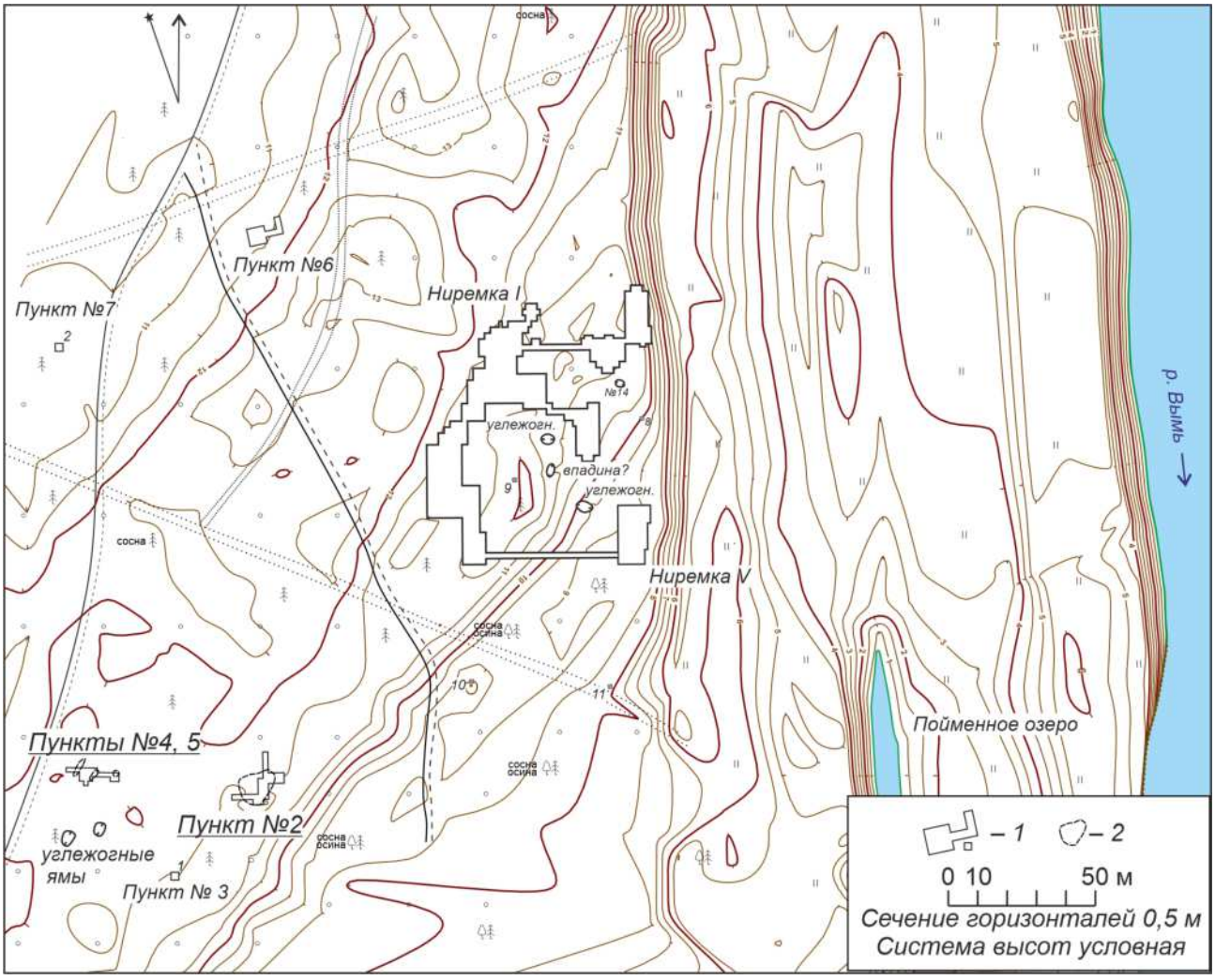


Рис. 1. План археологических памятников в урочище Ниремка:
1 – раскопы и шурфы; 2 – границы распространения подъемного материала.

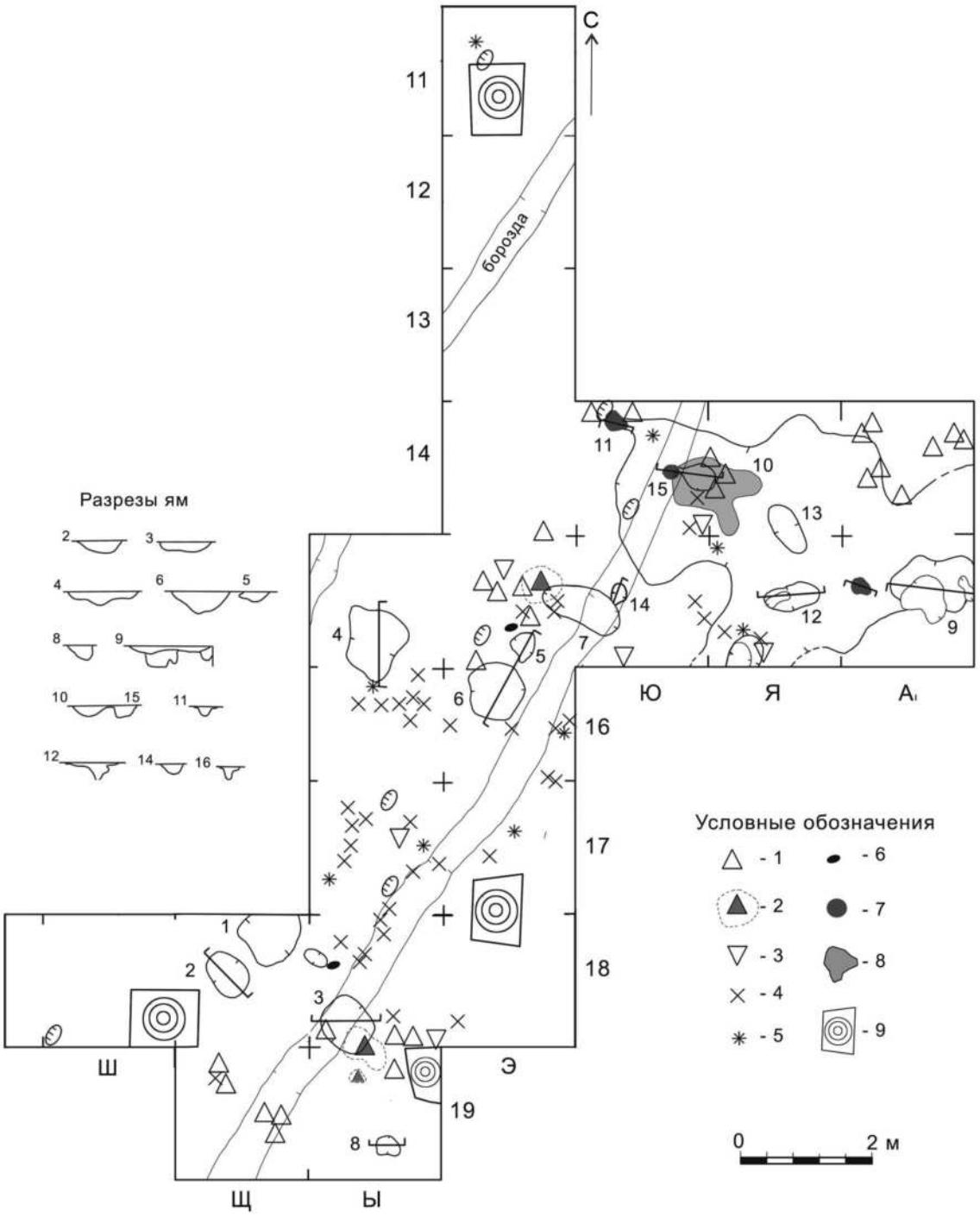


Рис. 2. Ниремка I, пункт № 2. План раскопа:
1 – фрагмент керамики; 2 – скопление керамики; 3 – нуклеус, нуклевидный кусок;
4 – отщеп; 5 – кремневое орудие; 6 – отбойник; 7 – столбовая ямка;
8 – очаг; 9 – дерево.

Рис. 3. Ниремка I, пункт № 2. Керамический сосуд. Графическая реконструкция и реставрация.

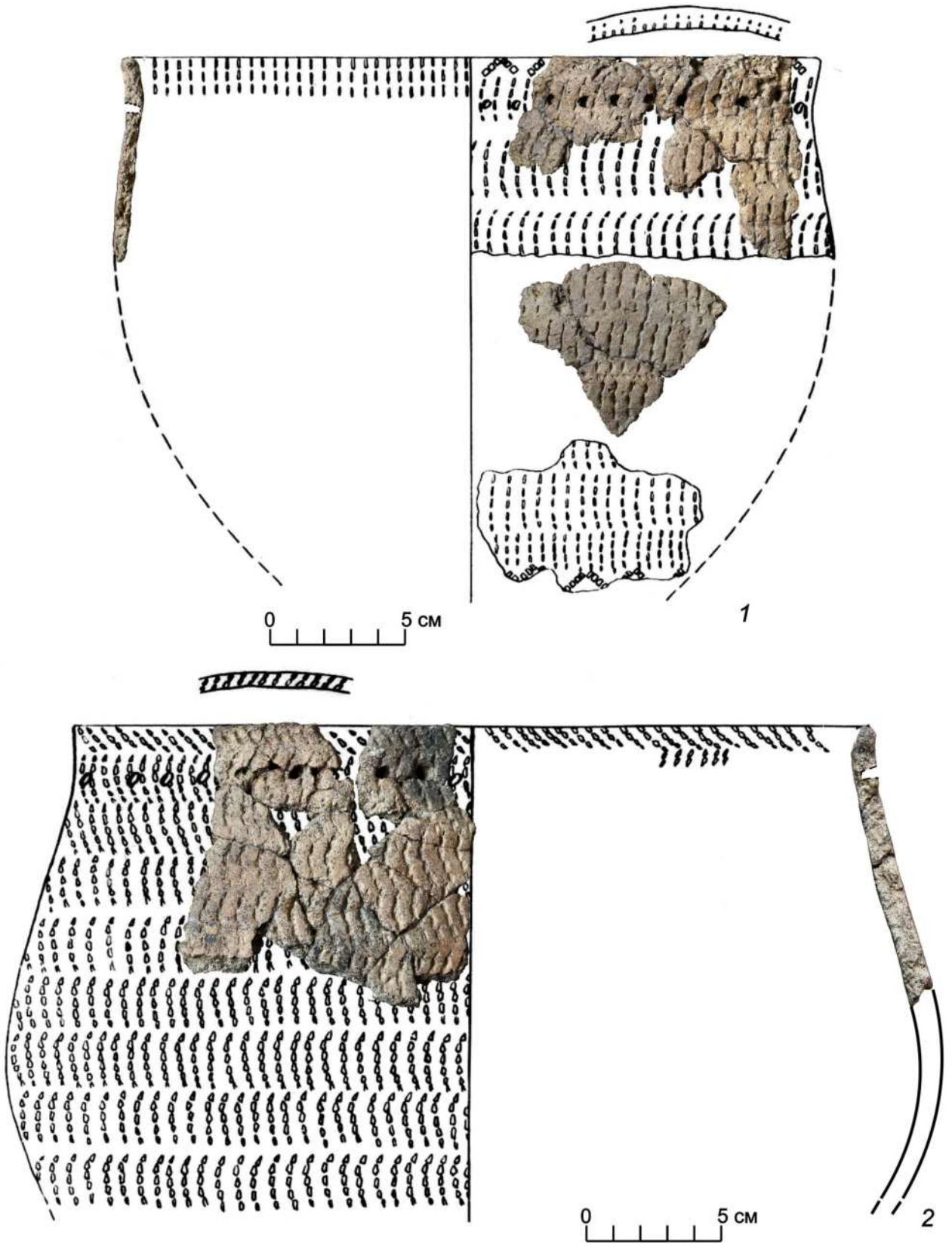


Рис. 4. Ниремка I, пункт № 2. Керамические сосуды. Графическая реконструкция.

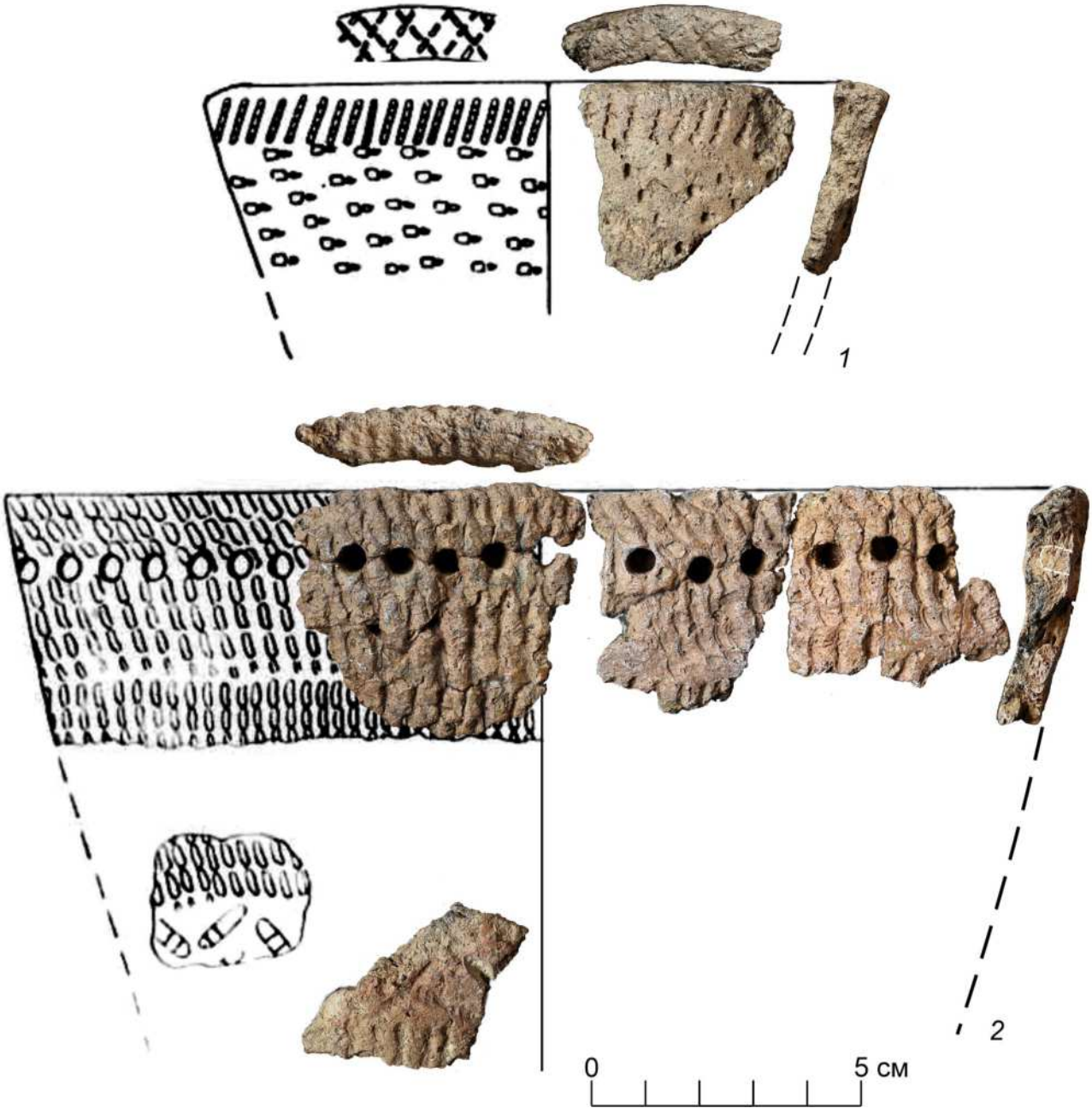


Рис. 5. Ниремка I, пункт № 2. Керамические сосуды. Графическая реконструкция.

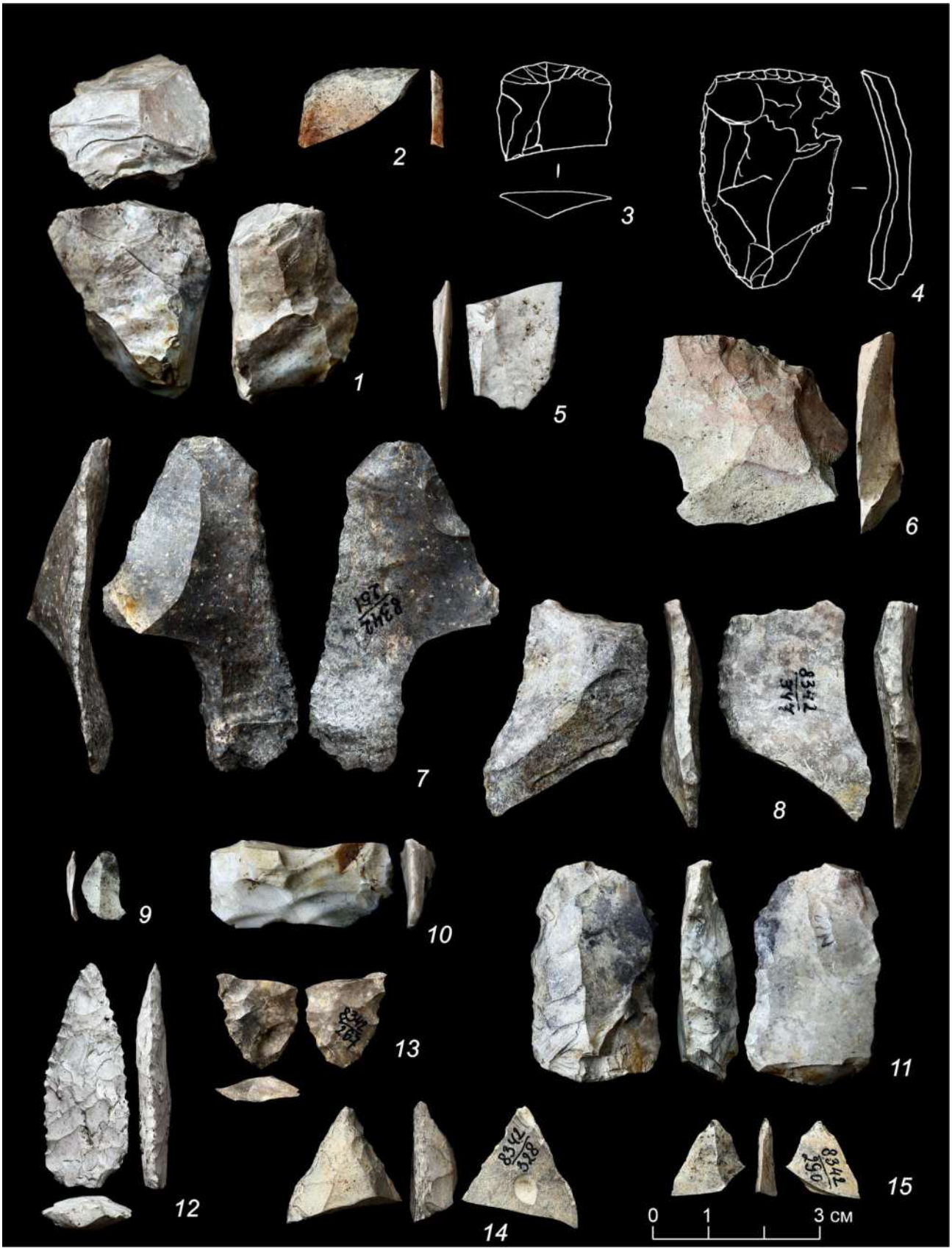


Рис. 6. Ниремка I, пункт № 2. Кремневый инвентарь: 1 – нуклеус; 2–4 – скребки; 5, 6, 9 – режущие орудия с ретушью; 7 – скобель; 8, 10, 11 – комбинированные орудия; 12, 13 – наконечники стрел; 14 – сверло; 15 – проколка.

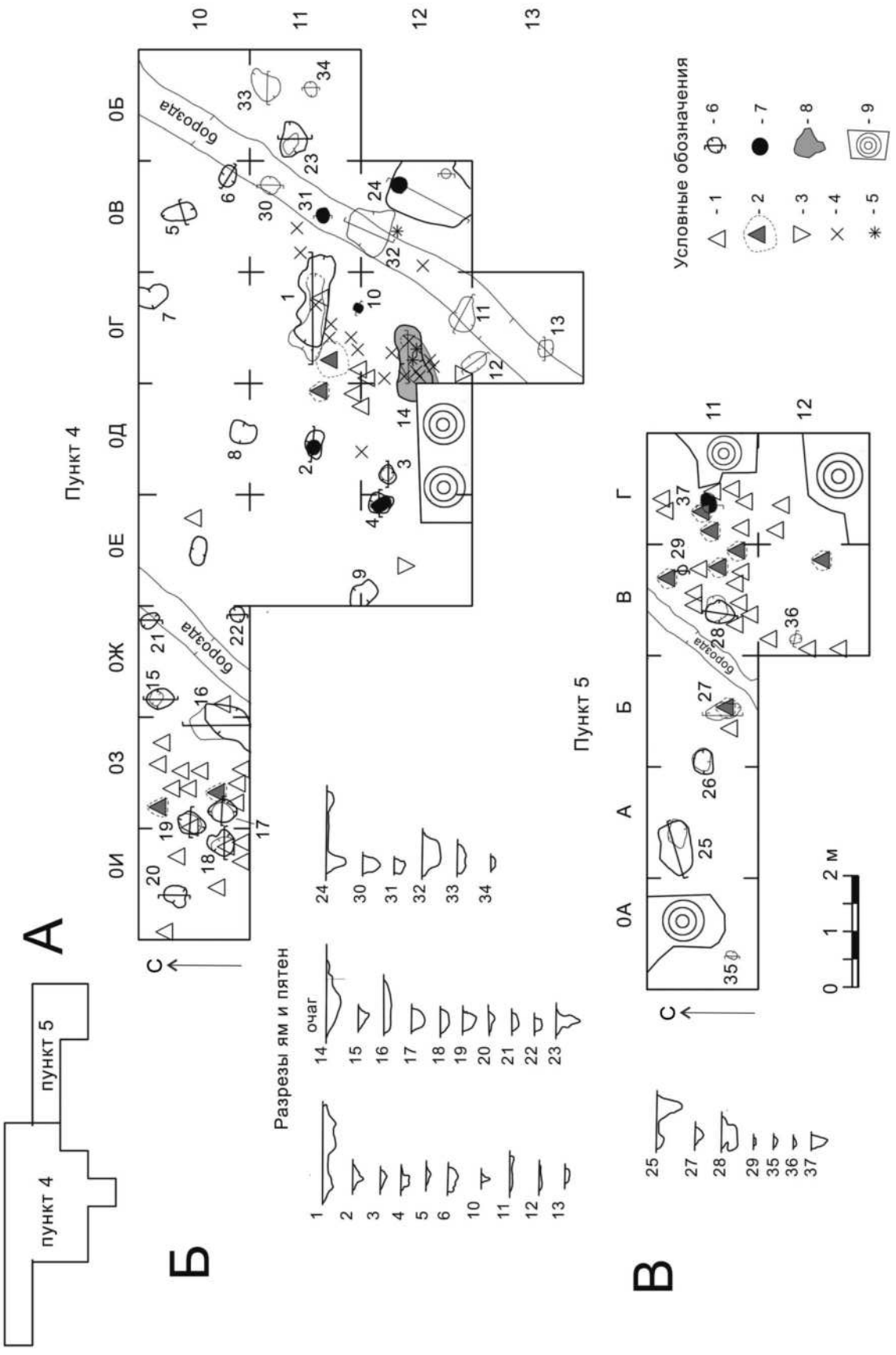


Рис. 7. Ниремка I, пункты № 4–5. А – схема расположения пунктов 4 и 5; Б – план раскопа пункта 4; В – план раскопа пункта 5.
1 – фрагмент керамики; 2 – скопление керамики; 3 – нуклеус, нуклевидный кусок; 4 – отщеп;
5 – кремневое орудие; 6 – яма, пятно; 7 – столбовая ямка; 8 – очаг; 9 – дерево.

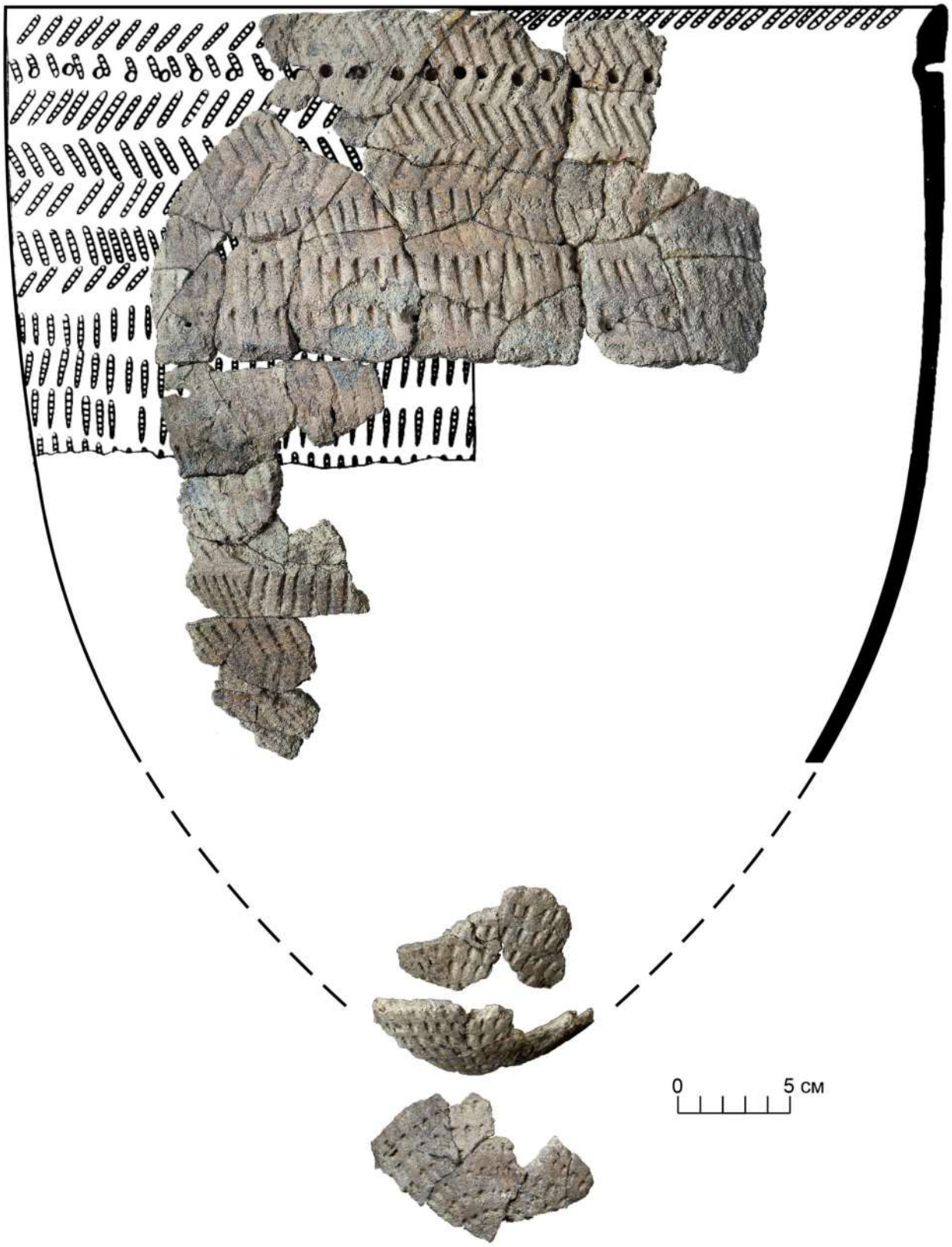


Рис. 8. Стоянка Ниремка I, пункт № 4. Керамический сосуд.
Графическая реконструкция.

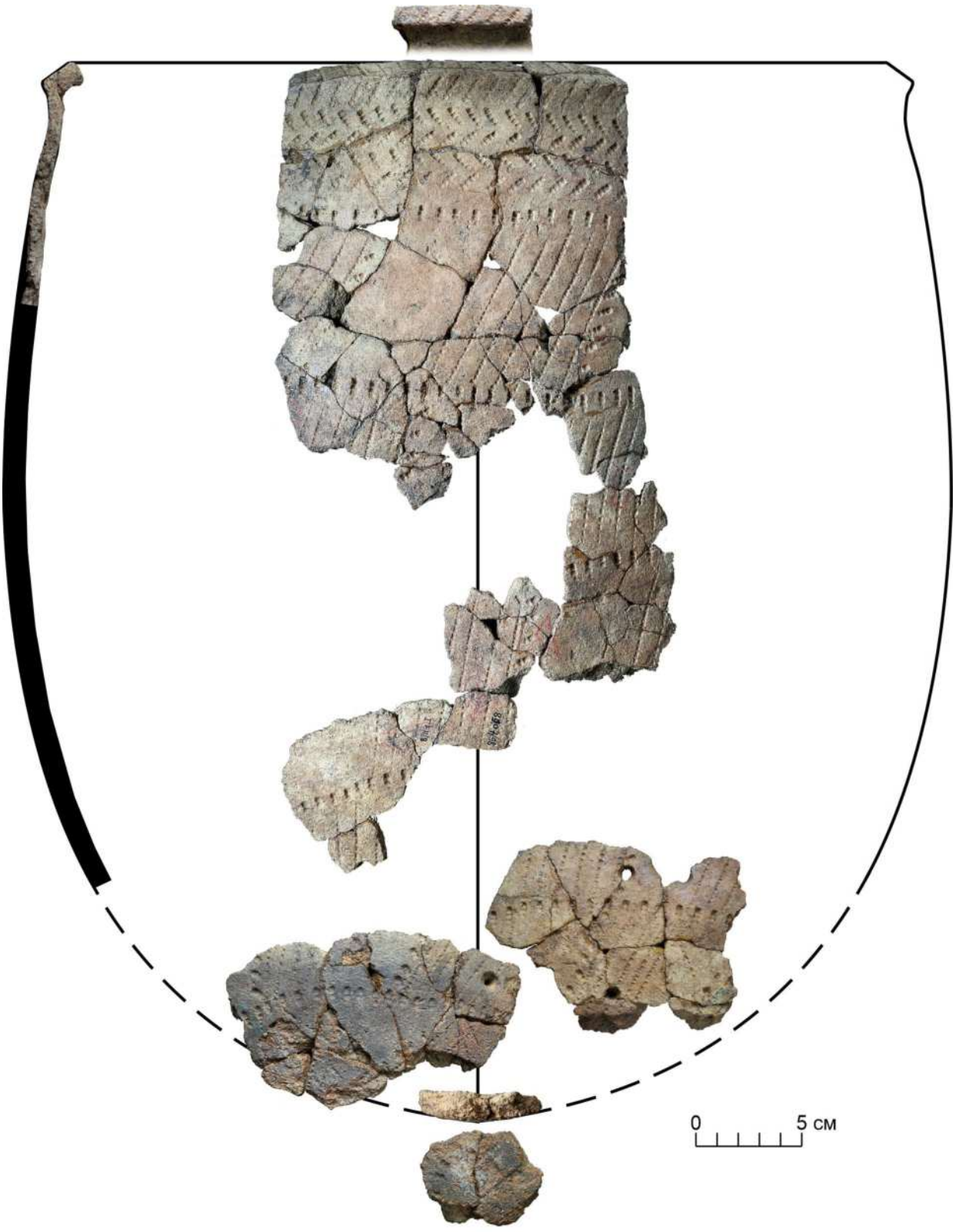


Рис. 9. Стоянка Ниремка I, пункт № 5. Керамический сосуд. Графическая реконструкция.

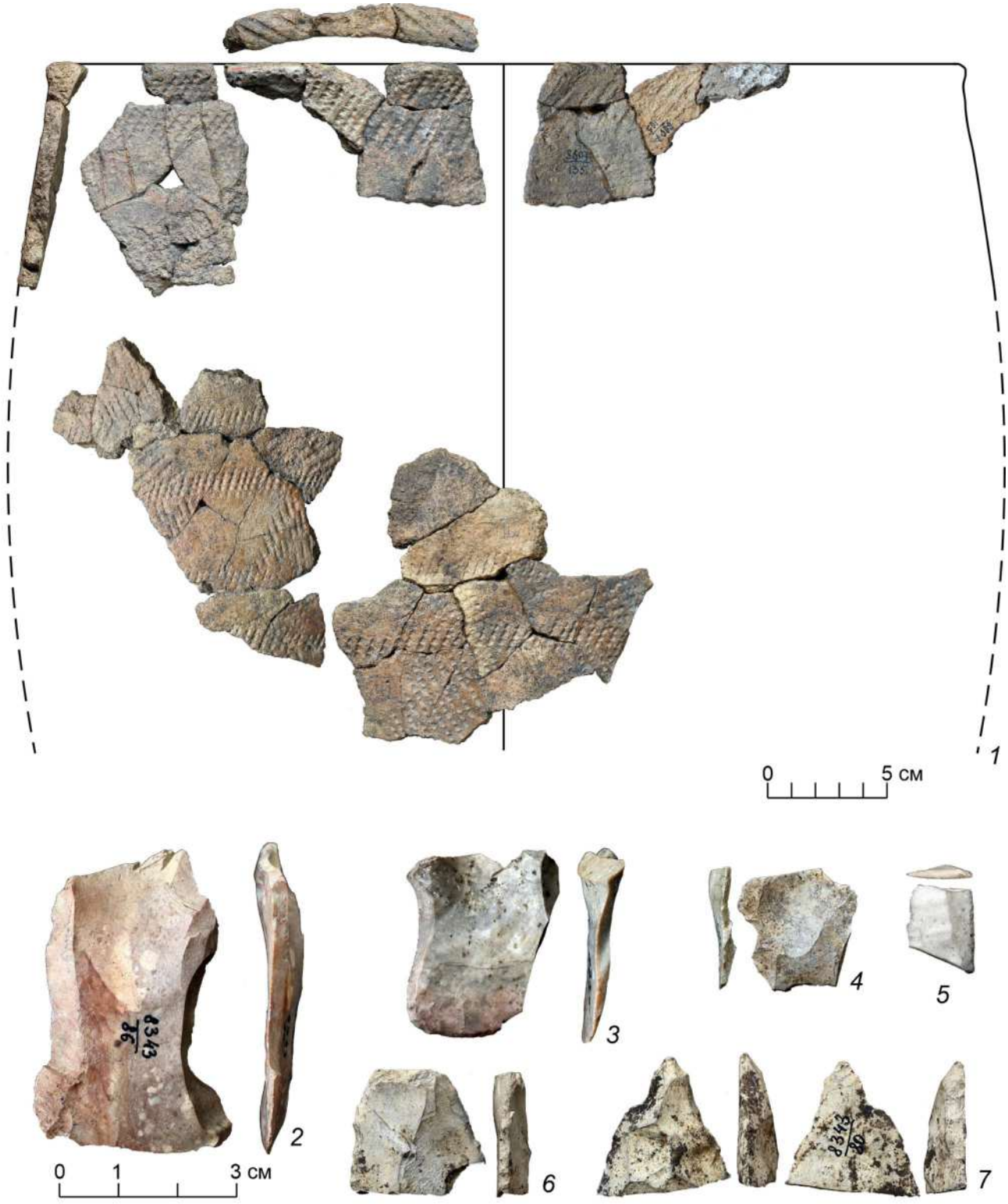


Рис. 10. Стоянка Ниремка I, пункт № 5.
1 – керамический сосуд, графическая реконструкция; 2–5 – режущие орудия;
6 – комбинированное орудие; 7 – сверло.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белицкая Анастасия Леонидовна, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, сектор сохранения и популяризации археологического наследия, младший научный сотрудник.

Верещагина Ирина Викентьевна [25.11.1947–03.03.2006], канд. ист. наук, ИЯЛИ КФ АН СССР (1972–1975), сектор археологии, младший научный сотрудник; ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН, отдел палеолита, научный сотрудник (1975–2006).

Истомина Татьяна Валентиновна, канд. ист. наук, Сыктывкарский государственный университет, доцент кафедры источниковедения и археологии (1978–2004); волонтер, Торонто (Канада) 1978–2004.

Карманов Виктор Николаевич, канд. ист. наук, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, сектор сохранения и популяризации археологического наследия, зав. сектором; отдел археологии, ведущий научный сотрудник.

Косинская Любовь Львовна, канд. ист. наук, УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Проблемная научно-исследовательская лаборатория, старший научный сотрудник.

Логинова Эльвира Серафимовна [30.08.1936–08.2017], ИЯЛИ КФ АН СССР/ ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, младший научный сотрудник отдела этнографии и археологии/отдела археологии (1966–1999).

Лысков Олег Альбертович, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, отдел археологии, младший научный сотрудник (1991–1994), ведущий программист-инженер (с 2000 г. по настоящее время).

Макаров Александр Сергеевич, генеральный директор ООО «Археологические изыскания».

Паршуков Юрий Валерьевич [27.06.1977–07.05.2021], ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, младший научный сотрудник отдела археологии (2002–2009).

Попов Евгений Валентинович, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, сектор сохранения и популяризации археологического наследия, старший лаборант.

Туркина Татьяна Юрьевна, Национальный музей Республики Коми, зам. директора по науке.

Шумкин Владимир Яковлевич, канд. ист. наук, ИИМК РАН, старший научный сотрудник.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ, ПОМОГАВШИХ АВТОРАМ

Гиря Евгений Юрьевич, канд. ист. наук, ИИМК РАН, экспериментально-трасологическая лаборатория, старший научный сотрудник

Гольева Александра Амуриевна, докт. геогр. наук, ИГ РАН, отдел географии и эволюции почв, главный научный сотрудник

Зарецкая Наталья Евгеньевна, канд. геол.-минерал. наук, ИГ РАН, лаборатория палеоархивов природной среды, ведущий научный сотрудник

Косинцев Павел Андреевич, канд. биол. наук, ИЭРиЖ УрО РАН, лаборатория палеоэкологии, старший научный сотрудник

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКФ ВГО – Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии животных и растений УрО РАН
ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центр УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
РА – Российская археология
СА – Советская археология
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ПАМЯТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 9

Карманов В.Н. ***Археолог Лузгин*** 10

Логинова Э.С. ***Ирина и Двина*** 20

Косинская Л.Л. ***Ирина Верещагина*** 22

Шумкин В.Я. ***Археолог Ирина Викентьевна Верещагина. Памяти коллеги и друга*** 23

ЧУЖЪЯЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОЗМОЖНЫЙ ФИНАЛ 42

Логинова Э.С. ***Эньты VII*** 43

Белицкая А.Л., Карманов В.Н. ***Мучкас-1*** 58

ГАРИНСКАЯ (ЧОЙНОВТИНСКАЯ) КУЛЬТУРА: РАСЦВЕТ 86

Верещагина И.В. ***Юмиж I*** 87

Паршуков Ю.В. ***Шиховское II*** 101

Истомина Т.В., Макаров А.С. ***Ласта VI*** 123

Туркина Т.Ю., Карманов В.Н. ***Мартюшевское II/1*** 136

РАЗНООБРАЗИЕ КУЛЬТУР 166

Лысков О.А., Карманов В.Н., Попов Е.В. ***Пидж I/12*** 167

Косинская Л.Л. ***Ниремка I, Пункты № 2, 4–5*** 197

Сведения об авторах 214

Сведения об исследователях, помогавших авторам 215

Список сокращений 216

CONTENTS

Introduction 5

TO THE MEMORY OF RESEARCHERS 9

Karmanov V.N. ***Archaeologist Luzgin*** 10

Loginova E.S. ***Irina and Dvina*** 20

Kosinskaya L.L. ***Irina Vereshchagina*** 22

Shumkin V.Ya. ***Archaeologist Irina Vikentievna Vereshchagina. To the memory of a colleague and a friend*** 23

CHUZHYAYEL' CULTURE: A POSSIBLE FINAL 42

Loginova E.S. ***En'ty VII*** 43

Belitskaya A.L., Karmanov V.N. ***Muchkas-1*** 58

GARINO (CHOYNOVTY) CULTURE: FLOURISHING TIME 86

Vereshchagina I.V. ***Yumizh I*** 87

Parshukov Yu.V. ***Shikhovskoe II*** 101

Istomina T.V., Makarov A.S. ***Lasta VI*** 123

Turkina T.Yu., Karmanov V.N. ***Martyushevskoe II/1*** 136

CULTURES' DIVERSITY 166

Lyskov O.A., Karmanov V.N., Popov E.V. ***Pidzh I/12*** 167

Kosinskaya L.L. ***Niremka I, Locations 2, 4-5*** 197

Authors 214

Information about the researchers who helped the authors 215

List of abbreviations 216

Научное издание

ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОГО НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА
В БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ, ПЕЧОРЫ И МЕЗЕНИ
Материалы по археологии европейского Северо-Востока
Выпуск 21

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(протокол № 7 от 22 июня 2022 г.)

На обложке – керамическое пряслице из жилища № 2 поселения Шиховское II
(см. статью Ю.В. Паршукова в настоящем сборнике, с. 121)

Редактор О.А. Гросу
Оригинал-макет И.М. Тимушева
Корректура английского перевода: Т.А. Искакова, Е.С. Кузьмина

Лицензия № 0047 от 10.01.99.
Подписано в печать 30.12.2022.
Усл.-печ. л. 27,6. Уч.-изд. л. 28,0. Формат 60*84 1/8.
Тираж 500.
Заказ № 40.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24

ISBN 978-5-89606-628-6